

ISSN 2409-8701 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ПСИХОЛОГ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-05-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Богоявленская Диана Борисовна, доктор психологических наук, tro-120@mail.ru

ISSN: 2409-8701

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-05-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Bogoyavlenskaya Diana Borisovna, doktor psikhologicheskikh nauk, mpo-120@mail.ru

ISSN: 2409-8701

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Харитонов Александр Николаевич — кандидат психологических наук, доцент, президент Русского психоаналитического общества. Московский городской психоэндокринологический центр. 119002, Россия, Москва, ул. Арбат, 25-2.

Богоявленская Диана Борисовна — доктор психологических наук, профессор, почётный работник Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, зав. лабораторией Психологического института Российской академии образования. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 9, строение 4.

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — доктор психологических наук, профессор, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Розенова Марина Ивановна — доктор психологических наук, доцент, профессор Московского государственного областного университета. 105005, Россия, Москва, ул. Радио, д. 10.

Россохин Андрей Владимирович — доктор психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Белинская Елена Павловна - доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова .

Пазухина Светлана Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого", 300026, г. Тула, проспект Ленина, 125pazuhina@mail.ru

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тихоокеанский государственный университет», профессор кафедры психологии. 680000, Россия, Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68, borzova_tatiana@mail.ru

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Намли Елена (Namli Elena) – доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 119991, Россия, Москва, ул. Волхонка, 14/1, строение 5.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук; Россия, г. Москва, Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, 109240

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Шестопад Елена Борисовна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической социологии и психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Артемьева Ольга Аркадьевна - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Иркутский государственный университет", профессор, руководитель лаборатории методологии и истории психологии, 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, каб. 205, oaartemeva@yandex.ru

Гельман Виктор Яковлевич - доктор технических наук, ФГБОУ ВО Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова Минздрава России., профессор, 196066, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Авиационная, 9, кв. 31, gelm@sg2104.spb.edu

Енгальчев Вали Фатехович - доктор психологических наук, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Руководитель Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики , 248002, Россия, Калужский область, г. Калуга, ул. Лесная, 59, valiyen@gmail.com

Каширский Дмитрий Валерьевич - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Российский государственный социальный университет", профессор факультета психологии, 129226, Россия, г. г Москва, ул. В. Пика, 4, оф. стр. 1, psymath@mail.ru

Краснянская Татьяна Максимовна - доктор психологических наук, АНО ВО "Московский гуманитарный университет", профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии, 107207, Россия, столичный, г. Москва, ул. Уральская, д.6, к.5, кв. 34, ktm8@yandex.ru

Куликов Леонид Васильевич - доктор психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры социальной психологии , 195297, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Светлановский пр. 70. к.1, 137, кв. 137, leon-piter@mail.ru

Макарова Елена Александровна - доктор психологических наук, Донской государственный технический университет, профессор кафедры общей и консультативной психологии, 347930, Россия, г. Таганрог, ул. Ей1ская, 13, makarova.h@gmail.com

Рубцова Надежда Евгеньевна - доктор психологических наук, АНО ВО "Российский новый университет", профессор кафедры общей психологии и психологии труда, 170008, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Склизкова, дом 27, корпус 1, кв. кв.

77, hope432810@yandex.ru

Тагариева Ирма Рашитовна - доктор педагогических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», заместитель научного руководителя Научно-исследовательского института стратегии развития образования, 450077, Россия, республика Респ Башкортостан, г. Уфа, ул. Энгельса, 1/1, кв. 56, irma_levina@mail.ru

Шевелёва Светлана Анатольевна - доктор медицинских наук, заведующий лабораторией, ФГБУН «ФИЦ питания и биотехнологии», 109240, Россия, Москва, Устьинский проезд, 2/14 Sheveleva@ion.ru

Editorial collegium

Kharitonov Alexander Nikolaevich — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, President of the Russian Psychoanalytic Society. Moscow City Psychoendocrinological Center. 25-2 Arbat str., Moscow, 119002, Russia.

Bogoyavlenskaya Diana Borisovna — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honorary Worker of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Head. laboratory of the Psychological Institute of the Russian Academy of Education. 125009, Russia, Moscow, Mokhovaya str., 9, building 4.

Leontiev Dmitry Alekseevich — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Rozenova Marina Ivanovna — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of Moscow State Regional University. 10, Radio str., Moscow, 105005, Russia.

Rossokhin Andrey Vladimirovich — Doctor of Psychological Sciences, Senior Researcher at the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Belinskaya Elena Pavlovna - Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of Social Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Svetlana V. Pazukhina – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tolstoy Tula State Pedagogical University", 300026, Tula, Lenin Avenue, 125pazuhina@mail.ru

Borzova Tatiana Vladimirovna – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Pacific State University", Professor of the Department of Psychology. 680000, Russia, Khabarovsk, Karl Marx str., 68, borzova_tatiana@mail.ru

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Namli Elena – Doctor of Ethics, Professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief editor of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 14/1 Volkhonka str., building 5, Moscow, 119991, Russia.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; Russia, Moscow, Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, 109240

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) –

Germany.

Elena Borisovna Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Political Sociology and Psychology of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Berezantsev Andrey Yuryevich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Artemyeva Olga Arkadyevna - Doctor of Psychological Sciences, Irkutsk State University, Professor, Head of the Laboratory of Methodology and History of Psychology, 664025, Russia, Irkutsk, Chkalova str., 2, room 205, oaartemeva@yandex.ru

Gelman Viktor Yakovlevich - Doctor of Technical Sciences, I.I. Mechnikov Northwestern State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Professor, 196066, Russia, Saint Petersburg, Aviatzionnaya str., 9, sq. 31, gelm@sg2104.spb.edu

Engalychev Vali Fatekhovich - Doctor of Psychological Sciences, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Head of the Scientific Research Center for Forensic Examination and Criminalistics, 59 Lesnaya str., Kaluga, 248002, Russia, Kaluga Region, valiyen@gmail.com

Kashirsky Dmitry Valeryevich - Doctor of Psychological Sciences, Russian State Social University, Professor of the Faculty of Psychology, 129226, Russia, Moscow, V. Pika str., 4, of. p. 1, psymath@mail.ru

Krasnianskaya Tatiana Maksimovna - Doctor of Psychological Sciences, ANO VO "Moscow Humanitarian University", Professor of the Department of General, Social Psychology and History of Psychology, 107207, Russia, Stolichny, Moscow, Uralskaya str., 6, room 5, sq. 34, ktm8@yandex.ru

Leonid V. Kulikov - Doctor of Psychological Sciences, St. Petersburg State University, Professor of the Department of Social Psychology, 195297, Russia, St. Petersburg, ul. Svetlanovsky ave. 70. k.1, 137, sq. 137, leon-piter@mail.ru

Makarova Elena Aleksandrovna - Doctor of Psychological Sciences, Don State Technical University, Professor of the Department of General and Consultative Psychology, 13, Yeiskaya str., Taganrog, 347930, Russia, makarova.h@gmail.com

Rubtsova Nadezhda Evgenievna - Doctor of Psychological Sciences, ANO VO "Russian New University", Professor of the Department of General Psychology and Labor Psychology, 170008, Russia, Tver region, Tver, ul. Sklizkova, house 27, building 1, sq. sq. 77, hope432810@yandex.ru

Tagarieva Irma Rashitovna - Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla", Deputy Scientific Director of the Research Institute of Educational Development Strategy, 450077, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Engels str., 1/1, sq. 56, irma_levina@mail.ru

Sheveleva Svetlana Anatolyevna - Doctor of Medical Sciences, Head of the laboratory,
FGBUN "FITZ nutrition and Biotechnology", 109240, Russia, Moscow, Ustinsky proezd, 2/14
Sheveleva@ion.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

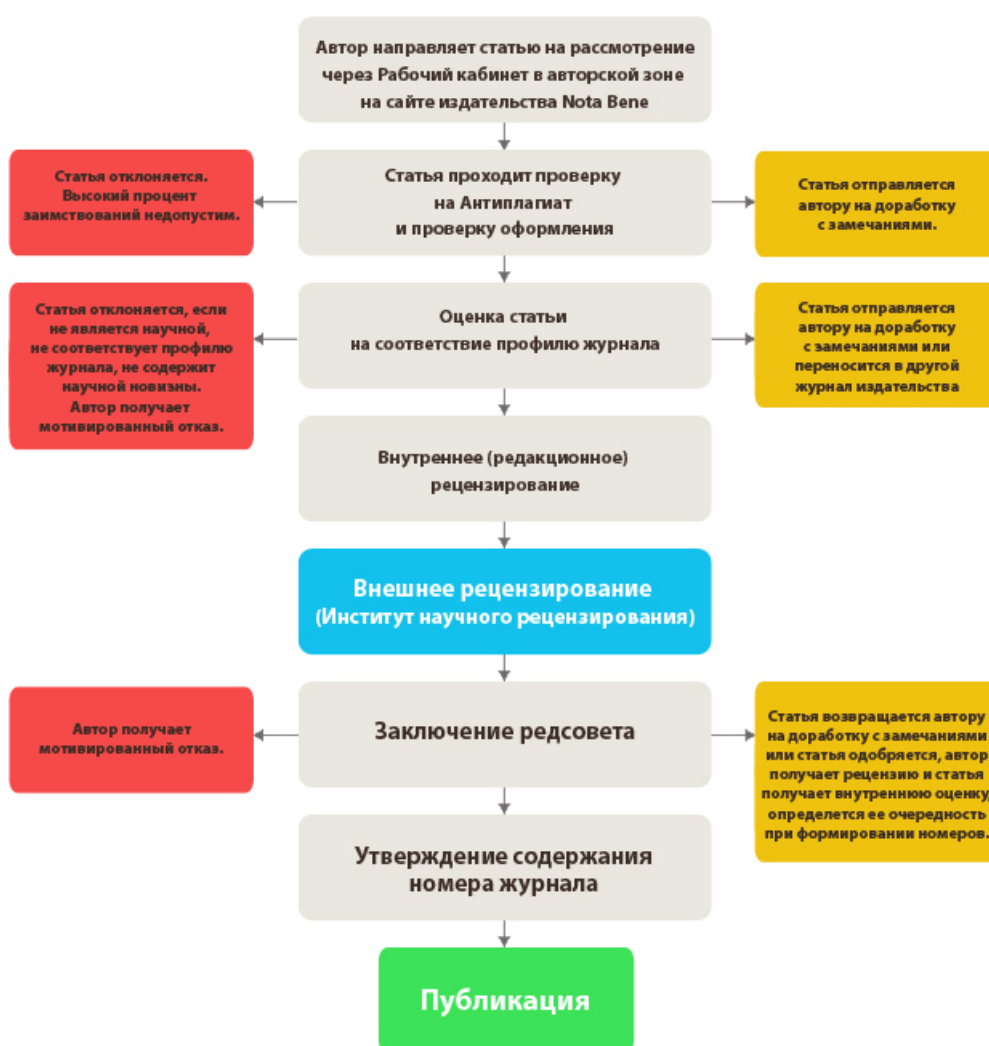
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Джанерьян С.Т., Гвоздева Д.И., Ким А.Э. Стратегии адаптации студентов в вузе: виды и результативность	1
Штырев М.М., Башкин Е.Б. Представления о лидерских качествах студентов-журналистов с разным уровнем академической успеваемости	26
Шляхов И.С., Горбунов И.А., Дахновская М.С. Электрофизиологические маркеры когнитивного контроля в задаче Струпа: анализ вызванных потенциалов	45
Жукова А.А. Сравнительный анализ личностных особенностей людей, испытавших и не испытавших трансцендентный опыт	57
Шуткина Ж.А., Михайлова Н.В. Психологические характеристики зрелости личности волонтера	79
Пензина Н.И., Семакова Е.В. Психодиагностика жизнестойкости и взаимосвязанных с ней личностных параметров у сотрудников	94
Коньков К.А. Использование ChatGPT в развитии критического мышления	111
Англоязычные метаданные	120

Contents

Dzhaneryan S.T., Gvozdeva D.I., Kim A.E. Student adaptation strategies in higher education institution: types and effectiveness	1
Shtyrev M.M., Bashkin E.B. Perceptions of leadership qualities among journalism students with different levels of academic performance.	26
Shlyakhov I.S., Gorbunov I.A., Dakhnovskaya M.S. Electrophysiological markers of cognitive control in the Stroop task: analysis of event-related potentials	45
Zhukava A. A comparative analysis of personal characteristics of people who have experienced and not experienced a transcendental experience	57
Shutkina Z.A., Mikhaylova N.V. Psychological characteristics of a volunteer's personality maturity	79
Penzina N., Semakova E.V. Psychodiagnostics of employees' hardiness and related personality parameters	94
Konkov K.A. The use of ChatGPT in the development of critical thinking	111
Metadata in english	120

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Джанерьян С.Т., Гвоздева Д.И., Ким А.Э. Стратегии адаптации студентов в вузе: виды и результативность //

Психолог. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8701.2025.2.73548 EDN: TPMEEX URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73548

Стратегии адаптации студентов в вузе: виды и результативность

Джанерьян Светлана Тиграновна

ORCID: 0000-0002-1743-5751

доктор психологических наук

профессор; кафедра психологии личности и консультативной психологии; Южный федеральный университет

344038, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, оф. 239

✉ swetdjan@yandex.ru

Гвоздева Дарья Ивановна

ORCID: 0000-0003-3577-7760

кандидат психологических наук

зав. кафедрой; Академия психологии и педагогики; Южный федеральный университет

Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, пр-кт Михаила Нагибина 13

✉ gvozdeva@sfedu.ru

Ким Алина Эдуардовна

ORCID: 0009-0004-4899-9770

кандидат психологических наук

старший преподаватель; Академия психологии и педагогики; Южный федеральный университет

344038, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, пр-кт Михаила Нагибина, д. 13

✉ alink@sfedu.ru

[Статья из рубрики "Психология и педагогика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2025.2.73548

EDN:

TPMEEX

Дата направления статьи в редакцию:

03-03-2025

Дата публикации:

24-03-2025

Аннотация: Излагаются результаты исследования, нацеленного на установление видов и результативности поведенческих стратегий адаптации у 358 студентов-психологов, обучающихся в бакалавриате, специалитете, магистратуре. Предмет исследования: поведенческая стратегия адаптации студентов вуза рассмотрена как устойчивая форма организации конкретных поведенческих установок и действий, обеспечивающая активное овладение содержанием осваиваемых ролей и профессиональных задач с помощью учебного процесса. Стратегии адаптации развертываются на этапе вузовской профессиональной подготовки, способствующей профессиональной дифференциации и специализации студентов, формированию у них на этой стадии профессиональной идентичности и достижению главной цели образовательного процесса любого вуза – подготовка высококвалифицированных кадров в данной профессиональной области. С учетом этого рассматриваются актуальная (выраженность показателей адаптированности к группе и к учебе) и потенциальная (показатели профессиональной идентичности и самооценка готовности работать по специальности) результативность стратегий. Методы: анкетирование; тестирование («Адаптированность студентов в вузе» (Т.Д. Дубовицкая, А.В. Крылова); методика исследования профессиональной идентичности – МИПИ (Л. Шнейдер); самооценка готовности работать по специальности, получаемой в вузе. В результате эмпирически установлены следующие стратегии: поиск социально-информационной поддержки; академический обман; обладание статусной позицией; академическая прилежность; использование административного ресурса; презентация академической включенности; академическая самостоятельность. Показана зависимость динамики выбора студентами тех или иных стратегий от курса и уровня получаемого в вузе образования. Установлено, что выбранная студентами та или иная стратегия адаптации избирательна в отношении ее актуальной и потенциальной результативности в зависимости от уровня получаемого образования. Научную новизну представляют изученные поведенческие стратегии адаптации, предложенные показатели их результативности, установленные связи между выраженностью стратегии и ее актуальной и потенциальной результативностью в зависимости от курса и уровня получаемого образования. Результаты могут быть полезны для преподавателей, студентов, специалистов психологической службы вуза и работодателей.

Ключевые слова:

адаптация в вузе, стратегия адаптации, строение стратегии адаптации, поведенческая стратегия адаптации, актуальная результативность стратегии, потенциальная результативность стратегии, показатели результативности, студенты бакалавриата, студенты специалитета, студенты магистратуры

Введение

Развернувшееся в РФ за последнее десятилетие реформирование высшего образования касается содержания и структуры учебных программ, уровней, форм, организации и траекторий обучения, воспитательной работы, общественной активности на фоне

избыточных образовательных и социальных ресурсов. Это не только порождает общественный запрос на мониторинг результатов реформирования, но и усиливает значение психологического сопровождения в вузе, нацеленного среди прочего на установление и оценку результативности студенческих стратегий адаптации. С учетом закономерностей профессионального становления специалиста стратегии адаптации студентов в вузе разворачиваются на этапе профессиональной подготовки, способствующей освоению профессиональных знаний, умений и навыков, основных ценностей, формированию профессионально важных свойств, профессиональной пригодности, профессионального самосознания, профессиональной идентичности [1-4]. В свою очередь, успешность этих стратегий влияет на эффективность профессиональной подготовки, социального и профессионального становления личности, на собственно профессиональную адаптацию и возможность построения карьеры в соответствующей профессиональной области [5-7].

Теоретический обзор исследований

Анализ стратегий адаптации студентов предполагает учет специфики видов, процесса, результатов адаптации студентов в вузе. Исследователи отмечают рост числа работ по проблеме адаптации в образовательной сфере [8], что и отражается в публикациях, посвященных изучению различных видов адаптации студентов: социально-психологическая, социокультурная, психологическая, вузовская, академическая [9-11]. Безусловными лидерами исследовательского интереса стали социально-психологическая и академическая адаптации в вузе, анализируемые в контексте их факторов, эффектов, личностных особенностей студентов, осуществляющих саморегуляцию. Как справедливо отмечается [12], данные виды адаптации отражают ее наиболее очевидные стороны - социально-психологическую и деятельностную.

Социально психологическая сторона адаптации раскрывается в особенностях приспособления студентов к учебной группе и преподавателям, взаимодействию с кураторами, администрацией, сотрудниками деканата, руководителями учебных подразделений и различных общественных организаций [13]. Удовлетворенность студентов отношениями с разными вузовскими общностями, с учебно-вспомогательным персоналом включают в показатели адаптации в вузе [14]. На фоне избыточных социальных ресурсов (волонтерство, наставничество, вожатничество, участие в грантах, работа в точках кипения и т.п.) сам обучающийся может занимать несколько позиций с соответствующим набором требований, норм и правил поведения - студент, подчиненный, член общественной организации [5], что оказывается значимым и для собственно адаптации в вузе, и для формирования профессиональной идентичности, и для дальнейшей профессиональной карьеры.

Академическая адаптация студентов в вузе рассматривается в широком понимании как конструкт, отражающий восприятие студентом различных явлений, относящихся к личности (физическое и психологическое благополучие, навыки обучения и управления временем), отношениям с коллегами и преподавателями, качеству образовательного учреждения, карьерным перспективам [15]. В исследованиях отечественных ученых академическая адаптация трактуется как процесс и результат приспособления обучающегося к различным обстоятельствам образовательной среды, включая физическую, материальную, социальную, когнитивную, экологическую составляющие [12]. В более узком понимании академическая адаптация рассматривается как один из аспектов адаптации в вузе наряду с социальной, личностно-эмоциональной адаптацией и

институциональной приверженностью [16]. Она характеризует успешность совладания студентов с образовательными требованиями университета [16], фиксируясь в результатах решения студентами академических задач, академических достижениях и общей удовлетворенности учебной средой [17-18]. Дополнительным стимулом мониторинга академической адаптации выступают не только наличие различных уровней, направлений, форм и методов образования, но и предусмотренная в вузе подготовка к гибкой смене профессий и специальностей (цифровые кафедры, факультативы, разные формы ДПО и т.п.). В итоге многие студенты, окончив бакалавриат по одной специальности, продолжают обучение в магистратуре по другой специальности, никак не связанной с первой. Это не может не сказываться на формировании у обучающихся профессиональной идентичности, выборе ими профессиональной карьеры в определенной области, и тем более, на выборе той или иной стратегии адаптации в вузе. Как показано в исследованиях [13; 19], специфика адаптации и соотношение ее видов зависит от курса, методов, формы обучения, образовательных условий, благодаря чему сохраняется исследовательский тренд создания для изучения адаптации собственного методического инструментария в виде структурированных интервью [7; 10; 17] и анкет [19]. И для каждого преподавателя очевидны различия в специфических способах поведения, которые разворачивают студенты в условиях подготовки к занятиям, сдачи экзаменов, написания научных работ. Иными словами, процессы социально-психологической или академической адаптации так или иначе сказываются не только на показателях выраженности адаптированности, но и на сформированности профессиональной идентичности, выборе профессиональной карьеры в соответствующей области. А, следовательно, есть основания для рассмотрения результатов процесса адаптации, касающихся не только актуальной адаптированности в вузе, но и потенциальной готовности студента работать по получаемой в вузе специальности.

Опираясь на эти соображения, мы обратились к трактовке адаптации студентов, которую А.В. Карпов рассматривает как процесс вхождения личности в совокупность ролей и форм деятельности в вузе, процесс содержательного и творческого приспособления индивида к особенностям избранной им профессии и специальности с помощью учебного процесса [20]. В этом определении мы усматриваем акценты на главных аспектах адаптации; на подчеркивании активной роли субъекта адаптации в зависимости от содержания осваиваемых ролей и профессиональных задач; на инструментальности учебного процесса для будущей профессиональной работы.

Отмеченная ранее тенденция к актуализации исследований по проблемам адаптации студентов сопровождается смещением акцентов на востребованность изучения индивидуальных стратегий адаптации [11; 16], которые выбирают студенты в вузовской образовательной среде в зависимости не только от личностных особенностей, но и от их собственных оценок ситуации, отношения к обучению, курса, формы и методов обучения [16; 18; 21; 22]. Сам процесс адаптации рассматривается как активное и не всегда осознанное формирование субъектом стратегии и способов овладения ситуацией [23].

Иначе говоря, процессуальная наполненность индивидуальной адаптации в вузе представляет содержание стратегий, которые строят студенты, добиваясь приемлемого вхождения и функционирования в вузовской образовательной среде с учетом ее условий, разнообразных форм, иных субъектов (администрация вуза, преподаватели, вспомогательный персонал, студенты, представители общественных организаций вуза и т.п.), а также собственных индивидуальных возможностей.

Опираясь на представления о строении жизненной [\[24\]](#) и карьерной [\[25\]](#) стратегии личности, в широком понимании мы рассматриваем стратегию адаптации студентов как соответствующую учебным и профессионально-карьерным устремлениям и возможностям субъекта устойчивую форму организации конкретных поведенческих установок и действий, обеспечивающую активное овладение содержанием осваиваемых ролей и профессиональных задач с помощью учебного процесса. Строение стратегии академической адаптации, на наш взгляд, включает мотивационно-целевой (мотивы обучения и профессионально-карьерные мотивы); когнитивно-оценочный (оценки своих возможностей); поведенческий или операциональный (способы действий и установок) компоненты.

Применительно к содержанию индивидуальных стратегий – предмета нашего исследования, в данной статье рассматривается только поведенческий или операциональный компонент, который опирается на устремления субъекта и оценку им своих возможностей в условиях и обстоятельствах получения профессионального образования в вузе. Эти индивидуальные стратегии изучаются здесь как поведенческие стратегии адаптации.

В целом сложились представления о преобладании в индивидуальных стратегиях адаптации направленностей на преобразование субъектом среды или на самопреобразование субъекта в этой среде. Эти представления перекликаются со взглядами К. Абульхановой-Славской о типах жизненной активности человека как способах соединения личностью внешних и внутренних тенденций жизни с опорой на окружающих людей, на внутренние возможности, на соединение внешних обстоятельств и внутренних тенденций [\[24\]](#).

Те или иные стратегии адаптации приводят к разным итогам: в конкретных ситуациях их эффект для адаптации может быть положительным, отрицательным, или индифферентным [\[16; 26\]](#), оказываясь в одних случаях ресурсом, а в других – риском для адаптации [\[22\]](#).

Результативность стратегий адаптации рассматривается в контексте результативности процесса адаптации, традиционно оценивается по выраженности актуальной адаптированности на основе объективных и субъективных показателей. К первым относят нормативные характеристики успешности учебной, общественной, научной деятельности студентов; ко вторым – удовлетворенность (деятельностью, ситуацией, окружением, коллективом), показатели благополучия [\[5; 11; 16\]](#).

Принимая во внимание принятые нами трактовки адаптации и стратегии адаптации, полагаем целесообразным рассматривать актуальную результативность и потенциальную результативность этих стратегий. Актуальная результативность стратегии адаптации отражается в показателях адаптированности студента в вузе, фиксируемых в актуальном моменте в соответствии с двумя главными аспектами вузовской адаптации – социально-психологической и деятельностной.

С учетом закономерностей профессионального становления специалиста стратегии адаптации студентов разворачиваются на этапе вузовской профессиональной подготовки, способствующей профессиональной дифференциации и специализации студентов, формированию у них на этой стадии профессиональной идентичности [\[3; 4; 27; 28; 29\]](#) и достижению главной, конечной цели образовательного процесса любого вуза – подготовка высококвалифицированных кадров в данной профессиональной области. В этом плане стратегия адаптации обладает потенциальной результативностью, которая

отражает достигнутую обучаемым профессиональную идентичность и его уверенность (самооценку) работать по специальности. Психологически потенциальная результативность стратегии адаптации свидетельствует о приверженности студента к полученной специальности при выборе работы.

Профессиональная идентичность рассматривается Л.Б. Шнейдер как результат процессов профессионального самоопределения, персонализации и самоорганизации, который проявляется в осознании субъектом себя как представителя определенной профессии и профессионального сообщества, как определенная степень отождествления – дифференциации себя с «Делом» и «Другими» [4]. Не исключая возможности формирования профессиональной идентичности до получения профессионального образования [4], исследователи единодушны по поводу формирования профессиональной идентичности именно на этапе получения профессионального образования в вузе. По данным одних авторов первый курс является критичным для формирования профессиональной идентичности: ее фиксировали у студентов-медиков 1 курса, где она была выше, по сравнению с другими людьми, не осваивающими эту программу, и особенно высокой у тех студентов, кто уже работал в здравоохранении [29]. В другой работе [30] показано, что профессиональная идентичность формируется дискретно, неравномерно, индивидуально. Ее достигнутый уровень фиксируется уже к середине обучения в вузе у включенных в научную и профессиональную деятельность студентов-психологов, а к концу обучения профессиональная идентичность была связана даже с конкретной профессиональной специализацией [30]. На основании результатов изучения студентов разных специальностей из 28 вузов исследователи выявили, что характерная для студентов бакалавриата низкая идентификация с получаемой профессией негативно сказывается на их намерении строить свою карьеру в рамках полученного профессионального образования и работать по специальности [28]. Показано, что намереваются и связывают свою жизнь с профессией и карьерой в области, соответствующей специальности, те студенты вуза, которые проявляли высокую учебную активность, участвовали в деятельности научно-практических лабораторий и НИР, на младших курсах активно «пробовали» себя в разных сферах деятельности, не ограничиваясь учебой или концентрируясь в основном только на учебе [31].

По мнению Э.Ф. Зеера, формирование профессиональной идентичности и готовности к будущей практической деятельности по получаемой специальности является главным для завершающего этапа профессионального образования [3]. Одним из критериев успешности прохождения этого этапа является именно отождествление себя с будущей профессией [3] или готовность студентов работать по специальности [5].

Опираясь на эти положения, мы предприняли исследование, **нацеленное** на установление видов и результативности поведенческих стратегий адаптации студентов.

Предметом исследования стали поведенческие стратегии адаптации студентов в вузе: теоретическим **объектом** – адаптация студентов в вузе.

Методологическими основаниями проведённого исследования выступили принцип единства сознания и деятельности; представления об адаптации в вузе (А.В. Карпов) и двух ее сторонах - социально-психологической и деятельностной (Р.М. Шамионов и др.), о процессе адаптации как формировании субъектом стратегии (Л.Г. Дикая.), о жизненных и карьерных стратегиях личности (К.А. Абульханова-Славская, Автор, Т.Н. Берлова), о разворачивании стратегий адаптации студентов на этапе профессиональной подготовки

(Е.А. Климов, А.К. Маркова, Э.Ф. Зеер), о специфике показателей успешности прохождения этого этапа (Э.Ф. Зеер, Л.Б. Шнейдер).

Методы исследования: анкетирование; тестирование (методика «Адаптированность студентов в вузе» (Т.Д. Дубовицкая, А.В. Крылова); методика исследования профессиональной идентичности - МИПИ (Л. Шнейдер); самооценка готовности к адекватной профессиональной деятельности.

В качестве эмпирического объекта исследования выступили 358 студентов университета (г.Ростов-на-Дону, ЮФУ), специализирующихся в области психологии, из них обучающиеся в бакалавриате: 44 студента 1 курса, 72 студента 2 курса, 33 студента 3 курса и 10 студентов 4 курса, обучающиеся в специалитете: 71 студент 1 курса, 90 студентов 2 курса; обучающиеся в магистратуре: 27 студентов 1 года и 11 студентов 2 года. Средний возраст студентов бакалавриата – 19,8 лет, студентов специалитета – 19 лет, студентов магистратуры – 36,3 года.

Охват студентов разных курсов и уровней вузовского образования оправдан следующими результатами предыдущих исследований адаптации вузе. Несмотря на преимущественное изучение особенностей адаптации у студентов 1 года обучения, который оценивается как наиболее значимый и трудный для освоения новой социальной информации [\[16\]](#), сообщается, что адаптация студентов на первом курсе охватывает только треть обучающихся [\[32\]](#) и оканчивается к 3-му курсу [\[28\]](#). Отметим также, что форма обучения студентов бакалавриата и специалитета – дневная, в то время как студенты магистратуры обучаются во второй половине дня и одновременно работают.

Пункты анкеты включали вопросы о демографических данных респондентов, а также описание поведенческих проявлений студентов, обеспечивающих их адаптацию к обучению в вузе, которые необходимо было оценить по 10-балльной шкале; где 1 балл - абсолютно не согласен, а 10 баллов — абсолютно согласен. В формулировании пунктов анкеты принимали участие 4 преподавателя (стаж работы более 6 лет), студенты 2-го и 3-го курсов (старосты групп и студенческих научных обществ).

Методика «Адаптированность студентов в вузе», разработанная Т.Д. Дубовицкой и А.В. Крыловой, позволила оценить выраженность адаптированности к учебной группе и адаптированности к учебной деятельности, т.е. оценить наиболее очевидные составляющие адаптации. С помощью методики МИПИ (Л. Шнейдер) были получены показатели профессиональной идентичности студентов. Самооценка готовности работать по полученной специальности после окончания вуза фиксировалась с помощью ответа на вопрос: «Буду работать по полученной специальности после окончания обучения вузе». Ответы оценивались по 10-балльной шкале, где 1 балл — абсолютно не согласен, а 10 баллов — абсолютно согласен. В итоге в качестве эмпирических показателей актуальной результативности стратегий рассматривались выраженность показателей адаптированности к учебной группе и к учебной деятельности, а потенциальной результативности стратегий - показатели профессиональной идентичности и самооценка готовности работать по специальности. Для установления результативности стратегий адаптации устанавливались корреляции между выраженностью того или иного вида стратегии и выраженностью конкретных показателей результативности для выборок студентов 1-2 курсов бакалавриата и специалитета, для выборки студентов магистратуры 1 года обучения и общей выборки участвующих в исследовании студентов.

Статистическая обработка результатов осуществлялась с помощью факторного анализа, описательной статистики, корреляции Пирсона. Факторный анализ, а также проверка

предположений о нормальности распределений выполнялись в модулях Factor Analysis, Multiple Regression, Descriptive Statistics (Shapiro-Wilks' W-test, критерий нормальности Колмогорова-Смирнова для генеральных совокупностей со скорректированными для выборочных наблюдений вероятностями Lilliefors) программы Tibco statistica 13.3.

Результаты и их обсуждение.

По итогам факторного (Varimax raw, Principal components) анализа показателей – балльные оценки ответов на вопросы анкеты – для всей выборки респондентов было получено 7-и факторное решение, объясняющее 61,8 % дисперсии (таблица 1). Последующий анализ содержания ведущих по оценкам респондентов ответов, получивших в каждом из факторов высокие веса [$>0,6$], позволил выделить и содержательно обозначить виды поведенческих стратегий адаптации.

Таблица 1 - Результаты факторного анализа балльных оценок ответов студентов на вопросы анкеты (FactorLoadings (Varimaxraw), Extraction: Principalcomponents)

Вопросы анкеты	Факторы						
	1	2	3	4	5	6	7
стать старостой группы	0,0655	-0,0149	0,6302	-0,2716	0,2369	0,2019	0,1867
участвовать в НИД кафедры	0,1378	0,0500	0,6922	0,3377	0,0668	-0,1118	0,0608
стать сотрудником кафедры / деканата	0,1837	-0,0651	0,7694	0,0279	0,1741	0,0458	-0,0845
дружить со старостой/профоргом	0,2248	0,1500	0,0420	-0,0339	0,6962	0,1810	0,1276
входить в студенческие общественные организации университета	0,6132	0,0059	0,2945	-0,0858	0,3416	0,1738	0,1592
входить в студенческие сообщества в соцсетях	0,6979	0,0891	0,1397	0,0118	0,2325	0,0522	0,2604
опираться на опыт старшекурсников	0,6179	0,0624	0,0038	0,2086	0,3272	0,1586	0,0989
прорабатывать учебный материал, рекомендованный преподавателями	0,3216	-0,1025	0,1072	0,7031	0,1067	-0,0556	0,1473
уметь красиво говорить	0,0429	0,1931	0,0116	-0,1851	0,1674	0,7577	-0,0155
уметь продемонстрировать умение	0,1784	0,0381	0,0639	0,0734	0,0977	0,7915	0,0454
использовать возможности обращения к руководителю подразделения	0,3691	0,0791	0,1399	0,1372	0,6140	0,1736	0,0265
умело использовать шпаргалки, готовые тестовые задания, гаджеты, наушники и пр.	0,0553	0,8517	0,0236	-0,0278	0,0724	0,1116	-0,0702
написать самостоятельно							

всю работу	0,1234	-0,1717	0,1254	0,1553	-0,0402	0,1085	0,7579
работу можно скачать в интернете, взять у старшекурсников, купить и т.п.	0,0220	0,8822	-0,0427	-0,0331	0,0354	0,0453	-0,1038
ответственно и самостоятельно готовиться к сдаче экзамена	0,1641	-0,0952	-0,0345	0,0187	0,0675	-0,0588	0,8024

**Примечание:* в таблице представлены только ответы на вопросы, получившие весовые нагрузки > 0,6; жирным шрифтом выделены весовые нагрузки > 0,6.

Опишем содержание каждого из полученных факторов.

Фактор 1 включает с высокими положительными весами следующие ответы: входить в различные студенческие сообщества и чаты в социальных сетях, где делятся информацией об учебе (0,697), опираться на опыт старшекурсников (0,617), входить в различные студенческие общественные организации университета (0,613). Этот фактор был обозначен как **Стратегия поиска социально-информационной поддержки**.

В работах, посвященных связям между активностью студентов в социальных сетях, общественных организациях, контактах с другими студентами, с одной стороны, и адаптированностью в вузе и академической успеваемостью [9; 13; 17; 33; 34], с другой стороны, показано позитивное влияние интернет-активности студентов на их адаптацию к образовательной среде университета [9; 13], на академическую адаптацию и социализацию иностранных студентов [17]. Отмечается, что это влияние опосредовано курсом обучения, временем проведения в интернете и отражается на академической успеваемости как одного из показателей академической адаптации. Повышение академической успеваемости под влиянием интернет-активности фиксировали только у студентов на первом курсе, а не на старших курсах [33]. Однако длительность и чрезмерность общения в сетях, способствующее формированию зависимости, может негативно влиять на академическую успеваемость [34]. Показано так же, что непосредственное общение со студентами и особенно, с высокоуспевающими из них играет позитивную роль для адаптации и академической успеваемости иностранных студентов [32; 33].

Во всех случаях интернет-активность студентов и непосредственное общение - неотъемлемые атрибуты образовательного процесса, отражающие стремление студентов к активному сбору и обмену информацией для решения возникающих перед ними задач взаимодействия с социальной средой.

Фактор 2 включает с высокими положительными весами ответы: умело использовать шпаргалки, готовые тестовые задания, гаджеты, наушники и пр. (0, 852); работу можно скачать в интернете, взять у старшекурсников, купить и т.п. (0,882). Этот фактор был обозначен как **Стратегия академического обмана**.

Исследователи обсуждают академический обман или мошенничество (списывание, гострайтинг – практика заказа и покупки академических работ, использование шпаргалок во время экзаменов; плагиат; сдача работ, сделанных другими; получение результатов экзамена до экзамена и т.п.) студентов в вузе как общепризнанное,

расширяющееся, но замалчиваемое явление [14; 35; 36]. Согласно результатам исследования, списывание распространено в российских вузах вне зависимости от типа вуза [36], около 43,6 % студентов склонны к мошенничеству либо на уровне установок, либо на поведенческом уровне [14] а формы мошенничества студентов различаются по приемлемости, порицанию и распространенности [35].

Фактор 3 включает с высокими положительными весами следующие ответы: стать старостой учебной группы (0,63), участвовать в НИД кафедры (0,692), стать лаборантом /сотрудником кафедры (0,769). Этот фактор был обозначен как **Стратегия обладания статусной позицией**. Стремление к более высокому социальному статусу у студентов оценивается в качестве фактора, способствующего правильной интерпретации социальной информации, усвоения ими групповых норм и ценностей и лучшей адаптации к социальной среде [13]. По сути эта стратегия сопряжена со строительством учебно-профессиональной карьеры во время обучения в вузе, когда студент дневной формы обучения одновременно работает на соответствующей кафедре [25].

Фактор 4 включает с положительной весовой нагрузкой ответ: «прорабатывать учебный материал, рекомендованный преподавателями» (0,703). Этот фактор был обозначен как **Стратегия академической прилежности**.

Приверженность студентов к участию в учебных мероприятиях и следование рекомендациям преподавателя как субъекта с аналогичными профессиональными интересами расцениваются как факторы вовлечения и позитивного опыта в университете [29; 37], как способствующие установлению адекватного темпа обучения и минимизации разочарования [21]. Наряду с этим излишняя старательность в учебном процессе обсуждается как признак социальной дезадаптации, т.к. социальная тревожность и беспокойство могут быть компенсированы студентами за счет высокой вовлеченности в учебу [38].

Фактор 5 включает с положительными весовыми нагрузками ответы студентов: дружить со старостой/профоргом (0,696); возможность обратиться к руководству подразделением (0,614). Этот фактор отражает нацеленность студентов на взаимодействие с вышестоящими по статусу и был назван **Стратегия использования административного ресурса**. Этот фактор может отражать стремление студента к поиску наставника, к получению дополнительной информации, защиты.

Фактор 6 представлен с высокими положительными нагрузками ответами: уметь «красиво» говорить (0,758); уметь продемонстрировать рвение (0, 791). Мы обозначили этот фактор как **Стратегия презентации академической включенности**. Для обсуждения этой стратегии полезны результаты исследования, свидетельствующие о наличии значимой отрицательной связи между показателями Шкалы «установка на социально-благожелательные ответы» и дидактическим и профессиональным компонентами вузовской адаптации [39]. Автор цитируемой работы оценивает поведение людей, осознанное ими как не желательное и не соответствующее социальным ценностям и требованиям, мимикрией под эти социальные требования. В другой работе показано, что создание в процессе самопрезентации образа социально необходимого члена общества характерно для студентов с деструктивным типом адаптации [40].

Фактор 7 представлен с высокими положительными нагрузками ответами: ответственно и самостоятельно готовиться к сдаче экзамена (0,802), написать самостоятельно всю

работу (0,758). Фактор был обозначен как **Стратегия академической самостоятельности**. Показано, что студенты, умеющие учиться самостоятельно (индивидуальный учебный план), имели меньше проблем с адаптацией, например, к дистанционному обучению, чем студенты очной формы [\[21\]](#).

Далее на основе определения для каждого респондента его доминирующей индивидуальной факторной оценки (в результате процедуры квантирования стандартизированных баллов для каждого респондента по каждому из факторов) анализировались группы студентов разных уровней и курсов обучения в вузе – субъектов выбора того или иного вида поведенческой стратегии адаптации. Процентное распределение этих студентов на каждом из курсов соответствующего уровня образования позволило сравнить распределение их стратегий адаптации (таблицы 2, 3).

Распределение студентов бакалавриата в соответствии с курсом и преобладающим видом стратегии показано в таблице 2.

Таблица 2 - Распределение по курсам бакалавров (в %), преимущественно выбравших те или иные виды стратегии адаптации (за 100 % принималось число студентов соответствующего курса обучения)

Стратегии	1курс	2курс	3 курс	4 курс
Поиск социально-информационной поддержки	18,18	9,72	9,09	30
Академический обман	6,82	19,44	27,27	0
Обладание статусной позицией	18,18	18,05	9,09	30
Академическая прилежность	11,36	11,1	9,09	10
Использование административного ресурса	18,18	13,89	3,03	20
Презентация академической включенности	15,9	18,05	27,27	10
Академическая самостоятельность	11,36	9,72	15,15	0

Из таблицы 2 следует, что на 1 курсе обучения в бакалавриате преобладают студенты, выбирающие стратегии Поиска социально-информационной поддержки (18,8%), Статусной позиции (18,85%), Использования административного ресурса (18,8%). Затем следуют выбранные студентами стратегии Презентации академической включенности (15,9%), Академической прилежности (11,36%) и Академической самостоятельности (11,36%). В меньшинстве остаются студенты с выбором стратегии Административного обмана (6,82%).

На 2 курсе обучения доминируют студенты, оказавшие предпочтение стратегии Административного обмана (19,44%), затем следуют студенты, выбирающие стратегии Презентации академической включенности и Статусной позиции (в каждом из случаев по 18,05%), Использования административного ресурса (13,89%) и Академической прилежности (11,1%). В меньшинстве остаются студенты со стратегиями Поиска социально-информационной поддержки и Академической самостоятельности (в каждом из случаев по 9,72%).

Среди бакалавров 3 курса обучения отмечается преобладание студентов, избравших

стратегии Академического обмана (27,27%) и Презентации академической включенности (27,27%), затем следуют студенты, выбирающие стратегию Академической самостоятельности (15,15%), а также Поиска социально-информационной поддержки, Статусной позиции и Академической прилежности (в каждом из случаев по 9,09%). Студенты со стратегией использования Административного ресурса остаются в меньшинстве (3,03%).

Выборка бакалавров 4 курса мала для вывода о процентном соотношении студентов с той или иной стратегией. Однако мы представили и здесь результаты, свидетельствующие о преобладании выборов стратегий Поиска социально-информационной поддержки (30%) и Статусной позиции (30%). Не выбираются стратегии, связанные с Академическим обманом и Академической самостоятельностью.

Динамика распределения студентов бакалавриата, указавших на ту или иную стратегию адаптации, выглядит следующим образом: от 1-го курса к 3-му курсу наблюдается рост числа студентов, отдающих предпочтение стратегии Академического обмана, Презентации академической включенности и Академической самостоятельности. Наряду с этим снижается доля студентов, выбирающих стратегии Поиска социально-информационной поддержки, Обладания статусной позиции, Академической прилежности и Использования административного ресурса.

Распределение студентов специалитета и магистратуры в соответствии с курсом и выбором той или иной стратегии представлено в таблице 3.

Таблица 3 - Распределение по курсам студентов специалитета и магистратуры (в %), преимущественно выбравших те или иные виды стратегии адаптации (за 100 % принималось число студентов соответствующего курса обучения)

Стратегии	Специалитет		Магистратура	
	1 курс	2 курс	1 год	2 год
Поиск социально-информационной поддержки	18,31	13,33	22,2	18,18
Академический обман	11,26	12,2	3,7	27,27
Обладание статусной позицией	18,31	20	11,11	9,09
Академическая прилежность	8,45	12,2	25,93	36,36
Использование административного ресурса	2,35	14,44	7,41	0
Презентация академической включенности	11,26	7,77	0	0
Академическая самостоятельность	7,04	20	29,62	9,09

Из таблицы 3 следует, что в специалитете на 1-м курсе обучения преобладают студенты, выбирающие стратегии Поиска социально-информационной поддержки (18,31%) и Обладания статусной позиции (18,31%). Далее по нисходящей следуют студенты со стратегиями Академического обмана и Презентации академической включенности (в каждом из случаев 11,26%), стратегиями Академической прилежности (8,45%) и Академической самостоятельности (7,04%). В меньшинстве остаются студенты, выбирающие стратегию Административного ресурса (2,35%).

На 2-м курсе обучения в специалитете доминируют студенты, выбирающие стратегию Статусной позиции и Академической самостоятельности (в каждом из случаев по 20%), затем студенты со стратегиями Административного ресурса (14,44%), Поиска социально-информационной поддержки (13, 33%), Академического обмана и Академической прилежности (в каждом из случаев 12,2%). В меньшинстве остаются студенты, выбирающие стратегию Презентации академической включенности (7,77%).

В целом динамика распределения студентов специалитета, выбирающих ту или иную стратегию адаптации, выглядит следующим образом: от 1-го курса ко 2-му курсу наблюдается рост числа студентов специалитета, выбирающих различные стратегии, исключая стратегии поиска социально-информационной поддержки и презентации академической включенности.

В магистратуре 1 года обучения отмечается следующее распределение студенческих выборов: на 1-м месте – стратегия академической самостоятельности (29,62%), затем – стратегия академической прилежности (25,93%), социально-информационной поддержки (22,2%), статусной позиции (11,11%) и административного ресурса (7,45). Минимально представлена стратегия административного обмана (3,7%), а стратегия презентации академической включенности практически не выбирается.

Выборка магистров 2 года, также как и бакалавров 4 курса, мала, но и в этом случае мы представили полученные результаты распределения обучающихся, выбравших ту или иную стратегию: максимально представлена стратегия академического прилежания (36,36%), минимально – стратегии обладания статусной позицией (9,09%) и академической самостоятельности (9,09%). Стратегии Использования административного ресурса и Презентации академической включенности не выбраны.

Динамика распределения студентов магистратуры, выбирающих ту или иную стратегию адаптации, выглядит следующим образом: от 1-го года обучения ко 2-му году наблюдается рост выборов стратегии академического обмана и академической прилежности. Наряду с этим снижается доля студентов, выбирающих стратегии поиска социально-информационной поддержки, обладания статусной позиции и академической самостоятельности. Не выбираются стратегии использования административного ресурса и презентации академической включенности.

Таким образом, выбранные студентами стратегии и их динамика различаются в зависимости от курса и уровня получаемого образования. Исключение составляет стратегия академического обмана, динамика выбора которой в интервале от 1-го до 2-го курса демонстрирует рост в ряду выборов других стратегий независимо от уровня образования студентов. Пик выраженности выборов этой стратегий имеет место у бакалавров как на 2-м, так и на 3-м курсах. Эти результаты совпадают с результатами социологических исследований, сообщающих о четкой закономерности увеличения частоты мошеннических практик от первого курса ко второму [\[14\]](#).

Для установления результативности стратегий адаптации был проведен корреляционный анализ, в результате которого выявлены значимые взаимосвязи между выраженностью той или иной стратегии и показателями ее актуальной (адаптированности к учебной группе и к учебной деятельности) и потенциальной (профессиональная идентичность и самооценка готовности работать по полученной специальности) результативности. Результаты корреляционного анализа на выборке студентов бакалавриата 1-2 курсов, специалитета 1-2 курсов и магистратуры 1 года обучения представлены, соответственно, в таблицах 4,5,6.

Таблица 4 - Значения коэффициентов корреляции (r-Пирсон; $p < 0,05$) между выраженностью стратегии адаптации и ее результативностью у студентов бакалавриата 1-2 курсов

Стратегии адаптации	Адаптация к группе	Адаптация к учебной деятельности	Профессиональная идентичность	Самооценка готовности
Поиск социально-информационной поддержки	-	-	-	+0,239
Обладание статусной позицией	-	-	+0,236	+0,198
Академическая прилежность	-	-	-	+0,185
Использование административного ресурса	-	-	-	+0,189
Академическая самостоятельность	+0,2043	+0,222	-	-

Примечание: «-» - не установлено.

Для студентов бакалавриата 1-2 курсов наличие значимых коэффициентов корреляции между каждым в отдельности из показателей адаптированности, профессиональной идентичности и самооценкой готовности к деятельности и выраженностью стратегий Академического обмана и Презентации академической включенности не установлено.

Таблица 5 - Значения коэффициентов корреляции (r-Пирсон; $p < 0,05$) между выраженностью стратегии адаптации и ее результативностью у студентов специалитета 1-2 курсов

Стратегии адаптации	Адаптация к группе	Адаптация к учебной деятельности	Профессиональная идентичность	Самооценка готовности
Поиск социально-информационной поддержки	+0,299	+0,186	-	-
Академическая прилежность	-	-	+0,164	+0,234
Академическая самостоятельность	-	-	-	+0,384

Примечание: «-» - не установлено.

Для студентов бакалавриата 1-2 курсов наличие значимых коэффициентов корреляции между каждым в отдельности из показателей адаптированности, профессиональной идентичности и самооценкой готовности к деятельности и выраженностью стратегий Академического обмана и Презентации академической включенности не установлено.

Таблица 6 - Значения коэффициентов корреляции (r-Пирсон; $p < 0,05$) между выраженностью стратегии адаптации и ее результативностью у студентов магистратуры 1 курса

Стратегии адаптации	Адаптация к группе	Адаптация к учебной деятельности	Профессиональная идентичность	Самооценка готовности
Обладание статусной позицией	-	+0,408	-	-

Примечание: «-» - не установлено.

Для студентов магистратуры 1 года обучения значимые корреляции установлены только для выраженности стратегии Обладания статусной позиции и показателя адаптированности к учебной группе.

Итоги корреляционного анализа свидетельствует о зависимости результативности стратегий адаптации студентов от уровня их образования. Косвенно это согласуется с результатами других исследований, в которых установлена специфика и соотношение видов адаптации в зависимости от курса, методов, формы обучения, образовательных условий [\[13; 19\]](#).

В нашем исследовании выявлено, что показатели адаптированности к группе и адаптированности к учебе положительно связаны с выбором стратегии Академическая самостоятельность у бакалавров и стратегии Поиска социально-информационной поддержки у студентов специалитета. У магистров только показатели адаптированности к учебе положительно связаны с выбором стратегии Обладания статусной позицией.

Каждый из показателей готовности к профессиональной деятельности (профессиональная идентичность и самооценка готовности) положительно связан с выраженностью стратегии Обладания статусной позицией у бакалавров и стратегии Академической прилежности у студентов специалитета. Самооценка готовности работать по специальности у бакалавров также положительно связана с выбором стратегий Поиска социально-информационной поддержки, Академической прилежности и Использования административного ресурса, а у студентов специалитета – стратегии Академической самостоятельности.

В целом можно говорить, что на начальных этапах получения образования и в зависимости от его уровня одни студенческие стратегии адаптации позитивны для адаптации в вузе (актуальная результативность), другие – для готовности к профессиональной деятельности (потенциальная результативность).

Для установления результативности стратегий адаптации у студентов в целом для изучаемой выборки был проведен корреляционный анализ, в результате которого были установлены взаимосвязи между выраженностью той или иной стратегии и показателями ее результативности (таблица 7). Отметим, что и в этом случае наличие значимых коэффициентов корреляции установлено избирательно, а для выбора стратегии Презентации академической включенности значимой корреляции между интересующими нас показателями не установлено.

Таблица 7 - Значения коэффициентов корреляции (r-Пирсон; $p < 0,05$) между выраженностью стратегии адаптации и ее результативностью для всей выборки студентов

Стратегии адаптации	Адаптация к группе	Адаптация к учебной деятельности	Профессиональная идентичность	Самооценка готовности
Поиск социально-информационной поддержки	+0,159	+0,141	-	+0,129
Академический обман	-	-0,125	-0,106	-
Обладание статусной позицией	-	-	+0,118	+0,121
Академическая прилежность	-	-	+0,11	+0,183
Использование административного ресурса	-	-	-0,113	+0,124
Презентация академической включенности	-	-	-	-
Академическая самостоятельность	+0,192	+0,152	-	+0,215

*Примечание: «-» - не установлено.

Из таблицы 7 следует, что результативность стратегии обусловлена ее видом.

Среди стратегий, выбор которых положительно связан с показателями адаптированности в вузе и одновременно с показателями готовности к деятельности (самооценка готовности), установлены стратегии Поиска социально-информационной и Академической самостоятельности. Иначе говоря, активный сбор и обмен информацией для решения возникающих перед студентами задач, и ответственная самостоятельность в обучении выступают положительными предикторами адаптации студентов в вузе и их уверенности (самооценке) работать по специальности.

Выбор стратегии Обладания статусной позиции или стратегии Академической прилежности положительно связан с каждым из показателей готовности к профессиональной деятельности – профессиональной идентичности и самооценки готовности. Полученные результаты в отношении стратегии Обладания статусной позиции совпадают с данными других исследований, в которых стремление к более высокому социальному статусу у студентов оценивается в качестве фактора, способствующего правильной интерпретации социальной информации, усвоения ими групповых норм и ценностей [13] и предполагает уже на этапе обучения вузе попытку построения студентом учебно-профессиональной карьеры во время обучения [25]. Стратегия Академической прилежности предполагает следование студента указаниям преподавателя, имеющего профессиональные интересы, совпадающие с содержанием профессионального обучения. В этом плане обе эти стратегии приближают студента к работе по специальности за счет сформированной профессиональной идентичности и высокой оценки собственной готовности к работе в соответствии с полученной специальностью.

В случае выбора стратегии Использования административного ресурса имеют место отрицательная связь для показателя профессиональной идентичности и положительная связь для самооценки готовности. Иными словами, нацеленность студентов на взаимодействие с вышестоящими по статусу приводит к росту уверенности в работе по специальности, но не обеспечивает профессиональной идентичности.

Выбор стратегии Академического обмана отрицательно связан с показателем адаптированности к учебной деятельности (-0,125) и с показателем профессиональной идентичности (-0,106). Практика мошенничества выступает в качестве предиктора для низкой академической адаптации студентов и препятствует формированию у них профессиональной идентичности.

Заключение

Итак, выявленные значимые взаимосвязи между выраженностью той или иной поведенческой стратегии у студентов, получающих образование на 1-2 курсах, и показателями ее актуальной (адаптированности к учебной группе и к учебной деятельности) и потенциальной (профессиональная идентичность и самооценка готовности работать по полученной специальности) результативности, позволяют говорить о следующем. На начальных этапах получения образования и в зависимости от его уровня одни студенческие стратегии адаптации позитивны для адаптации в вузе (актуальная результативность), другие – для готовности к профессиональной деятельности (потенциальная результативность).

Выявленные для всей выборки студентов в целом значимые взаимосвязи между выраженностью той или иной поведенческой стратегии и показателями ее актуальной (адаптированности к учебной группе и к учебной деятельности) и потенциальной (профессиональная идентичность и самооценка готовности работать по полученной специальности) результативности, позволяют заключить, что та или иная стратегия обеспечивает различную результативность.

Выбор стратегий Обладания статусной позицией или Академической привилегии приводит к позитивной потенциальной результативности, проявляющейся в выраженности профессиональной идентичности и высокой самооценке готовности студентов работать по специальности.

Выбор стратегии Презентации академической включенности оказался нейтральным в отношении актуальной и потенциальной результативности.

Выбор стратегии Использования административного ресурса приводит к противоречивой потенциальной результативности, проявляющейся в низкой выраженности профессиональной идентичности на фоне высокой самооценки готовности работать по специальности.

Выбор стратегии Академического обмана приводит к негативной актуальной и потенциальной результативности, что проявляется в низкой адаптированности к учебной деятельности и низкой сформированности профессиональной идентичности.

В связи с представленностью в вузе поведенческой стратегии Академического обмана как социально нежелательной практики целесообразно широко информировать, в первую очередь, студентов о ее негативном контрпродуктивном эффекте, препятствующем адаптированности к учебной деятельности и формированию профессиональной идентичности. Наряду с этим целесообразно обсуждать содержание таких стратегий, как

Поиск социальной поддержки и Академической самостоятельности, обеспечивающих как адаптированность в вузе, так и приверженность к работе по специальности. Очевидно, что подобного рода информация будет полезной для кураторов, преподавательского состава в целом, сотрудников психологической службы вуза, работодателей.

В настоящей статье представлены только виды поведенческого компонента стратегии адаптации, не рассмотрены иные компоненты стратегии адаптации, малочисленны выборки студентов старших курсов. Поиск ответов на подобного рода вопросы может составить перспективу дальнейшего исследования.

В целом результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Стратегия академической адаптации рассмотрена нами в широком понимании как соответствующая учебным и профессионально-карьерным устремлениям и возможностям субъекта устойчивая форму организации конкретных поведенческих установок и действий, обеспечивающая активное овладение содержанием осваиваемых ролей и профессиональных задач с помощью учебного процесса. В узком понимании поведенческая стратегия адаптации представляет устойчивую форму организации студентом конкретных поведенческих установок и действий, обеспечивающую активное овладение содержанием осваиваемых ролей и профессиональных задач с помощью учебного процесса.

2. Установлены виды поведенческих студенческих стратегий адаптации, выраженность и динамика выбора которых различается в зависимости от курса и уровня получаемого в вузе образования.

3. В качестве эффекта стратегий адаптации предложено рассматривать их актуальную и потенциальную результативность; фиксируемую по эмпирическим показателям выраженности адаптированности к группе и к учебной деятельности, а также по выраженности профессиональной идентичности и высоте самооценки готовности работать по специальности.

4. Установлено, что выбранная студентами та или иная стратегии поведенческой адаптации избирательна в отношении ее актуальной и потенциальной результативности в зависимости от курса обучения и уровня образования. В процессе психологического сопровождения студентов необходимо принимать во внимание содержание выбранных ими стратегий адаптации для прогнозирования успешности адаптации в вузе и достижения главной цели образовательного процесса любого вуза - подготовка высококвалифицированных кадров в данной профессиональной области.

Библиография

1. Климов, Е.А. Психология профессионального самоопределения. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 512 с.
2. Маркова, А.К. Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд "Знание", 1996. 308 с. EDN: YQCJKT
3. Зеер, Э.Ф. Психология профессионального развития: уч. пособие для студ. высших учебных заведений. М.: Издательский центр "Академия", 2009. 240 с. EDN: QXYCQD
4. Шнейдер, Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. Москва: Московский психолого-социальный институт, 2007. 128 с. EDN: SWDCQD
5. Ysmailova, R., Kalmatov, R., Dzhumaeva, L. Socio-psychological aspects of adaptation of foreign students // BIO Web Conferences. 2024. Vol. 120. art. 01041.

<https://doi.org/10.1051/bioconf/202412001041> EDN: OWANUR

6. Ranran, H., Peiyu, H., Rongrong, G., Yajun, Z. The relationship between self-control and social adaptation in university students: chain-mediated effects of positive core schema and stress perception // Transactions on Social Science, Education and Humanities Research. 2024. V. 11. P. 815-824. <https://doi.org/10.62051/kab1nf52> EDN: NYJRVL

7. Eryilmaz, A., Engin Deniz, M., Uzun, G., Yildirim Kurtuluş, H. Examination of university students' experiences regarding the university adaptation process // Yıldız Journal of Educational Research. 2023. № 1(8). P. 11-27. <https://doi.org/10.14744/yjer.2023.017> EDN: KDVTTK

8. Попинако, Е.А. Проблема профессиональной адаптации в современных научных исследованиях: контент-анализ // Вестник ТвГУ. Серия "Педагогика и психология". 2019. Выпуск 3(48). С. 240-247. EDN: WWJRKS

9. Wong, M.L.L., Liu, S. The role of online social networking sites in facilitating friendships and adaptation among international students in Malaysia // International Journal of Intercultural Relations. 2024. Vol. 99. art. 101942.

<https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2024.101942> EDN: TZOMOJ

10. Alasmari, Ab. Ah. Challenges and social adaptation of international students in Saudi Arabia // Heliyon. 2023. Vol. 9, Iss. 5. e16283.

<https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e16283> EDN: OTCKPD

11. Смирнов, А.А., Живаев, Н.Г. Психология вузовской адаптации: учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2009. 115 с. EDN: QXZFAP

12. Шамионов, Р.М., Григорьева, М.В., Гринина, Е.С., Созонник, А.В. Академическая адаптация студентов: разработка и валидизация новой методики // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27. № 2. С. 53-68. DOI:

<https://doi.org/10.17759/pse.2022270205> EDN: HYLUBM

13. Shamionov R.M., Grigoryeva M.V., Grigoryev A.V. Influence of beliefs and motivation on social-psychological adaptation among university students // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 112. P. 323-332. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.01.1171>

14. Амбарова, П.А., Зборовский, Г.Е. Профессиональная адаптация вузовских студентов в меняющемся мире профессий // Образование и наука. 2023. Т. 25. № 2. С. 191-223.

<https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-2-191-223> EDN: GTDBNT

15. Silva, G.O., Aredes, N.A., Galdino-Júnior, H. Academic performance, adaptation and mental health of nursing students: A cross-sectional study // Nurse Education in Practice. 2021. Vol. 55. art. 103145. <https://doi.org/10.1016/j.nepr.2021.103145> EDN: LYVQAY

16. Clinciu, A.I. Adaptation and Stress for the First Year University Students // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2013. Vol. 78. P. 718-722.

<https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.04.382>.

17. Xiaoying, H., Baharom, S., Sunjing, L. A systematic literature review of the relationship between cultural intelligence and academic adaptation of international students // Social Sciences & Humanities Open. 2023. Vol. 8, Is. 1. Art. 100622.

<https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2023.100622>. EDN: IGCQFU

18. Nuralieva, N., Wei, Zh., AL-Qadri, A.H., Saraa, N., Chang M. Students' beliefs, basic psychological needs, classroom participation, foreign language anxiety, and academic adjustment: a correlation study in Tashkent, Uzbekistan // Heliyon. 2024. Vol. 10, Is. 18. e37127. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e37127> EDN: ZXYOSK

19. Akhras, Ch. Students' adaptation: a determinant of the effectiveness of active classrooms in Lebanese Private Universities // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2013. Vol. 83. P. 403-407. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.06.079>

20. Карпов, А.В., Орел, В.Е., Тернополь, В.Я. Психология профессиональной адаптации: монография. Ярославль: Институт "Открытое общество", РПО, 2003. 161 с.

21. Kubikova, K., Bohacova, A., Slowik, J., Pavelkova, I. Student adaptation to distance learning: an analysis of the effectiveness, benefits and risks of distance education from the perspective of university students // *Social Sciences & Humanities Open*. 2024. Vol. 9. 100875. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2024.100875> EDN: HDIFRD
22. Мо Цзимань. Факторы психологической адаптации китайских студентов в российском вузе: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.05 - Социальная психология; 19.00.01 - общая психология, психология личности, история психологии. Казань, 2022. 23 с.
23. Дикая, Л.Г. Субъектная регуляция в деятельности профессионала как основа формирования адаптационных стратегий // *Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности* / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: Институт психологии РАН, 2008. С. 222-246. EDN: VMWMNT
24. Абульханова-Славская, К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с. EDN: SGBTRN
25. Джанерьян, С.Т., Берлова, Т.Н. Личностные детерминанты стратегий учебно-профессиональной карьеры работающих студентов вузов // *Казанская наука*. 2014. № 5. С. 174-177. EDN: SFAXEJ
26. Мельникова, Н.Н. Диагностика социально-психологической адаптации личности: учебное пособие. Челябинск: ЮУрГУ, 2004. 57 с.
27. Артемьева, Г.Н. Адаптация студентов вуза как условие подготовки к профессиональной деятельности // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2019. № 6. <https://mir-nauki.com/PDF/125PDMN619.pdf> EDN: OUELCM
28. Вишневский, Ю.Р., Нархов, Д.Ю., Дидковская, Я.В. Тренды высшего профессионального образования: профессионализация или депрофессионализация // *Образование и наука*. 2018. Т. 20. № 1. С. 152-170. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-1-152-170> EDN: AAYXUB
29. Tannous, C., Chien, H., Kenny, B., Lin, K., Everett, B., Yeh, J., Wang, J., Heaton, L., Salamonson, Y. Factors influencing career choice, study experiences and professional identity in undergraduate health students: a mixed methods study across two universities // *Teaching and Learning in Nursing*. 2024. Vol. 19, Is. 3. P. 249-259. <https://doi.org/10.1016/j.teln.2024.03.014> EDN: YSLTAR
30. Краснощеченко, И.П. Профессиональная субъектность студентов-психологов регионального вуза: стадии, траектории, условия и тенденции становления и развития // *Личность профессионала в современном мире* / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2013. С. 430-447.
31. Лабынцева, И.С. Особенности динамики учебной деятельности студентов с разным отношением к профессии: автореф. дисс.... канд. психол. наук: 19.00.07 - Педагогическая психология. Ростов-на-Дону, 2013. 22 с. EDN: ZOYUPB
32. Круглов, А.М. Адаптация студентов к современной образовательной среде вуза // *Журнал педагогических исследований*. 2023. Т. 8. № 6. С. 141-149. <https://doi.org/10.12737/2500-3305-2024-8-6-141-149> EDN: DYNHVB
33. Krasilnikov, A., Smirnova, A. Online social adaptation of first-year students and their academic performance // *Computers & Education*. 2017. Vol. 113. P. 327-338. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2017.05.012> EDN: XNAFQU
34. Landa-Blanco, M., Reyes, Y., Landa-Blanco, A.L., Cortés-Ramos, A., Paz-Maldonado, E. Social media addiction relationship with academic engagement in university students: the mediator role of self-esteem, depression and anxiety // *Heliyon*. 2024. Vol. 10, Is. 2. e24384. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e24384> EDN: NHXKBI
35. David, L.T. Academic cheating in college students: relations among personal values, self-esteem and mastery // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 187. P. 88-92. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.03.017>

36. Сагитов, Е.Б., Шмелева, Е.Д. Как педагогические практики связаны со списыванием среди студентов российских вузов // Вопросы образования. 2022. № 1. С. 138-159. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-1-138-159a> EDN: ZKIIOG
37. Siddiqui, N., Nahar, N., Hossain, M.S., Tazmeen, A., Ali, K.S. Context-specific adaptation of a student engagement measure: a case study of a private university in Bangladesh // Cogent Education. 2024. Vol. 11. №. 1. <https://doi.org/10.1080/2331186X.2024.2380638> EDN: PLUUER
38. Ivashova, V., Gulyak, I., Nazarenko, A., Zhukova, V., Rodionova, V., Mogilevskaya, G. Transformation of mechanisms of the university first-year students' social adaptation: mathematical analysis tools // BIO Web of Conferences. 2024. <https://doi.org/10.1051/bioconf/20248404006> EDN: ITKXNH
39. Говорова, Е.А. Исследование взаимосвязи социальной и вузовской адаптации и делинквентности // Научный поиск: сборник научных работ студентов, аспирантов и преподавателей / под ред. А.А. Карпова. Ярославль: Филигрань, 2023. С. 64-70. EDN: EUNGLR
40. Двойникова, Е.А. Психологические особенности адаптации студентов с разной стратегией решения учебно-профессиональных задач: автореф. дисс... канд. психол. наук: 19.00.07 - Педагогическая психология. Ростов-на-Дону, 2016. 25 с. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье являются стратегии адаптации студентов в вузе с учетом видов и результативности.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье в рамках принципа единства сознания и деятельности были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, а также метод анкетирования, метод тестирования с применением «методики «Адаптированность студентов в вузе» (Т.Д. Дубовицкая, А.В. Крылова); методики исследования профессиональной идентичности - МИПИ (Л. Шнейдер); самооценка готовности к адекватной профессиональной деятельности» и методы описательной статистики.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в настоящее время происходят серьезные изменения в системе образования, которые затрагивают интересы всех субъектов образовательного процесса и оказывают существенное влияние на систему отношений между ними. Одним из важных вопросов в деятельности образовательной организации является адаптация студентов, от успешности которой зависит, зачастую, конечный результат освоения образовательной программы, поэтому ориентация на определенную стратегию адаптации обучающегося контингента имеет, несомненно, важное значение. С этих позиций исследование стратегии адаптации студентов в вузе с учетом видов и результативности представляет научный интерес в сообществе ученых и, безусловно, практический интерес в профессиональном сообществе.

Научная новизна представленной работы заключается проведении по авторской методике исследования, направленного на изучение «поведенческих стратегий адаптации студентов в вузе». В исследовании приняли участие 358 респондентов, обучающихся в вузе по направлениям в области психологии на разных уровнях образования и курсах обучения.

Статья написана языком научного стиля с применением в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и научной терминологии и

дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также анализом результатов исследования.

Структура статьи, в целом выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены такие элементы как введение, методы исследования, результаты и их обсуждение, выводы и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет выявленная и отмеченная в представленной статье тенденции, что «стратегии адаптации студентов разворачиваются на этапе вузовской профессиональной подготовки, способствующей профессиональной дифференциации и специализации студентов, формированию у них на этой стадии профессиональной идентичности и достижению главной, конечной цели образовательного процесса любого вуза - подготовка высококвалифицированных кадров в данной профессиональной области. В этом плане стратегия адаптации обладает потенциальной результативностью, которая отражает достигнутую обучаемым профессиональную идентичность и его уверенность (самооценку) работать по специальности. Психологически потенциальная результативность стратегии адаптации свидетельствует о приверженности студента к полученной специальности при выборе работы».

Библиография содержит 40 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и неперіодические издания.

В статье приводится анализ исследований ученых по вопросам особенностей использования различных стратегий адаптации студентов и результативности их применения. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающийся предметной области исследования. В частности, отмечается, «что выбранная студентами та или иная стратегии поведенческой адаптации избирательна в отношении ее актуальной и потенциальной результативности в зависимости от курса обучения и уровня образования. В процессе психологического сопровождения студентов необходимо принимать во внимание содержание выбранных ими стратегий адаптации для прогнозирования успешности адаптации в вузе и достижения главной цели образовательного процесса любого вуза - подготовка высококвалифицированных кадров в данной профессиональной области».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и администрацией образовательных организаций высшего образования, специалистами по работе со студентами, кураторами, работниками центров профориентации и карьеры, психологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в структуре статьи целесообразно было бы выделить и обозначить раздел с обзором литературы, а также описать в качестве самостоятельного структурного элемента заключение, которое должно создать впечатление логической завершенности и законченности исследования, а не ограничиваться только выводами по проведенной научно-исследовательской работе. По возможности целесообразно было бы сформулировать краткие практические рекомендации по выбору стратегии адаптации студентов. При описании характеристик выборки указано, что «В качестве эмпирического объекта исследования выступили 358 студентов университета ...». Однако непонятно о какой образовательной организации высшего образования и о каком городе идет речь, необходимо было бы эту информацию

конкретизировать. При оформлении таблиц необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа, оформить их в соответствии с этими требованиями. Для большей наглядности результатов исследования кроме табличных форм можно было бы использовать и рисунки. Пункты анкеты, которая была использована в исследовании, можно было бы не приводить в тексте статьи, а ограничиться только описанием полученных результатов анкетирования. Кроме того, в тексте статьи встречаются незначительные технические ошибки и опечатки, например, после слова «лет» лишний пробел «...студентов специалитета – 19 лет , студентов магистратуры...», использование заглавных букв в используемых в тексте словах «... соответственно, в Таблицах 4,5,6» и т.д. Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить и несколько доработать текст статьи. Рукопись рекомендуется отправить на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Стратегии адаптации студентов в вузе: виды и результативность». Работа включает в себя вводную и основную части, в которых представлен теоретический анализ и описание эмпирических результатов. В завершении статьи представлены аргументированные и обоснованные выводы.

Предмет исследования. Работа нацелена на установление видов и результативности поведенческих стратегий адаптации студентов. В качестве объекта исследования выступает адаптация студентов в вузе. Предметом исследования стали поведенческие стратегии адаптации студентов в вузе.

Методологическая основа исследования. Методологическими основаниями проведенного исследования выступили принцип единства сознания и деятельности; представления об адаптации в вузе (А.В. Карпов) и двух ее сторонах - социально-психологической и деятельностной (Р.М. Шамянов и др.), о процессе адаптации как формировании субъектом стратегии (Л.Г. Дикая.), о жизненных и карьерных стратегиях личности (К.А. Абульханова-Славская, Автор, Т.Н. Берлова), о разворачивании стратегий адаптации студентов на этапе профессиональной подготовки (Е.А. Климов, А.К. Маркова, Э.Ф. Зеер), о специфике показателей успешности прохождения этого этапа (Э.Ф. Зеер, Л.Б. Шнейдер). Методами исследования выступили: анкетирование; тестирование (методика «Адаптированность студентов в вузе» (Т.Д. Дубовицкая, А.В. Крылова); методика исследования профессиональной идентичности - МИПИ (Л. Шнейдер); самооценка готовности к адекватной профессиональной деятельности. В качестве эмпирического объекта исследования выступили 358 студентов университета. Статистическая обработка результатов осуществлялась с помощью факторного анализа, описательной статистики, корреляции Пирсона.

Актуальность исследования. Автором отмечается, что успешность стратегий адаптации студентов к образовательному процессу в вузе влияет на эффективность профессиональной подготовки, социального и профессионального становления личности, на собственно профессиональную адаптацию и возможность построения карьеры в соответствующей профессиональной области. В то же время, данный вопрос нуждается в дополнительном изучении.

Научная новизна исследования заключается том, что автором рассмотрена стратегия академической адаптации, установлены виды поведенческих стратегических стратегий

адаптации студентов.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы достаточный для раскрытия предмета исследования.

Во вводной части представлена затронутая проблема и ее актуальность. В теоретическом разделе рассмотрены основные положения, которые позволили запланировать эмпирическое исследование. Автором определены цель, объект и предмет, методы и методики, а также особенности статистической обработки результатов. В следующем разделе описаны полученные эмпирические результаты и их обсуждение. В заключении сделаны обобщающие выводы.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 40 отечественных и зарубежных источников, незначительная часть которых была издана за последние три года. В список включены, в основном, статьи и тезисы, а также авторефераты, монографии, учебно-методические материалы. Источники не во всех позициях оформлены однородно. Например, в некоторых источниках (2,4,8 и т.д.) есть знак «-» при оформлении источников (перед указанием количества страниц или диапазона страниц), а в некоторых – данные знаки отсутствуют (32,33,40 и т.д.).

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

1) откорректировать работу, поскольку в ней встречаются орфографические и синтетические неточности (например, «инструментарного», «Предметом исследовании стали ...» и т.д.);

2) оформить библиографию в соответствии с предъявляемыми требованиями.

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами психологического сопровождения студентов в высших учебных заведениях. Вопрос рассматривается через призму изучения адаптационного процесса к обучению в вузе. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Цель исследования, объект, предмет максимально конкретизированы и очень четко прописаны. Единственный вопрос, как понять термин "теоретический объект"? Если есть теоретический объект, должен быть и эмпирический, и практический. Впрочем, этот словесный оборот совершенно не умаляет научную корректность написанного авторами

Методология исследования весьма прозрачна и корректна для целей исследования. Весьма подробно описана выборка (хотя, вероятно, статья могла бы выиграть от добавления описательных статистик в табличной форме). Особое уважение вызывает "опора" исследования на предыдущие исследования по данной тематике, то есть авторы планируют исследование зряче, а не проводят "исследование ради исследования", что,

к сожалению, бывает весьма распространено. Авторы как бы отталкиваются от результатов предыдущих исследований по теме, обосновывая методологию конкретного данного исследования.

Методики подобраны сообразно цели и предмету исследования, нареканий не вызывают. Особо также можно отметить очень подробное и корректное представление результатов исследования, представление статистических выкладок в табличной форме. Все это делает исследование не только понятным читателю, но и потенциально воспроизводимым (например, на другой выборке), а это важно для развития науки в целом.

Актуальность исследования обоснована ссылками на иные исследования по теме. Исследование безусловно актуально как с научной, так и с практической точки зрения. Научная новизна присутствует и показана. Особенно интересным можно счесть результат о предпочтении студентами 2 и 3 курса стратегии "академического обмана". Преподаватель-практик здесь может сделать неутешительные выводы о состоянии образовательной среды в целом.

Стиль статьи научный, структура соответствует требованиям к структуре научной статьи. Содержание выписано качественно и логично, последовательность разделов позволяет проследить логику самого исследования.

Библиография исследования весьма обширна. Стоит отдельно отметить как достоинство наличие значительного числа ссылок на работы, изданные в пределах последних пяти лет, а также на иностранные статьи. Отдельно стоит отметить то, что литературный обзор не носит формально-реферативный характер, присутствует анализ и обобщение работ.

Апелляция к оппонентам присутствует. В частности, в разделе методология авторы опираются на результаты иных исследований по теме в обосновании выборов методов и стратегии исследования. Апелляция к оппонентам содержится и в обсуждении результатов исследования, где содержатся отсылки к результатам социологических и психологических исследований по теме. Но хотелось бы немного больше содержательной дискуссии с оппонентами (или просто коллегами). В частности, любопытно более содержательное, качественное соотношение результатов данного исследования с другими исследованиями по теме. Впрочем это лишь пожелание, возможно, пожелание на будущее (компаративная работа может быть сделана в качестве отдельной статьи). Это замечание ничуть не умаляет ценности данного исследования.

В целом данная статья является работой очень высокого качества, представляющая собою исследование, проведенное по всем канонам современной психологической науки. Хотелось бы, может быть, чуть большего обсуждения "стратегии академического обмана", может быть, чуть более расширенных практических выводов и рекомендаций, но, очевидно, что это в первую очередь исследовательская работа. Для преподавателей-практиков, в частности, она может послужить стимулом к рефлексии.

По нашему мнению статья вызовет высоки интерес читательской аудитории, поскольку затрагивает вечно-актуальную тему адаптации студентов, а кроме того, что немаловажно, содержит интересные и подробно, очень качественно описанные результаты.

Без сомнений рекомендую статью к публикации.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Штырев М.М., Башкин Е.Б. Представления о лидерских качествах студентов-журналистов с разным уровнем академической успеваемости // Психолог. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8701.2025.2.73999 EDN: RTEORR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73999

Представления о лидерских качествах студентов-журналистов с разным уровнем академической успеваемости

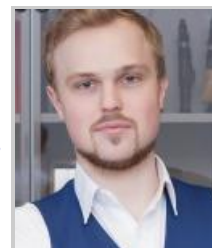
Штырев Михаил Михайлович

ORCID: 0000-0003-0456-1828

соискатель; кафедра Психологии и педагогики; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы"

117198, Россия, Москва, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ mshtyrev@mail.ru

Башкин Евгений Брониславович

кандидат психологических наук

заведующий кафедрой психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, Москва, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ bashkin-eb@rudn.ru

[Статья из рубрики "Психология и педагогика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2025.2.73999

EDN:

RTEORR

Дата направления статьи в редакцию:

07-04-2025

Дата публикации:

14-04-2025

Аннотация: Предметом исследования данной статьи являются представления студентов-журналистов о лидерских качествах в зависимости от уровня их академической

успеваемости. Актуальность темы обусловлена необходимостью понимания того, как студенты воспринимают качества, важные для эффективного лидерства, и как это восприятие связано с их успеваемостью в учебной деятельности. Важность данной темы связана с тем, что в студенческой среде формируются первичные социальные роли и происходит развитие личностных качеств, непосредственно влияющих на профессиональную адаптацию. Цель исследования заключалась в выявлении различий во взглядах студентов с высоким и низким уровнями академической успеваемости на значимость отдельных лидерских качеств и их представлений о том, каким должен быть лидер. Исследование ориентировано на уточнение стратегий развития лидерского потенциала студентов в рамках образовательных программ и студенческого самоуправления. В исследовании применялся комплексный подход, включавший количественные (анкетирование, критерий Манна–Уитни) и качественные (глубинные интервью по модели STAR) методы анализа. Научная новизна исследования состоит в эмпирическом подтверждении взаимосвязи между академической успеваемостью студентов-журналистов и их представлениями о лидерских качествах. В исследовании был выявлен перечень наиболее значимых лидерских качеств, таких как организационное мышление, общительность, нацеленность на результат, убедительность, креативность, самоконтроль и эмпатия, воспринимаемых студентами в качестве важнейших для успешного лидера. Было установлено, что студенты с низкой академической успеваемостью чаще высоко оценивают прагматичные качества лидера, направленные на достижение конкретных результатов. Напротив, студенты с высокой успеваемостью придают большее значение социальным и моральным аспектам лидерства, включая эмпатию и патриотизм. Результаты исследования открывают перспективы для целенаправленной разработки адаптивных образовательных стратегий, способствующих формированию лидерских качеств у студентов с учетом их индивидуальных особенностей и академических достижений.

Ключевые слова:

Лидерские качества, академическая успеваемость, студенты-журналисты, лидерство, поведенческие стратегии, самооценка, студенческая среда, ценностно-смысловые ориентации, эмпирическое исследование, модель STAR

Актуальность

Феномен лидерства давно занимает центральное место в психологии, социологии, педагогике и менеджменте. Современное понимание лидерства выходит за рамки формальной иерархии, представляя собой динамичное и контекстуально зависимое взаимодействие между индивидом и группой. В академической литературе лидерство всё чаще рассматривается как процесс, опосредованный ценностями, установками и личностными качествами индивида, способного вдохновлять, организовывать и направлять коллектив на достижение общих целей.

В рамках студенческой среды формируются первичные социальные роли, происходит интенсивное развитие коммуникативных и организаторских способностей. Именно в университетских коллективах начинают складываться устойчивые представления о том, каким должен быть лидер и какими качествами он должен обладать. Эти представления оказываются значимыми для дальнейшей профессиональной адаптации студентов, а также влияют на их участие в академических, волонтерских, культурных и политических инициативах.

Исследование факторов, влияющих на восприятие лидерства в студенческой среде, представляет особый интерес для педагогов, администраторов и разработчиков образовательных программ. Одним из таких факторов является академическая успеваемость, которая может выступать как индикатор личной организованности, уровня мотивации, способности к самоанализу и стратегическому планированию. Гипотеза настоящего исследования заключается в том, что успеваемость студентов коррелирует с их предпочтениями в выборе лидерских качеств и самооценкой лидерского потенциала.

Теоретический обзор исследований

Обобщая теоретико-методологические подходы, Т.Ю. Базаров и А.Ф. Гасимов выделяют важность стилевого подхода к лидерству в условиях неопределенности и изменений. Авторы акцентируют внимание на необходимости адаптации лидерского поведения к когнитивным и творческим характеристикам участников группы, что особенно актуально для гуманитарных профессий [\[1\]](#).

В ряде работ подчеркивается, что развитие лидерского потенциала у студентов является важным условием их успешной профессиональной и социальной адаптации. Например, В.Н. Лутошкина, В.А. Давыдов и Ю.Л. Высочина трактуют лидерские качества как компонент личностного ресурса, актуализирующийся через участие в образовательных и социокультурных практиках, включая студенческое самоуправление и проектную деятельность [\[15\]](#). Схожих позиций придерживается П.А. Кучина, подчеркивая значение внеучебной активности как среды для формирования лидерских компетенций, а также интеграции этих процессов в структуру воспитательной работы вуза [\[13\]](#).

Оригинальный подход к развитию лидерства представлен в работе А.А. Кантышевой, где раскрываются возможности формирования лидерских навыков в процессе изучения иностранного языка. Автор предлагает классификацию эксплицитных и имплицитных методик, направленных на развитие коммуникативности, ответственности и умения принимать решения [\[10\]](#). В свою очередь, Э.С. Миллер обращается к анализу психоэмоционального состояния лидера как фактора, определяющего эффективность его поведения, и обосновывает значимость эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости для поддержания лидерской позиции [\[16\]](#). Ценность гражданско-патриотического воспитания в становлении социально ответственного лидера раскрывается в работе Н.В. Грувер, где показано, как участие студентов в волонтерской и проектной деятельности формирует у них лидерские установки и навыки [\[9\]](#).

Обобщая представленные исследования, можно утверждать, что проблема формирования и проявления лидерских качеств у студентов рассматривается в современной науке как междисциплинарный феномен, охватывающий педагогические, психологические и социокультурные аспекты. Исследователи сходятся во мнении, что студенческий возраст представляет собой сензитивный период для развития лидерского потенциала, в ходе которого активизируются когнитивные, коммуникативные и волевые характеристики личности. Особое внимание уделяется связи лидерских установок с академической успеваемостью, внеучебной активностью, психоэмоциональной устойчивостью и ценностными ориентациями. Таким образом, анализ научной литературы подтверждает актуальность изучения представлений о лидерских качествах студентов-журналистов с разным уровнем академической успеваемости как значимого направления современной психологической науки.

Методологические основания и организация эмпирического исследования

Настоящее исследование было проведено в рамках диссертационного проекта автора, посвящённого изучению ценностно-смысловых предикторов проявления лидерства у студентов. Целью конкретного этапа, представленного в данной статье, являлось выявление различий в представлениях о лидерских качествах у студентов-журналистов с разным уровнем академической успеваемости. Методологический дизайн исследования опирался на принципы комплексного подхода, сочетающего как количественные, так и качественные методы сбора и анализа данных.

В эмпирической части использовались методы анкетирования, ранжирования, глубинного интервью, а также методы сравнительного анализа и категоризации. Исследование проходило в три этапа. На первом этапе была разработана авторская анкета, направленная на выявление представлений студентов о феномене лидерства и предпочтений в отношении значимых лидерских качеств. Анкета включала 13 вопросов, из которых десять были ориентированы на определение поведенческих индикаторов лидерских установок, а три — на ранжирование ключевых качеств, определяющих лидерский потенциал студентов. Анкета включала как закрытые, так и открытые вопросы, что позволило собрать как структурированные, так и свободные высказывания респондентов. Исследование проводилось в онлайн-формате, с использованием платформы Simple Forms, что обеспечило единые условия проведения и удобный доступ участников к материалам.

Выборка исследования была сформирована на основе предварительных результатов диссертационного проекта автора, в котором участвовали 677 студентов различных направлений подготовки. Исследование проводилось на базе учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН). Для представленного этапа были отобраны только студенты-журналисты (всего 131 человек), поскольку именно у них ранее была зафиксирована наиболее выраженная структура ценностно-смысловых предикторов, релевантных современному лидерству [\[21\]](#). Из них, по критерию среднего академического балла за первые два года обучения, были выбраны 66 студентов, распределённых на три группы: с высокой, средней и низкой успеваемостью. Таким образом, уровень академической успеваемости использовался как внешний объективный критерий для проведения сравнительного анализа представлений о лидерских качествах.

На втором этапе участникам предлагалось ранжировать по важности десять заранее определённых исследователем лидерских качеств: креативность, убедительность, самоконтроль, адаптивность, организационное мышление, общительность, эмпатия, нацеленность на результат, рефлексивность и патриотичность. Также студенты указывали, какие три качества из списка они считают наименее значимыми для современного лидера. Полученные результаты позволили выявить иерархию важности лидерских качеств у студентов и провести статистическую оценку различий в уровне выраженности переменных лидер/последователь по подгруппам у студентов с высокой и низкой успеваемостью по критерию U-Манна-Уитни.

Заключительный этап исследования носил качественный характер. Были проведены глубинные интервью по компетентностной модели STAR (Situation, Task, Action, Result), которая позволяет зафиксировать конкретные поведенческие проявления лидерских качеств в реальных ситуациях. В интервью приняли участие трое студентов, представлявшие группы с разным уровнем успеваемости. Интервью проводились в индивидуальном формате и фиксировали как содержательное понимание лидерства, так

и способы его реализации в образовательной среде. Полученные данные стали основой для дополнительной интерпретации результатов количественного анализа и позволили уточнить субъективные основания выбора тех или иных лидерских качеств.

Таким образом, методологическая логика исследования строилась на последовательной реализации взаимодополняющих методов, обеспечивающих как широкое измерение представлений о лидерстве, так и глубинный анализ их смысловой и поведенческой структуры. Комплексность применённых методов позволила достоверно зафиксировать различия в предпочтениях и установках студентов с разным уровнем академической успеваемости, а также реконструировать специфику их лидерского поведения в образовательном контексте.

Обсуждение результатов

Актуальность исследования взглядов студентов на образ лидера объясняется формированием коллективных представлений о лидерских качествах и типичном лидерском поведении в ходе взаимодействий в рамках студенческой среды. Эти устойчивые образы обеспечивают консенсус в усвоении групповых норм и ценностей, способствуя более эффективному выполнению лидерских функций. Разделяемые студентами представления о лидере в дальнейшем облегчают им вхождение в профессиональный коллектив, позволяя быстро присоединяться к группе за счет единства системы ценностей, норм и практик.

На основании изученной литературы была сформирована авторская анкета, целями которой были выявить различия во взглядах студентов на проявления лидерства и лидерских качеств. В итоговую анкету вошли 13 вопросов, из которых: 10 вопросов позволяли определить разницу в понимании феномена лидерства, 3 вопроса были посвящены отбору наиболее важных, по мнению студентов, лидерских качеств.

Рассмотрим обоснование первых 10 вопросов, включенных в анкету:

В вопросе №1 предполагается, что студенты, которые уже начали работать в профессиональной сфере, чаще склонны к проявлению лидерских качеств. Это связано в первую очередь с развитием многофункциональности и ответственности у студента за счет необходимости успевать хорошо учиться и при этом получать профессиональный опыт [6]. Вопрос №2. Любое хобби или увлечение требует дополнительного времени и усилий со стороны студента, что также во многом влияет не только на развитие функциональности личности, но и на его креативность. Более того, молодые люди часто находят друзей и единомышленников в кружках по интересам [5]. Вопрос №3. Внеучебная деятельность эффективно способствует формированию и развитию социальной компетентности студентов, так как располагает условиями для самораскрытия, самореализации личности студента, помогает формировать следующие компетенции: умения работать в команде, управленческие навыки и навыки бесконфликтного общения [3]. Таким образом, студенты, которые участвуют во внеучебной жизни университета, имеют больше шансов для достижения лидерского статуса в коллективе. В вопросе №4 затрагивается социометрическая теория измерения межличностных отношений и было решено напрямую спросить у студентов об их взаимоотношениях в коллективе. Студенческая среда определяет как формальное положение молодого лидера (староста), так и действительную силу положения в конкретной студенческой группе (душа коллектива, тот, к кому прислушиваются). Положительные взаимоотношения между студентами позволяют эффективнее достигать совместных целей [18]. Вопрос №5 позволяет самим студентам решить для себя,

являются ли они лидерами, видят ли они себя в этой роли. Потенциальному лидеру необходимо иметь уверенность в себе и своих силах, знать, как поставить себя в коллективе. Стоит отметить, что в рамках вопроса №6 «пунктуальность» не рассматривается как отличительный признак лидерства. Потенциального лидера в студенческой среде можно определить за счет развитой временной компетентности, в которую входит и умение вовремя появляться на всех занятиях и встречах [12]. В вопросе №7 студентам предлагалось выбрать один из двух вариантов в дихотомии ведущий и ведомый. Те, кто осознанно готовы определять и ставить цели в студенческом коллективе, уже проявляют себя в качестве лидеров. В рамках вопроса №8 предполагается, что молодежный лидер имеет определенную уверенность в своих силах и имеет представление о своем будущем, какие шаги необходимо предпринимать для достижения целей. Вопрос №9 предполагает, что молодому человеку необходимо развивать навыки временной компетентности на пути достижения лидерского статуса в студенческом коллективе [2]. Осознанное планирование своего личного и профессионального графика в молодом возрасте способствует развитию других лидерских качеств. Вопрос №10 обоснован наличием такого лидерского качества, как «патриотизм». В нынешних внешнеполитических условиях развития государства у лидеров-патриотов будет больше объединяющих мотивационных установок с единомышленниками в студенческом коллективе [19].

Следующая группа вопросов авторской анкеты направлена на верификацию предложенных лидерских качеств у студентов-журналистов. Изначально были отобраны 10 лидерских качеств, среди них: креативность, убедительность, самоконтроль, адаптивность, организационное мышление, общительность, эмпатия, нацеленность на результат, рефлексивность, патриотичность.

Дополнительно в вопросе №11 для проверки важности лидерских качеств студентам-журналистам было предложено проранжировать список из 10 личностных качеств по 10-бальной шкале, где 1 – самое важное лидерское качество и 10 – наименее важное лидерское качество. После анализа результатов был получен рейтинговый список лидерских качеств по показателю среднего значения оценки (таблица 1).

Таблица 1 - Ранжирование респондентами наиболее важных лидерских качеств (N=66)

№	Качества	Ср.Знач. Общий показатель	Ср.Знач. Группа с высокой успеваемостью	Ср.Знач. Группа с низкой успеваемостью
1	Организационное мышление	2.98	3.59	2.41
2	Общительность	3.03	3.50	2.82
3	Нацеленность на результат	3.29	4.27	2.91
4	Убедительность	3.85	3.77	3.73
5	Креативность	4.08	3.77	4.36
6	Самоконтроль	4.88	4.32	4.97
7	Эмпатия	5.00	4.88	5.95
8	Адаптивность	6.53	5.05	6.85
9	Рефлексивность	7.48	7.41	7.68
10	Патриотичность	8.35	7.68	8.86

В рамках данного исследования важными, по мнению студентов, считаются те лидерские качества, у которых показатель среднего значения ниже или равен 5 баллам. Отбор

качеств направлен на выделение тех характеристик, которые воспринимаются студентами как значимые в контексте лидерства.

На основании общего рейтингового анализа важности лидерских качеств можно утверждать, что такие качества, как адаптивность ($M = 6,53$), рефлексивность ($M = 7,48$) и патриотичность ($M = 8,35$) не являются важными для лидера, по мнению студентов. Данный вывод можно сделать из-за сильного разрыва между балльными значениями для качеств эмпатия ($M = 5,00$) и адаптивность ($M = 6,53$). Остальные лидерские качества можно назвать важными для лидера, по мнению студентов, так как получили рейтинговый балл ниже или равный среднему значению в 5 баллов.

Вместе с тем важно отметить, что присутствует разница в оценке лидерских качеств у студентов с разным уровнем академической успеваемости. В рамках нашего исследования подробно рассматриваются только те результаты, где разница в оценках лидерских качеств составляет более 1-го балла. Такой подход позволяет выявить более существенные и значимые различия в оценках между студентами с разной успеваемостью.

Студенты с низкой успеваемостью дают более высокую оценку для лидерских качеств, таких как «организационное мышление» и «нацеленность на результат» по сравнению со своими коллегами с высокой успеваемостью. Данные показатели могут объясняться тем, что студенты с низкой успеваемостью больше оценивают прагматичные аспекты лидерства, связанные с эффективностью и достижением конечных результатов. Вероятно, что для этой группы студентов важным фактором в лидерских качествах является способность организовывать и координировать рабочие процессы, а также стремление к достижению конкретных результатов.

С другой стороны, студенты с высокой успеваемостью могут ставить в приоритет другие аспекты лидерства, такие как творческое мышление, стратегическое видение или способность вдохновлять команду. Эти студенты, возможно, склонны к развитию более широкого спектра лидерских характеристик, выходящих за рамки оперативной эффективности.

В частности, студенты с высокой успеваемостью дают более высокую оценку качествам «эмпатия» и «патриотичность» по сравнению со своими коллегами с низкой успеваемостью. Подобные различия могут быть объяснены разным восприятием роли лидера в контексте студенческой среды. Студенты с высокой успеваемостью, возможно, больше ценят социальные и моральные аспекты лидерства. Для них эмпатия становится важным механизмом понимания и взаимодействия с окружающим миром. Вместе с тем патриотичность может быть связана с активным участием студентов в образовательных и внеучебных инициативах, что способствует формированию чувства принадлежности к обществу и стране.

В вопросе №12 студентам-журналистам было предложено отобрать из списка тех же 10 лидерских качеств три наименее важных. После анализа результатов был получен рейтинговый список лидерских качеств по принципу наименьшего количества полученных ответов (таблица 2).

Таблица 2 - Ранжирование респондентами наиболее важных лидерских качеств ($N=66$)

Качества	Количество ответов	Количество ответов	Количество ответов
	Общий	Группа	Группа
		с	с

№		показатель	высокой успеваемостью	низкой успеваемостью
1	Организационное мышление	2	5	1
2	Самоконтроль	2	3	3
3	Общительность	3	5	1
4	Нацеленность на результат	4	8	2
5	Креативность	6	6	8
6	Убедительность	7	7	7
7	Эмпатия	11	6	8
8	Адаптивность	51	48	45
9	Патриотичность	54	53	64
10	Рефлексивность	58	57	59

Всего на данный вопрос было получено 198 ответов (66 студентов выбирали по 3 варианта). По мнению студентов, лишними в этом списке лидерских качеств являются адаптивность (51 ответ), патриотичность (54 ответа), рефлексивность (58 ответов). Остальные лидерские качества получили намного меньше ответов (суммарно 35 ответов на 7 качеств). Исходя из данного показателя, можно утверждать, что остальные семь лидерских качеств являются более важными в представлении студентов.

В данном вопросе также присутствует разница в оценке лидерских качеств у студентов с разным уровнем академической успеваемости. По-прежнему прослеживается тенденция, что студенты с низкой успеваемостью больше ценят качества «организационное мышление» и «нацеленность на результат» по сравнению со студентами с высокой успеваемостью. Вместе с тем к данному списку добавляется «общительность» как более востребованное качество у студентов с низким уровнем успеваемости. Данные показатели сигнализируют о том, что эти студенты могут стремиться к улучшению своего статуса, стараясь быть более общительными и привлекательными для окружающих. Это может компенсировать отсутствие успеха в учебе и создать дополнительные источники поддержки.

Сравнительный анализ ответов показал, что наименее важным качеством у студентов с низкой успеваемостью является «патриотичность», в то время как студенты с высокой успеваемостью считают данное качество более важным для лидера. Одним из возможных объяснений данного различия может служить фокус студентов с низкой успеваемостью на учебных задачах и попытках подтянуть успеваемость. В условиях, когда студенты сталкиваются с трудностями в учебе, их приоритеты могут быть сосредоточены на улучшении учебных результатов, а вопросы патриотизма могут казаться не такими важными. С другой стороны, студенты с высокой успеваемостью, возможно, более ориентированы на повышение своего уровня вовлеченности в гражданское общество. Возможно, они видят в патриотичности дополнительную ценность, способствующую более широкому и комплексному восприятию личности современного лидера.

Проанализировав ответы респондентов на открытый вопрос №13 были отобраны наиболее популярные варианты ответов: оперативность, трудолюбие, харизматичность, ответственность, решительность, медийность.

Все названные студентами-журналистами лидерские качества так или иначе коррелируют с предложенным исследователем изначальным списком, кроме одного качества – медийность. Сетевое пространство играет важную роль для современных студентов, практически каждый ведет публичную страничку в социальных сетях. Студенческий

лидер может влиять на свою аудиторию за счет познавательного или вовлекающего контента со своей личной странички. Более того, современные студенты организуют совместные проекты в информационном пространстве, вдохновляясь опытом более известных блогеров [20]. Скорее всего, именно с этими факторами связана популярность такого лидерского качества как медийность среди студентов-журналистов.

На качественном этапе из числа студентов, принимавших участие на всех этапах эмпирического исследования, были отобраны три человека с разным уровнем успеваемости (высоким, средним, низким). С каждым из них было проведено глубинное интервью о лидерских качествах и профессиональных компетенциях, необходимых современному студенту для достижения статуса лидера.

Предлагается проведение интервью по компетенциям (CBI) в рамках модели STAR [22]. Модель STAR – Ситуация/Задача, с которой столкнулся студент (situation/task); Действия, предпринятые студентом (action); Результат, итог ситуации (result). Данная модель интервьюирования позволяет полноценно раскрыть представления студентов о важности предложенных лидерских качеств.

Полученные в ходе интервью результаты в формате «полные поведенческие примеры» из опыта студента-журналиста позволят сравнить результаты исследования и обосновать выбор лидерских качеств. Вся информация о студентах-участниках скрыта, а результаты расшифровки представлены кодовыми значениями: студент ВУ (высокая успеваемость), студент СУ (средняя успеваемость), студент НУ (низкая успеваемость).

Общие выводы по результатам работы с каждым из респондентов:

Студент «ВУ» (высокая успеваемость) – интервью со студентом продлилось 23 минуты. Беседа была продуктивной, респондент ответил на все поставленные вопросы, уверенно изъяснялся и был последователен в своей риторике. Студент крайне редко использовал местоимение «Я», намного чаще обращался к местоимению «Мы». Респондент приводил в пример разные ситуации из своей учебной практики и внеучебной жизни. В ходе беседы стало понятно, что студент не только считает себя лидером коллектива, но и ощущает ответственность за всех членов своей команды. Предложенные лидерские качества были одобрены и поддержаны студентом. Респондент охарактеризовал развитие данного набора качеств как простой, но необходимый путь достижения лидерского статуса в коллективе.

Студент «СУ» (средняя успеваемость) – интервью со студентом продлилась 44 минуты. Беседа была продуктивной и очень активной, респондент ответил на все поставленные вопросы, уверенно изъяснялся и был последователен в своей риторике. Студент в равной степени использовал оба местоимения «Я» и «Мы», подчеркивая свою нынешнюю лидерскую роль в коллективе. Респондент приводил в пример разные ситуации из своей учебной практики и внеучебной жизни. В ходе беседы стало понятно, что студент не только считает себя лидером коллектива, но и стремится к преумножению своего влияния. Предложенные лидерские качества были одобрены и поддержаны студентом. Более того, респондент утверждает, что лидерские качества необходимо развивать на постоянной основе независимо от успешности деятельности.

Студент «НУ» (низкая успеваемость) – интервью со студентом продлилось 17 минут. Беседа была очень однообразной и пассивной, студент ответил на все поставленные вопросы. Студент постоянно использовал местоимение «Я», в попытке объяснить свои стратегии поведения по дистанцированию от коллектива. Были приведены несколько

примеров учебных задач. В ходе беседы стало понятно, что респондент является ведомым, а не ведущим своего учебного коллектива. Предложенные лидерские качества были одобрены и поддержаны студентом. Респондент подчеркнул, что хотел бы видеть данные качества у лидера своего коллектива.

Следует проанализировать отдельные результаты интервьюирования студентов-журналистов на предмет взаимосвязей с исследованиями отечественных ученых и ключевыми показателями нашего эмпирического исследования. Студент «ВУ» больше рассказывал про взаимосвязи в коллективе и необходимость постоянного вмешательства лидера в разрешение межличностных конфликтов, которые сильно влияют на результативность рабочей группы. Студент подчеркивал, что в роли руководителя коллектива по учебному проекту постоянно проявлял активность в общении и чувствовал позитивную обратную связь. Вместе с тем студент «НУ» в процессе рассказа об одной из учебных задач сообщил, что предпочел сделать всю работу по проекту за другого студента, так как пытался избежать излишнего общения (напоминания о необходимости своевременной сдачи, совместные обсуждения). Студент подчеркнул, что стратегия дистанцирования является приоритетной в случаях конфликтной атмосферы в коллективе. Таким образом, можно утверждать, что у студентов с низкой успеваемостью коммуникативные характеристики смещены в сторону интроспекции, и наоборот, чем выше успеваемость, тем сильнее развита экстраверсия.

В ходе обсуждения лидерского качества «нацеленность на результат» студенты «ВУ» и «СУ» рассказывали о ситуациях, где они столкнулись с чем-то новым, что вызывало чувство неопределенности и страха. Внутренняя мотивация и выстраивание поэтапной стратегии реализации позволили преодолеть негативные эмоции, и как итог усвоить важные жизненные установки на дальновидность и целеустремленность. Только студент «НУ» сообщил, что степень новизны учебной задачи может негативно сказаться на мотивации достижения цели. Страх перед неизведанным часто сковывает студентов, в первую очередь, из-за отсутствия четких перспектив в получении позитивного результата. Данные показатели подтверждаются исследованиями в области влияния постановки цели на академическую успеваемость студентов. Студенты, участвовавшие в постановке целей и стратегическом планировании, продемонстрировали более высокую успеваемость, измеряемую количеством среднего балла [8].

Умение создать дружескую атмосферу в коллективе – это важный аспект подготовки современных специалистов [4], что поднимает вопрос об актуальности исследования особенностей межличностных отношений у студентов вуза с разным уровнем академической успеваемости. В ходе анализа результатов интервью со студентами «ВУ» и «СУ» стало очевидно, что такие качества, как общительность и эмпатия сильно взаимосвязаны и очень важны для современных студентов. В ходе беседы студенты не однократно ссылались на данные качества в вопросах налаживания психологического климата в коллективе. Вместе с тем студент «НУ» утверждал, что тактика дистанцирования позволяет лучше пережить кризисный период в коллективе. Исходя из полученных результатов, можно утверждать, что студенты с высоким и средним уровнем академической успеваемости более общительны, стремятся занять руководящую позицию, находятся в центре всеобщего внимания, нежели их сверстники с низким уровнем успеваемости, а психологический климат в коллективе оказывает определяющую роль в успешности обучения [11].

Отдельные выводы качественного этапа исследования подтверждаются результатами работ многих отечественных ученых, среди которых важно отметить труды И.Д.

Головешкина и Н.В. Головешкиной. По мнению исследователей, хорошо успевающие студенты с высоким уровнем социальной активности характеризуются высоким уровнем развития коммуникативных качеств, развитым чувством эмпатии, адекватным уровнем самооценки, а также ориентацией на успех [7]. Для студентов с низким уровнем социальной активности и успеваемости характерны низкий уровень развития эмпатии, коммуникативных качеств, а также определенная тенденция к мотивации на неудачу.

Исходя из результатов качественного этапа исследования и личного преподавательского опыта соискателя, можно предположить, что часть обучающихся не имеет четкого представления о содержании профессиональных компетенций, а ряд значимых из них не освоен на должном уровне. Формирование личностных смыслов у студентов происходит за счет систематизации знаний в области ценностей, ориентиров, идеалов, мотивов, то есть их мировоззрения. Лидерский потенциал студента может активизироваться в процессе учебно-познавательной деятельности и должен рассматриваться как целостный и целенаправленный процесс. По мнению исследователя, необходимо внедрять больше коммуникативных тренингов в образовательные программы, которые позволят выстраивать комфортный психологический климат в студенческих коллективах. Тренинговые методы работы с прошлыми событиями: метод регрессии, метод обмена опытом и метод имитации. Тренинговые методы работы со случаем событиями: метод концентрации присутствия, метод групповой рефлексии и метод построения диспозиций. Тренинговые методы работы с прогнозируемыми событиями: метод символического выражения и метод группового решения проблем [14].

Главным итогом обучения современных студенческих лидеров является готовность к адаптивному управлению, способность к творческому и квалифицированному решению проблем и задач в области управления, что включает умение выбирать подходящую стратегию и тактику в зависимости от ситуации, использовать эмоциональное подкрепление и анализировать данные. Уровень подготовки будущих лидеров определяется их достижениями в академической деятельности, что служит предпосылкой для профессиональной компетентности и успеха в будущем [17]. Более того, интеграция количественного и качественного методов позволила уточнить представление студентов о конструкте проявления лидерства, в который входит набор важных для современного лидера лидерских качеств.

В первую очередь на основании анализа общих показателей нами были определены всесторонние конструкты лидерства, а разница показателей между студентами с разным уровнем успеваемости позволила выявить частные конструкты проявления лидерства.

Таким образом, на данном этапе исследования были эмпирически выявлены семь лидерских качеств, которые в наибольшей степени признаются значимыми в представлениях студентов, среди них: организационное мышление, общительность, нацеленность на результат, убедительность, креативность, самоконтроль, эмпатия.

В представлении студентов с разным уровнем успеваемости востребованность лидерского качества может зависеть от возможности получить оперативный результат на практике. Например, студенты с низкой успеваемостью больше оценивают прагматичные аспекты лидерства, связанные с эффективностью и достижением конечных целей, а студенты с высокой успеваемостью понимают проявление лидерских качеств как долгосрочную перспективу, где освоение каждого из лидерских качеств может оказать положительное влияние на развитие профессиональной карьеры.

В ходе анализа результатов стало очевидно, что в представлении студентов

результативность лидера напрямую зависит от наличия практики применения лидерских качеств, таких как организационное мышление, креативность, самоконтроль и опыта работы в команде. Студенты со средней и низкой успеваемостью часто сомневаются в своих действиях и решениях в процессе групповой работы, в то время как высокая успеваемость обуславливает уверенность в собственном успехе и эмоциональный самоконтроль. Более того, все студенты говорили о нехватке знаний об особенностях практического освоения предложенных лидерских качеств, что актуализирует запрос на составление пула рекомендаций в данном исследовании.

Исходя из вышесказанного, можно определить, что проявление лидерских качеств в представлении студентов представляет собой многоаспектное явление, охватывающее совокупность восприятий, характеристик и действий, которые они ассоциируют с качествами и поведенческими чертами успешного лидера. Эти проявления могут включать в себя умение эффективно координировать рабочие процессы, обладание общительностью, направленность на достижение конечных результатов, убедительность, креативность, способность к самоконтролю, а также проявление эмпатии в различных ситуациях. В общем смысле это отражение представлений студентов о том, что делает лидера успешным и какие качества считаются ключевыми в контексте лидерства.

С целью уточнения и валидизации выявленных результатов исследования был проведен детальный анализ результатов авторской анкеты. Данная анкета не только позволяет выявить общие представления о лидерстве, но и дифференцирует участников опроса на лидеров и ведомых. Результаты анкетирования позволяют подтвердить наличие разницы в представлениях о лидерстве и предоставят более глубокий взгляд на индивидуальные различия в представлениях о лидерстве. Особое внимание будет уделено сравнению результатов среди студентов с высокой и низкой успеваемостью. Этот подход позволит выявить дополнительные взаимосвязи между представлениями о лидерстве и внешним критерием успеваемости.

Целесообразно проверить результаты опроса 66 студентов-журналистов по U-критерию Манна-Уитни по 10 первым вопросам. Для получения наиболее валидных результатов будут проверяться только две группы студентов-журналистов: с высокой и низкой успеваемостью при помощи программы Jamovi v.2.3.21.

Таблица 3 - Статистическая оценка различий в уровне выраженности переменных лидер/последователь (10 вопросов) по подгруппам у студентов с высокой и низкой успеваемостью по критерию U-Манна-Уитни (N=66)

Переменные	Средний ранг Группа высокой успеваемостью	Средний ранг Группа низкой успеваемостью	U- критерий	Вероятность (p)
Работа	24	21	209	0.366
Хобби	21	24	209	0.165
ВЖУ	18	27	143	0.007**
Взаимоотношения	18.5	26.5	154	0.008**
Самооценка	17	28	121	< .001***
Пунктуальность	21	24	209	0.229
Ведущий/Ведомый	16	29	99	< .001***
Ведущий/Ведомый	18.5	26.5	143	0.005**

Планирование	18	27	231	0.003**
Патриотизм	23	22	154	0.755

Примечание. * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$

Проанализировав результаты таблицы 3, можно утверждать, что ответы студентов-журналистов с разной успеваемостью сильно отличаются. Отметим наличие статистической разницы между ответами по вопросам №3-5 и №7-9. Суммарно по 6 вопросам из 10 есть существенная разница в ответах, что говорит о высокой валидности проводимого эмпирического исследования.

Можно утверждать о наличии существенной взаимосвязи между уровнем успеваемости студентов и их самооценкой лидерства, а также связанными с этим аспектами постановкой целей и планированием. В частности, студенты с высоким уровнем успеваемости демонстрируют более высокую степень самооценки в области лидерских качеств, что может отражать их уверенность в собственных способностях оказывать влияние на окружающих и проявлять инициативу в организационных ситуациях. Вероятно, успешная академическая деятельность усиливает чувство компетентности и уверенности в собственных способностях, что отражается на самооценке лидерства. Кроме того, выявлено, что студенты с высоким уровнем успеваемости склонны чаще ставить перед собой цели и планировать свою жизнь. Это может быть обусловлено стремлением к достижению высоких результатов и хорошей организации своего времени и усилий. Такое поведение может также коррелировать с лидерскими чертами, так как целеустремленность, планирование и организованность являются важными атрибутами лидерства.

С другой стороны, студенты с низким уровнем успеваемости имеют более низкую самооценку лидерства и чаще предпочитают выполнять поставленные цели и задачи. Вероятно, это связано с ограниченной уверенностью в собственных способностях и более низкой мотивацией к активным организационным ролям. Возможно, такие студенты склонны к более пассивному поведению и могут испытывать трудности в формулировании ясных целей и планировании долгосрочных стратегий. Вместе с тем данное исследование подтверждает наличие взаимосвязи между уровнем успеваемости студентов и их лидерскими характеристиками, такими как самооценка лидерства, постановка целей и планирование. Эти результаты подчеркивают важность индивидуальных особенностей и мотивационных аспектов в формировании лидерских качеств в студенческой среде.

Выводы

Проведенное исследование позволило эмпирически обосновать наличие значимых различий в представлениях о лидерских качествах у студентов-журналистов с разным уровнем академической успеваемости. Комплексный подход, включающий анкетирование, метод ранжирования и глубинное интервью по модели STAR, обеспечил глубокое понимание как содержательной структуры этих представлений, так и их связи с личностными характеристиками и учебной мотивацией студентов.

Одним из центральных результатов исследования стало выявление семи ключевых лидерских качеств, которые воспринимаются студентами как наиболее значимые: организационное мышление, общительность, нацеленность на результат, убедительность, креативность, самоконтроль и эмпатия. Эти характеристики формируют устойчивый конструкт лидерства в студенческой среде и отражают представления молодежи о том,

каким должен быть эффективный и уважаемый лидер. Вместе с тем, такие качества, как адаптивность, патриотичность и рефлексивность, оказались в нижней части рейтинга, что может свидетельствовать о прагматичном восприятии лидерства у современной студенческой аудитории.

Особую ценность представляет выявленная в ходе исследования тенденция, согласно которой представления студентов о приоритетных лидерских качествах варьируются в зависимости от уровня их академической успеваемости. Студенты с низкой успеваемостью в большей степени ориентированы на прагматичные аспекты лидерства, связанные с достижением конкретных целей, результативностью и эффективной организацией процесса. Напротив, студенты с высокой успеваемостью склонны воспринимать лидерство как стратегическую категорию, связывая его с перспективным профессиональным ростом, социальными функциями и личностным развитием. Эти различия указывают на то, что успеваемость может выступать как индикатор глубины и направленности лидерских представлений.

Дополнительным значимым результатом исследования является сходство представлений студентов с положениями, содержащимися в современной научной литературе о лидерстве. Восприятие лидера как интегратора групповых процессов, носителя целей, ценностей и норм, организатора взаимодействия и решателя конфликтов подтверждается не только в анкетных ответах, но и в материалах интервью. Это совпадение свидетельствует о сформированности у студентов образа лидера как фигуры, выполняющей не только управленческую, но и ценностную функцию в группе.

Результаты качественного этапа подтвердили также наличие различий в коммуникативных стратегиях студентов с разной успеваемостью. Более высокая академическая успеваемость коррелирует с преобладанием открытых форм общения, склонностью к рефлексии, социальной инициативности и ориентацией на групповую динамику. Студенты с низкой успеваемостью чаще демонстрируют интровертированные формы поведения, стремление к индивидуальной ответственности и избегание межличностных конфликтов. Это подтверждает предположение о связи между успешностью в учебной деятельности и лидерским потенциалом в социально-коммуникативной сфере.

Кроме того, статистическая проверка различий с помощью критерия Манна-Уитни подтвердила достоверность различий по таким параметрам, как самооценка лидерства, постановка целей, планирование и самоидентификация в роли лидера. Эти результаты подкрепляют основную гипотезу исследования о зависимости представлений о лидерстве от академической успешности и позволяют говорить о наличии устойчивых тенденций в структуре лидерских предпочтений студентов.

Таким образом, проведенное исследование раскрывает феномен представлений о лидерстве у студентов как сложную и многомерную систему, отражающую взаимодействие когнитивных, мотивационных и ценностных факторов. Полученные результаты имеют не только научное, но и прикладное значение: они могут быть использованы в практике построения образовательных программ, направленных на развитие лидерского потенциала студенческой молодежи с учетом их индивидуальных особенностей.

Библиография

1. Базаров, Т. Ю., Гасимов, А. Ф. Основания динамики современных представлений о стилях лидерства в группе // Человеческий капитал. 2025. № 2(194). С. 25-34. DOI

10.25629/НС.2025.02.02. EDN NGGSXG.

2. Башкин, Е. Б., Шляхта, Д. А. Временная компетентность как составляющая часть психического здоровья в контексте самореализации личности // Самореализация личности в эпоху цифровизации: глобальные вызовы и возможности: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 29-30 марта 2022 года / Российский университет дружбы народов. Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2022. С. 245-250. EDN DSVROX.

3. Белошапка, Р. А. Внеучебная деятельность как фактор формирования профессиональных компетенций студентов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 1(46). С. 20-23. EDN ZNDVVL.

4. Болдырева, Т. А. Социально-психологический климат в студенческом коллективе как предмет учебной рефлексии // Стратегические направления развития образования в Оренбургской области: Научно-практическая конференция с международным участием, Оренбург, 29 сентября 2017 года. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2017. С. 653-655. EDN YSGZBO.

5. Глаголева, А. В., Земская, Ю. Н., Кузнецова, Е. А. Образ жизни студентов российских вузов (на примере хобби и увлечений студентов ИМЭБ РУДН) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6-7. С. 35-37. EDN ZEGEOV.

6. Годунова, А. Д., Грицков, В. Л. Мотивационные особенности работающих и неработающих студентов (на примере студентов-психологов Санкт-Петербургского государственного университета) // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. 2015. Т. 3. С. 41-47. EDN VJGDMX.

7. Головешкина, Н. В., Головешкин, И. Д. Психологические характеристики социально активных обучающихся вуза с разным уровнем академической успеваемости // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2022. № 4. С. 279-296. DOI 10.35231/18186653_2022_4_279. EDN SZPBKS.

8. Гречихин, С. С. Влияние постановки цели на академическую успеваемость студентов // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 3(32). С. 60-62. DOI 10.26140/bgз3-2020-0903-0012. EDN MGBTWX.

9. Грувер, Н. В. Аналитический обзор диссертационных исследований добровольческой (волонтерской) деятельности в учреждениях высшего образования // Научное обозрение. Педагогические науки. 2017. № 1. С. 77-87. EDN YFOVYL.

10. Кантышева, А. А. Развитие лидерских качеств студентов, обучающихся по специальности "Государственное и муниципальное управление", на занятиях по иностранному языку // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 1(104). С. 279-282. DOI 10.24412/1991-5497-2024-1104-279-282. EDN TPFTAD.

11. Кирилычева, Н. А., Ледовская, Т. В. Особенности межличностных отношений у студентов вуза с разным уровнем академической успеваемости // Системогенез учебной и профессиональной деятельности: Материалы VIII всероссийской научно-практической конференции, Ярославль, 19-20 ноября 2018 года / Под ред. Ю.П. Поваренкова. Том Часть I. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2018. С. 199-201. EDN HZDMLN.

12. Кузьмина, О. В. Развитие временной компетентности как условие успешной социализации студентов // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 26. № 1. С. 47-52. EDN VTNXVH.

13. Кучина, П. А. Активизация лидерского потенциала студентов ВУЗа в процессе внеучебной деятельности // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 105-2. С. 104-108. DOI 10.18411/trnio-01-2024-91. EDN DKVLEL.

14. Лазарева, А. В. Развитие коммуникативных компетенций студентов посредством тренинговых программ // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 5(32). С. 279-285. EDN

RFXJKZ.

15. Лутошкина, В. Н., Давыдов, В. А., Высочина, Ю. Л. Проблема лидерства в современном высшем образовании // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2024. № 1. С. 48-52. EDN GAGVSA.
16. Миллер, Э. С. Влияние психо-эмоционального состояния лидера на его эффективность: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА // Методология современной психологии. 2025. № 25. С. 265-271. EDN OEKWNM.
17. Михайличенко, В., Грень, Л. Активизация лидерского потенциала студентов высших учебных заведений в процессе обучения // . 2017. № 1. С. 57-67. EDN YLKUNH.
18. Снегова, Е. С. Психодиагностика сформированности лидерских качеств обучающихся как динамического профессионально-личностного образования // Известия Великолукской государственной сельскохозяйственной академии. 2020. № 1(30). С. 52-56. EDN CQRKZC.
19. Фардзинова, З. А. Участие лидеров общественного мнения в процессах совершенствования социальной политики в области патриотического воспитания на муниципальном уровне // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 3(24). С. 392-396. EDN YLGZBB.
20. Шляхова, С. С. Влияние блогосферы на студенчество в регионах // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2020. № 22. С. 67-79. EDN AGDSUF.
21. Штырев, М. М., Башкин, Е. Б. Особенности выраженности ценностно-смысловой детерминации лидерства у студентов разных направлений подготовки // Психолог. 2023. № 5. С. 1-17. DOI 10.25136/2409-8701.2023.5.43703. EDN VKWPRC.
22. Jordan, U., Külpp, B., Bruckschen, I. Das erfolgreiche Einstellungs-Interview: Potenziale für morgen sicher erkennen und gewinnen. Springer-Verlag, 2012. Abschnitt 4.3.4: STAR-L Fragen. Abgerufen am 10. November 2015.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье являются представления о лидерских качествах студентов-журналистов с разным уровнем академической успеваемости.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, метод сравнения, метод анкетирования, метод ранжирования, метод глубинного интервью по модели STAR, методы математической статистики.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку лидерские качества являются важными личностными характеристиками, имеющими определяющее значение для такой профессиональной деятельности, как журналистика, где большое значение имеет проявление социальной активности и активной жизненной позиции. Однако представления о лидерских качествах в глазах разных социальных групп имеют свои особенности, в том числе и среди студентов, имеющих разную успеваемость в обучении. В этом контексте исследование представлений о лидерских качествах студентов-журналистов с разным уровнем академической успеваемости представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна представленной работы заключается в проведении по авторской методике исследования, направленного изучение и анализ «представлений о лидерских качествах студентов-журналистов с разным уровнем академической успеваемости». Основой выборки исследования стали 66 студентов филологического факультета,

обучающихся по направлению журналистики Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения позиций ученых к исследуемому вопросу и применением научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также описанием полученных результатов и их обсуждением.

Структуру статьи в целом можно считать соответствующей основным требованиям, предъявляемым к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены такие элементы как актуальность, организация эмпирического исследования, обсуждение результатов, выводы, приложения № 1, № 2 и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет выявленная и отмеченная в ходе исследования тенденция, что «В представлении студентов с разным уровнем успеваемости востребованность лидерского качества может зависеть от возможности получить оперативный результат на практике. Например, студенты с низкой успеваемостью больше оценивают прагматичные аспекты лидерства, связанные с эффективностью и достижением конечных целей, а студенты с высокой успеваемостью понимают проявление лидерских качеств как долгосрочную перспективу, где освоение каждого из лидерских качеств может оказать положительное влияние на развитие профессиональной карьеры».

Библиография содержит 15 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание позиций и точек зрения различных ученых, характеризующих представления о лидерских качествах, в том числе среди студентов. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «представления студентов во многом совпадают с выводами, вытекающими из научных исследований, касающихся качеств и характеристик лидера. Эти совпадения проливают свет на восприятие лидера как ключевого стержня, несущего в себе цели, программы, методы действий, ценности и нормы социальной группы. Лидер рассматривается как интегратор групповых процессов и отношений, организатор эффективного взаимодействия, решатель конфликтов, который стремится к достижению согласия среди подчиненных. Подчеркнем, что эффективность лидерства определяется наличием у лидера набора лидерских качеств, которые позволяют ему мотивировать последователей на выполнение поставленных задач. Также существенными являются особенности поведения лидера, которые обеспечивают способность управлять людьми, используя методы вдохновения, убеждения и поощрения. Исходя из вышеприведённого анализа представлений студентов о лидерстве в рамках небольшой выборки студентов журналистов, можно утверждать о наличии разницы в восприятии лидерства и важных лидерских качеств у студентов с разным уровнем успеваемости. Выявленные различия могут быть обусловлены не только индивидуальными чертами личности, но и ценностными ориентациями, внутренними установками, поведенческими стратегиями и ожиданиями от лидерской роли».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, психологами, социологами, представителями профессионального сообщества журналистов, консультантами, аналитиками и

экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что особое внимание следует уделить внимание обзору литературы и более конкретному описанию именно методологии исследования, а не только описанию организации эмпирического исследования. Целесообразно было сделать обобщающее заключение, чтобы оно создало впечатление законченности и логической завершенности проведенного исследования. При описании характеристик выборки указано, что «Основу выборки составили 66 студентов-журналистов филологического факультета РУДН ...», но название образовательной организации необходимо было бы написать полностью, а в скобках можно было бы указать сокращенное название. При оформлении таблиц следует руководствоваться требованиями действующего ГОСТа и оформить их в соответствии с этими требованиями. В качестве рекомендации, возможно, при подготовке рукописи не обязательно было бы приводить полный текст авторской анкеты и вопросов интервью в качестве приложений к статье, достаточно было ограничиться описанием и анализом результатов исследования в тексте статьи. Кроме того, в тексте статьи встречаются незначительные опечатки и технические ошибки, например, отсутствие дефиса «... студентов журналистов филологического факультета ...», сноска с номером, отсутствующим в библиографии «[206]», упоминание о «...соответствующей статье..», хотя не совсем понятно, о какой статье идет речь и т.п. Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить, доработать текст статьи в плане конкретизации и уточнения необходимых дополнений. Рукопись рекомендуется отправить на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Представления о лидерских качествах студентов-журналистов с разным уровнем академической успеваемости»

Предмет исследования - изучение ценностно-смысловых предикторов проявления лидерства у студентов в зависимости от успеваемости.

Методология исследования является наиболее привлекательным моментом в представленной статье. Автор грамотно формирует выборку, этапы исследования и научные основания для конструирования изучаемого феномена.

Прикладная часть в исследовании посвящена работе над целью - выявление различий в представлениях о лидерских качествах у студентов-журналистов с разным уровнем академической успеваемости. В исследовании участвовало большое количество испытуемых - 677 студентов различных направлений подготовки. Это позволило получить большой объем данных на репрезентативной выборке.

Применен комплекс методов - методы анкетирования, ранжирования, глубинного интервью, а также методы сравнительного анализа и категоризации. Также большой объем полученных данных обработан с помощью математических методов исследования: анализ средних значений, ранжирование, U-критерий Манна-Уитни.

Актуальность представленной статьи не вызывает сомнения. Феномен лидерства находится в центре изучения ученых и практиков, так как именно лидерская позиция позволяет достигать результатов в условиях неопределённости и быстрых изменений.

Но при этом описание не является структурированным и подчеркивающим важность изучения заявленной темы. Доказательства актуальности требуют подтверждения

фактами, статистикой, анализа трендов.

Научная новизна. В статье проблема формирования и проявления лидерских качеств рассматривается как междисциплинарный феномен, охватывающий педагогические, психологические и социокультурные аспекты на примере студентов с разной успеваемостью.

Стиль, структура, содержание

Вводная часть обосновывает выбор темы и описание феномена лидерства как смежного понятия в психологии, социологии, педагогике и менеджменте.

В основной части статьи автор раскрывает теоретико-методологические подходы к пониманию лидерства. Важно, что раскрыты подходы отечественных авторов – Т.Базарова, А.Гасимова, В.Кучина и др.

Подробно описана организация исследования. Исследовательская часть построена в 3 этапа – от формирования выборки до проведения исследования методом ранжирования лидерских характеристик и качественного анализа (методом глубинного интервью) на заключительном этапе.

Полученные результаты представлены в таблицах, грамотно верифицированы и интерпретированы данные.

В заключении автор делает качественные выводы, построенные на результатах исследования. Выделены 7 ключевых лидерских качеств, определены параметры восприятия лидера, и выявлены разные коммуникативные стратегии у студентов с раной успеваемостью.

Библиография

Насчитывает 22 наименования литературных источников (статьи из журналов, сборников конференций, аналитические обзоры), среди которых представлены фундаментальные работы отечественных и зарубежных ученых, прикладные работы, в том числе на английском языке. Важно, что автор ориентируется на исследования разных лет, в том числе самые новые работы (2024 год).

Апелляция к оппонентам – статья вполне соответствует требованиям, предъявляемым к статьям для публикации в журналах из перечня ВАК, и рекомендуется к публикации. Особенно важно отметить серьезную методологию, которая положена в основания исследования.

Выводы, интерес читательской аудитории – статья вызовет интерес читательской аудитории. Она содержит качественный теоретический анализ, описание методологии исследования и грамотное изложение полученных результатов. Статья будет полезна широкому кругу лиц – психологам, бизнес-консультантам, преподавателям психологии, а также руководителям, которые строят работу по управлению командами на применении феномена лидерства.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Шляхов И.С., Горбунов И.А., Дахновская М.С. Электрофизиологические маркеры когнитивного контроля в задаче Струпа: анализ вызванных потенциалов // Психолог. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8701.2025.2.74175
EDN: CTCJIW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74175

Электрофизиологические маркеры когнитивного контроля в задаче Струпа: анализ вызванных потенциалов

Шляхов Иван Сергеевич

ORCID: 0000-0001-7801-382X

ассистент; кафедра Психология; Национальный медицинский исследовательский центр им. В.А. Алмазова
аспирант; факультет психологии; Санкт-Петербургский государственный университет
199225, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, ул. Вадима Шефнера, д. 14 к. 1 стр. 1

✉ i.shlyakhov@spbu.ru

Горбунов Иван Анатольевич

ORCID: 0000-0002-7558-750X

кандидат психологических наук
старший преподаватель; факультет психологии; Санкт-Петербургский государственный университет
199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, линия 8-я В.О., д. 77

✉ i.a.gorbunov@spbu.ru

Дахновская Мария Сергеевна

ORCID: 0009-0007-3698-3394

студент; факультет психологии; Санкт-Петербургский государственный университет
199155, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, ул. Железноводская, д. 15 литера Б

✉ st118249@student.spbu.ru

[Статья из рубрики "Потенциал интеллекта"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2025.2.74175

EDN:

CTCJIW

Дата направления статьи в редакцию:

20-04-2025

Аннотация: Когнитивный контроль играет ключевую роль в регуляции поведения и подавлении автоматизированных реакций, особенно в условиях когнитивного конфликта. Его механизмы позволяют подавлять стереотипные реакции и направлять внимание на достижение поставленных целей. Особенно важную роль когнитивный контроль играет в ситуациях, когда необходимо преодолеть интерференцию между конкурирующими стимулами. В данном исследовании предметом изучения стали нейрофизиологические маркеры обработки конфликтной информации. Для достижения исследовательских целей был использован метод электроэнцефалографии (ЭЭГ). В качестве экспериментальной парадигмы применялась классическая задача Струпа, которая позволяет моделировать ситуации когнитивного конфликта. В результате в настоящем исследовании был проведен анализ вызванных потенциалов (ВП) в задаче Струпа с целью изучения нейрофизиологических механизмов обработки конфликтной информации. В эксперименте приняли участие 36 человек, чьи ВП были проанализированы с целью поиска следующих компонентов: N2 (мониторинг конфликта), N400 (подавление интерференции) и поздний положительный компонент (LPC), связанный с разрешением конфликта. Результаты показали, что компонент N2 продемонстрировал значительное усиление амплитуды в условиях конфликтных стимулов, подтверждая его связь с активацией передней поясной коры (ППК) при обнаружении конфликта. Компонент N400 проявился как выраженная отрицательная волна в центро-париетальных областях, что свидетельствует о его вовлечении в механизмы подавления интерференции. LPC, в свою очередь, продемонстрировал более высокую амплитуду при разрешении конфликта, указывая на мобилизацию когнитивных ресурсов для контроля над выполнением задания. Таким образом, полученные данные подтверждают теорию двухфазного когнитивного контроля, согласно которой ранний этап (N2) отвечает за обнаружение конфликта, средний этап (N400) связан с подавлением интерференции, а поздний этап (LPC) отражает осознанную переработку информации и адаптацию. Настоящее исследование дополняет существующие данные о нейрофизиологических основах когнитивного контроля и открывает перспективы для дальнейшего изучения индивидуальных различий, а также влияния внешних факторов на эффективность обработки конфликтной информации.

Ключевые слова:

когнитивный контроль, вызванные потенциалы, электроэнцефалография, задача Струпа, N2, N400, LPC, передняя поясная кора, интерференция, конфликтная обработка

Введение. Когнитивный контроль, представляет собой совокупность когнитивных процессов, обеспечивающих гибкость мышления, регуляцию поведения и адаптацию к изменяющимся условиям среды [5]. Эти процессы включают поиск конфликтной информации, подавление интерференции и разрешение конфликта, требующих внимания и сознательного контроля.

Одним из наиболее изученных парадигм для оценки когнитивного контроля является задача Струпа [1], в которой испытуемым необходимо назвать цвет, которым написано слово, игнорируя его семантическое значение. Конфликт между автоматизированным процессом чтения слова и контролируемым процессом определения цвета требует значительного вовлечения исполнительных функций. Исследования с использованием методов нейровизуализации и электроэнцефалографии (ЭЭГ) показали, что выполнение

задачи Струпа связано с активностью передней поясной коры (ППК), дорсолатеральной префронтальной коры (длПФК) и других областей, ответственных за когнитивный контроль [4].

Записи вызванных потенциалов (ВП) позволяют изучать временную динамику когнитивного контроля в задаче Струпа с высокой точностью. В частности, было выявлено три ключевых компонента ВП, связанных с различными аспектами когнитивного контроля: фронтально-центральный N2, отражающий процессы мониторинга конфликта [4], N400, связанный с подавлением интерференции [10], и поздний положительный компонент (LPC), который ассоциируется с процессами разрешения конфликта [7].

Таким образом, исследование задачи Струпа с использованием ЭЭГ предоставляет важные данные о временной и пространственной организации когнитивного контроля, позволяя уточнить механизмы, лежащие в основе обработки конфликтной информации.

Электроэнцефалография (ЭЭГ) является одним из ключевых методов исследования когнитивного контроля, позволяющим регистрировать электрическую активность мозга с высокой временной разрешающей способностью. В частности, анализ ВП позволяет выявить специфические нейрофизиологические маркеры, отражающие процессы мониторинга конфликта, подавления интерференции и разрешения конфликта.

Одним из наиболее надежных ВП-маркеров когнитивного контроля является компонент N2, который проявляется в интервале 200–350 мс после предъявления стимула. Основными нейронными генераторами N2 считаются передняя поясная кора (ППК) и дорсолатеральная префронтальная кора (длПФК) [12].

Другим важным ВП-компонентом является N400, который играет ключевую роль в подавлении интерференции в задачах когнитивного контроля, включая задачу Струпа. В задачах, требующих подавления интерференции, N400 наиболее выражен в центро-париетальных областях и связан с активностью передней поясной и префронтальной коры [9].

Поздний положительный компонент (LPC) возникает в интервале 500–800 мс после предъявления стимула и связан с процессами разрешения конфликта [10]. LPC чаще всего проявляется как положительный сдвиг амплитуды в париетальных и центральных областях скальпа, что указывает на вовлечение сознательных механизмов когнитивного контроля и переработки информации после конфликта [8]. В задаче Струпа усиление LPC наблюдается в ответ на конфликтные стимулы и отражает мобилизацию когнитивных ресурсов для выбора правильного ответа [15].

Исследование когнитивного контроля в задаче Струпа с использованием электроэнцефалографии (ЭЭГ) представляет собой важный методологический подход к изучению нейрофизиологических механизмов обработки конфликтной информации. Несмотря на значительное количество работ, посвященных данной тематике, остается ряд нерешенных вопросов, касающихся точных временных и пространственных характеристик вовлеченных в этот процесс мозговых структур, а также взаимосвязи между различными компонентами вызванных потенциалов (ВП).

Целью данного исследования является изучение особенностей вызванных потенциалов в задаче Струпа с акцентом на три ключевых компонента ВП: N2, связанный с мониторингом конфликта, N400, отражающий подавление интерференции, и поздний

положительный компонент (LPC), ассоциируемый с разрешением конфликта.

На основе предыдущих исследований в данной работе выдвигаются следующие гипотезы:

1. Компонент N2 будет проявляться с большей амплитудой в условиях конфликта, что свидетельствует об активации передней поясной коры (АСС) при обнаружении интерференции [20].
2. Компонент N400 будет демонстрировать более выраженную отрицательную амплитуду в ответ на конфликтные стимулы, что связано с активностью префронтальной коры и передней поясной коры при подавлении автоматизированных реакций [17].
3. Поздний положительный компонент (LPC) будет более выражен в условиях разрешения конфликта, что свидетельствует о мобилизации когнитивных ресурсов для выполнения корректного ответа [10; 8].

Настоящее исследование позволит уточнить механизмы когнитивного контроля в задаче Струпа, а также дополнить существующие модели, описывающие временную динамику процессов мониторинга конфликта, подавления интерференции и разрешения конфликта [3].

Материалы и методы. В исследовании были получены данные 36 человек в возрасте от 18 до 54 (средний возраст 36 лет), из них 17 женщин и 19 мужчин. Испытуемые не имели диагностированных неврологических и психических заболеваний. Также от каждого испытуемого было получено письменное информированное согласие на участие в исследовании.

На основе проведенного анализа данных, полученных от 36 участников, была выполнена проверка нормальности распределения с использованием теста Шапиро-Уилка и оценка значимости различий с помощью теста Краскела-Уоллиса.

Результаты. В настоящем исследовании были проанализированы ВП при выполнении задачи Струпа для оценки нейрофизиологических механизмов когнитивного контроля. Основное внимание было уделено компонентам N2, N400 и позднему положительному компоненту (LPC), поскольку они отражают процессы мониторинга конфликта, подавления интерференции и разрешения конфликта, соответственно.

Проверка нормальности распределения данных с использованием теста Шапиро-Уилка показала значительное отклонение от нормального распределения во всех анализируемых каналах ($p < 0.05$). Это подтвердило необходимость применения непараметрических методов анализа. Результаты теста Краскела-Уоллиса выявили статистически значимые различия ($p < 0.05$) в амплитудах ВП-компонентов между условиями (правильные и неправильные ответы), что указывает на различия в обработке конфликтной информации в зависимости от успешности выполнения задания.

Таблица 1

Оценка значимости (тест Краскела-Уоллиса)

Канал	F	p-значение
Fp1	19.233	0.000
Fp2	21.512	0.000
F7	372.909	0.000

F3	312.869	0.000
Fz	131.297	0.000
F4	117.217	0.000
F8	166.235	0.017
C3	5.734	0.000
Cz	65.360	0.000
C4	280.467	0.000
T4	222.771	0.000
T5	8.723	0.003
P3	11.469	0.001
Pz	12.457	0.000
P4	8.622	0.003
T6	36.938	0.000
O1	21.788	0.000
O2	58.447	0.000

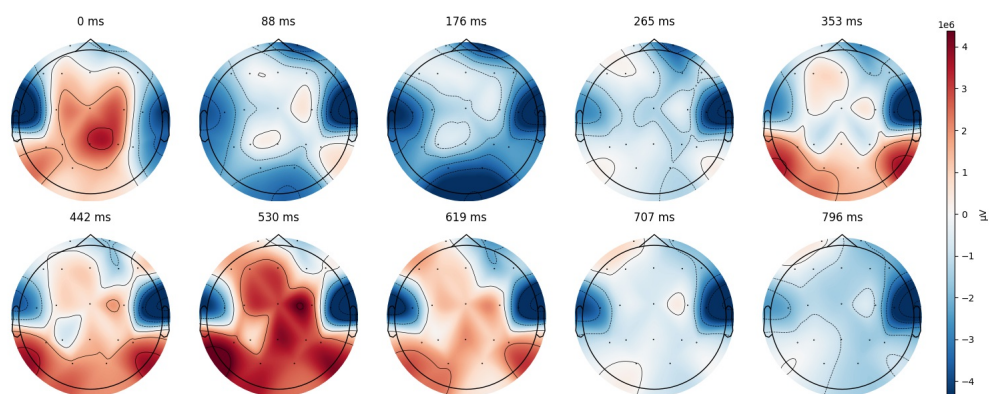

Рис. 1. Топограммы при угадывании стимула

При угадывании стимула вызванные потенциалы демонстрировали характерные особенности, связанные с успешной когнитивной обработкой информации. Компонент Р300, проявляющийся в интервале 300–500 мс, был наиболее выражен в центральных, теменно-височных и парietальных областях. Например, в канале Т5 наблюдалась положительная волна с амплитудой 1.31–1.80 мкВ в интервале 472–520 мс. Это свидетельствует об успешном выполнении когнитивной задачи.

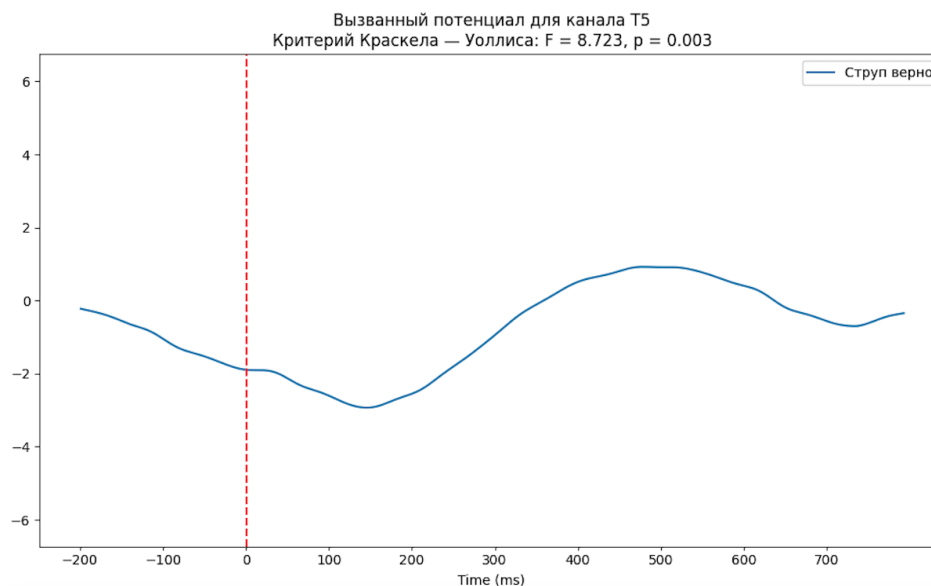

Рис. 2. Вызванный потенциал для канала T5 при угадывании стимула

Поздний положительный компонент (LPC), связанный с процессами сознательной обработки информации, также проявлялся при угадывании стимула, но с меньшей амплитудой по сравнению с неправильными ответами. Это может указывать на меньшую когнитивную нагрузку при обработке релевантной информации.

При неугадывании стимула вызванные потенциалы демонстрировали более выраженные изменения, связанные с обнаружением ошибок и переработкой конфликтной информации. На ранних этапах обработки наблюдался компонент ERN (Error-Related Negativity) в интервале 50–150 мс, который был наиболее выражен в центральных областях (например, в канале Cz амплитуда составляла 1.62–0.32 мкВ).

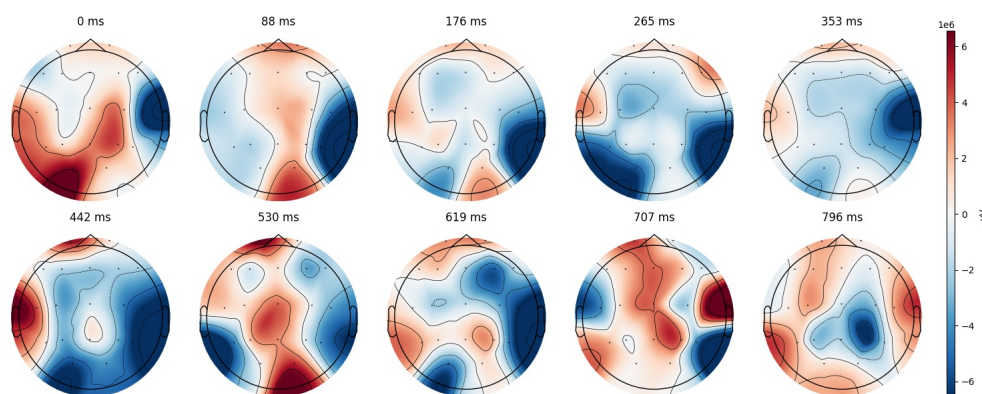

Рис. 3. Топограммы при неугадывании стимула

Компонент N200, связанный с процессами, ответственными за усиление когнитивного контроля, проявлялся в интервале 200–300 мс и был особенно выражен в височных областях (например, в канале T5 амплитуда составляла -6 мкВ).

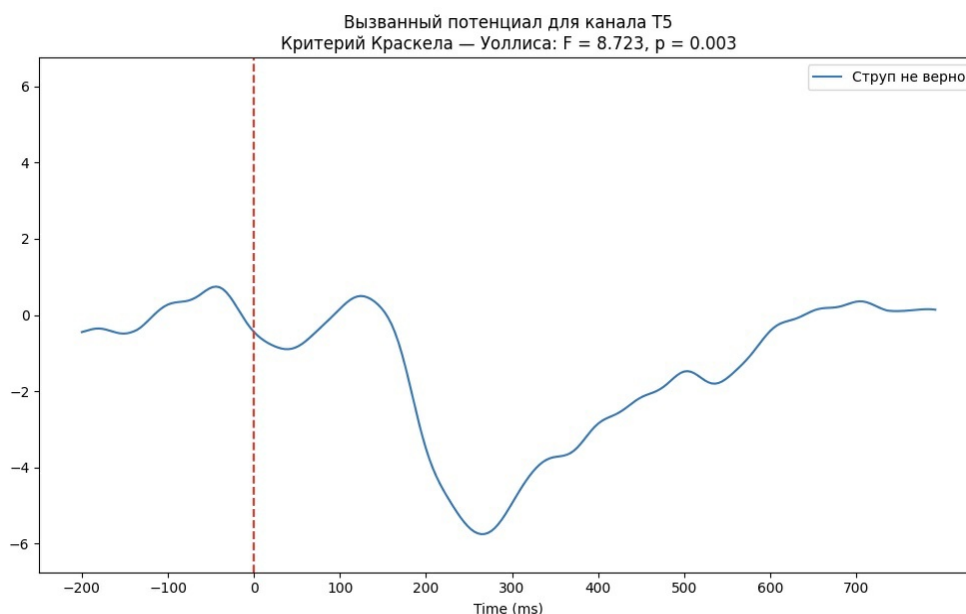

Рис. 4. Вызванный потенциал для канала T5 при неугадывании стимула

Поздние компоненты, такие как LPC, проявлялись с большей амплитудой при неугадывании стимула (например, в канале Cz амплитуда составляла 2.04–2.15 мкВ в интервале 520–712 мс). Это может быть связано с увеличением когнитивной нагрузки для сознательного контроля за ошибками возникающими в ходе выполнения задания.

Фронтальные волны (N400), связанные с обработкой семантического конфликта, также были более выражены при неугадывании стимула. Например, в канале F3 наблюдалась отрицательная волна с амплитудой -3.83 – -3.09 мкВ в интервале 328–376 мс, что свидетельствует о сложностях вызванных интерференцией при обработке конфликтной информации.

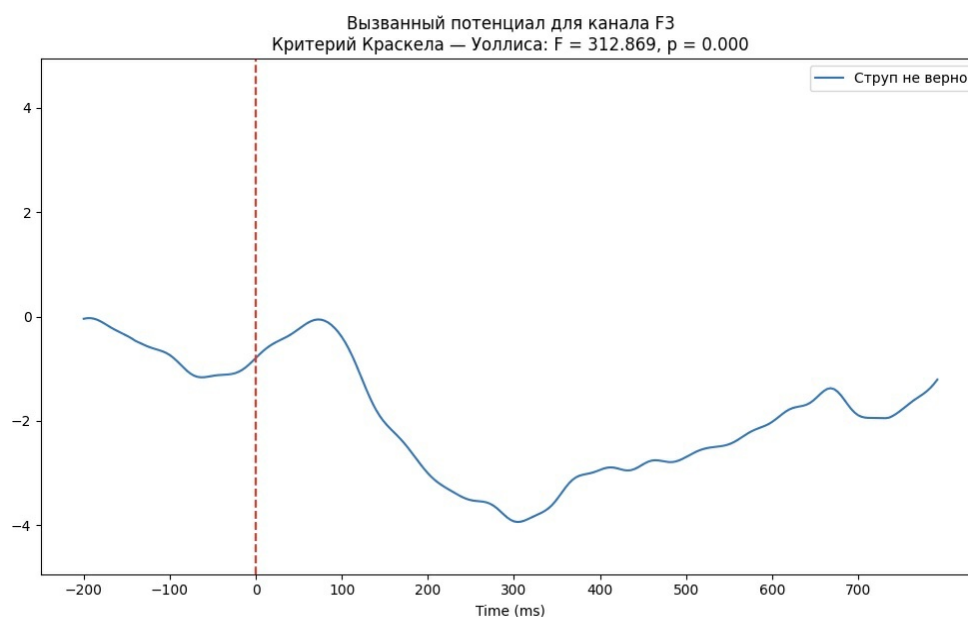

Рис. 5. Вызванный потенциал для канала F3 при неугадывании стимула

Сравнение вызванных потенциалов при угадывании и неугадывании стимула выявило значительные различия в амплитуде и латентности ключевых компонентов. При угадывании стимула более выражены положительные компоненты, что отражает успешное завершение когнитивной задачи и эффективное распределение внимания. В то же время при неугадывании стимула наблюдаются более выраженные отрицательные компоненты, такие как ERN, N200 и N400, что связано с процессом обнаружения ошибок при обработке конфликтной информации и с активацией когнитивного контроля.

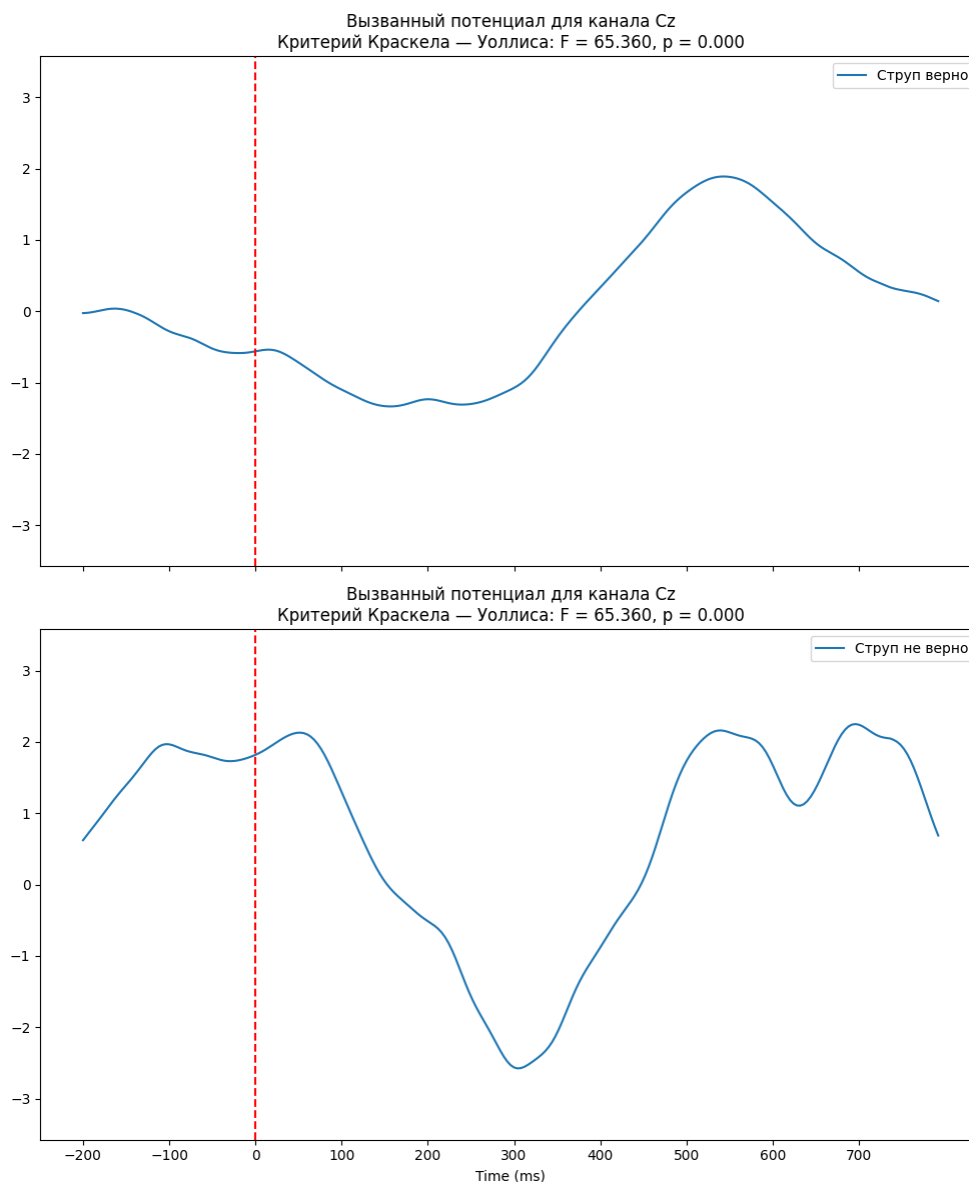

Рис. 7. Сравнение вызванных потенциалов для канала Cz при угадывании и неугадывании стимула

Поздняя положительная компонента (LPC) была более выражена при неугадывании стимула, что указывает на необходимость переработки информации и осознания ошибки. Это подтверждает, что неугадывание стимула требует большего вовлечения когнитивных ресурсов.

Топографические различия также подчеркивают разницу между угадыванием и неугадыванием стимула. При угадывании стимула активация была более выражена в центральных и парietальных областях, тогда как при неугадывании стимула наиболее значительные изменения наблюдались в лобных и фронтальных областях, что связано с обработкой конфликтных стимулов.

Таким образом, различия в вызванных потенциалах подтверждают, что угадывание и неугадывание стимула активируют различные нейронные механизмы, связанные с когнитивным контролем, вниманием и переработкой информации.

Обсуждение. Результаты настоящего исследования подтверждают ключевую роль когнитивного контроля в обработке конфликтной информации в задаче Струпа. Анализ ВП позволил выделить три основных компонента — N2, N400 и LPC — каждый из которых

связан с определенными аспектами когнитивного контроля, включая мониторинг конфликта, подавление интерференции и разрешение конфликта. Полученные данные согласуются с результатами предыдущих исследований, указывая на вовлечение передней поясной коры и дорсолатеральной префронтальной коры (длПФК) в регуляцию этих процессов [\[13\]](#).

Компонент N2 продемонстрировал ожидаемое усиление амплитуды в условиях высокой конфликтности, что подтверждает его связь с мониторингом конфликта и вовлечением ППК в обнаружение противоречивой информации [\[19\]](#). Данный результат согласуется с моделью когнитивного контроля, согласно которой ППК играет ведущую роль в регистрации ошибок и управлении вниманием в условиях когнитивного конфликта [\[6\]](#).

Компонент N400, проявляющийся как усиленная отрицательная волна в центро-париетальной области, подтвердил свою роль в подавлении интерференции между словесной и цветовой информацией. Данный эффект можно интерпретировать как показатель подавления автоматизированных реакций, требующих переработки конфликтных стимулов. Это согласуется с данными нейровизуализационных исследований, демонстрирующих активность передней поясной и префронтальной коры при выполнении задач, требующих контроля интерференции [\[18\]](#).

LPC показал более выраженную амплитуду в условиях успешного разрешения конфликта, что свидетельствует о мобилизации когнитивных ресурсов для выбора корректного ответа. Этот результат согласуется с гипотезой о том, что LPC отражает осознанную переработку информации и участие исполнительных функций в принятии решения [\[16\]](#). Аналогичные выводы были сделаны в исследованиях, использующих комбинированные ЭЭГ- фМРТ методы, подтверждающие роль LPC в переработке конфликта и адаптации поведения [\[13\]](#).

Полученные данные также согласуются с теориями двухфазного когнитивного контроля, согласно которым реактивный контроль (ассоциируемый с N2) предшествует проактивному контролю, связанному с подавлением интерференции (N400) и финальным разрешением конфликта (LPC) [\[5\]](#). В частности, наши результаты подтверждают, что эффективное выполнение задачи Струпа требует взаимодействия нескольких уровней когнитивного контроля, каждый из которых задействует определенные нейронные сети.

Результаты исследования подтверждают теорию двухфазного когнитивного контроля, согласно которой ранний этап (ассоциируемый с N2) отвечает за обнаружение конфликта, средний этап (N400) связан с подавлением интерференции, а поздний этап (LPC) отражает процессы разрешения конфликта и адаптации [\[14\]](#). Эти выводы согласуются с данными функциональной нейровизуализации, демонстрирующими активность соответствующих корковых областей при выполнении задач с высоким уровнем интерференции [\[2\]](#).

Будущие исследования могут быть направлены на изучение индивидуальных различий в когнитивном контроле, а также на исследование влияния факторов, таких как билингвизм или возраст, на эффективность подавления интерференции. Кроме того, перспективным направлением является анализ временной динамики ВП-компонентов в контексте различных стратегий когнитивного контроля [\[11\]](#).

Библиография

1. Braver T.S. The variable nature of cognitive control: A dual mechanisms framework // Trends in Cognitive Sciences. 2012. V. 16. No. 3. P. 106-113.
2. Стародубцев А.С. Влияние когнитивного контроля на эффект Струпа // Петербургский психологический журнал. 2018. № 24. С. 40-62. EDN: YRRUPR.
3. Botvinick M.M., Braver T.S., Barch D.M., Carter C.S., Cohen J.D. Conflict monitoring and cognitive control // Psychological Review. 2001. V. 108. No. 3. P. 624-652. EDN: GZRQQT.
4. Hanslmayr S., Pastötter B., Bäuml K.H., Gruber S., Wimber M., Klimesch W. The electrophysiological dynamics of interference during the Stroop task // Journal of Cognitive Neuroscience. 2008. V. 20. No. 2. P. 215-225.
5. Coderre E.L., Conklin K., van Heuven W.J.B. Electrophysiological measures of conflict detection and resolution in the Stroop task // Brain Research. 2011. V. 1413. P. 51-59. DOI: 10.1016/j.brainres.2011.07.017. EDN: XZTIVU.
6. Iannaccone R., Hauser T.U., Ball J., Brandeis D., Walitza S., Brem S. Conflict monitoring and error processing: New insights from simultaneous EEG-fMRI // NeuroImage. 2015. V. 105. P. 395-407.
7. van Veen V., Carter C.S. The timing of action-monitoring processes in the anterior cingulate cortex // Journal of Cognitive Neuroscience. 2002. V. 14. No. 4. P. 593-602.
8. Donohue S.E., Appelbaum L.G., McKay C.C., Woldorff M.G. The neural dynamics of stimulus and response conflict processing as a function of response complexity and task demands // Neuropsychologia. 2016. V. 84. P. 14-28.
9. Larson M.J., Kaufman D.A., Perlstein W.M. Neural time course of conflict adaptation effects on the Stroop task // Neuropsychologia. 2009. V. 47. No. 3. P. 663-670.
10. Yeung N., Botvinick M.M., Cohen J.D. The neural basis of error detection: Conflict monitoring and the error-related negativity // Psychological Review. 2004. V. 111. No. 4. P. 931-959.
11. Liotti M., Woldorff M.G., Perez R., Mayberg H.S. An ERP study of the time course of the Stroop effect // Neuropsychologia. 2000. V. 38. No. 5. P. 701-711. DOI: 10.1016/S0028-3932(99)00106-2. EDN: YEPGXP.
12. Bialystok E. The bilingual adaptation: How minds accommodate experience // Psychological Bulletin. 2017. V. 143, No. 3. P. 233-262.
13. Kerns J.G., Cohen J.D., MacDonald A.W., Cho R.Y., Stenger V.A., Carter C.S. Anterior cingulate conflict monitoring and adjustments in control // Science. 2004. V. 303. No. 5660. P. 1023-1026. EDN: GRCJOL.
14. van Veen V., Carter C.S. The timing of action-monitoring processes in the anterior cingulate cortex // Journal of Cognitive Neuroscience. 2002. V. 14. No. 4. P. 593-602.
15. Carter C.S., Braver T.S., Barch D.M., Botvinick M.M., Noll D., Cohen J.D. Anterior cingulate cortex, error detection, and the online monitoring of performance // Science. 1998. V. 280. No. 5364. P. 747-749. EDN: ENLGOJ.
16. Milham M.P., Banich M.T., Claus E.D., Cohen N.J. Practice-related effects demonstrate complementary roles of anterior cingulate and prefrontal cortices in attentional control // NeuroImage. 2003. V. 18. No. 2. P. 483-493.
17. Leung H.C., Skudlarski P., Gatenby C., Peterson B.S., Gore J.C. An event-related functional MRI study of the Stroop color word interference task // Cognitive Brain Research. 2000. V. 12. No. 2. P. 327-340.
18. Larson M.J., Clayson P.E., Clawson A. Making sense of all the conflict: A theoretical review and critique of conflict-related ERPs // International Journal of Psychophysiology. 2014. V. 93. No. 3. P. 283-297.
19. Banich M.T. Executive function: The search for an integrated account // Current Directions in Psychological Science. 2009. V. 18. No. 2. P. 89-94.
20. Gratton G., Cooper P., Fabiani M., Carter C.S., Karayanidis F. Dynamics of cognitive

control: Theoretical bases, paradigms, and a view for the future // Psychophysiology. 2017. V. 54. No. 1. P. 6-35.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Электрофизиологические маркеры когнитивного контроля в задаче Струпа: анализ вызванных потенциалов». Работа включает в себя вводную часть с определением актуальности проводимого исследования, ее цели и рабочих гипотез. Следующий раздел посвящен описанию материалов и методов, а также результатов и обсуждения полученных эмпирических результатов. Заканчивается статья кратким выводом и выделением перспектив изучения. Предмет исследования. Работа нацелена на изучение особенностей, вызванных потенциалов в задаче Струпа с акцентом на три ключевых компонента ВП: N2, связанный с мониторингом конфликта; N400, отражающий подавление интерференции; поздний положительный компонент (LPC), ассоциируемый с разрешением конфликта.

Методологическая основа исследования.

В исследовании были получены данные 36 человек в возрасте от 18 до 54 (средний возраст 36 лет), из них 17 женщин и 19 мужчин. Испытуемые не имели диагностированных неврологических и психических заболеваний. Также от каждого испытуемого было получено письменное информированное согласие на участие в исследовании. На основе проведенного анализа данных, полученных от 36 участников, была выполнена проверка нормальности распределения с использованием теста Шапиро-Уилка и оценка значимости различий с помощью теста Краскела-Уоллиса. В настоящем исследовании были проанализированы ВП при выполнении задачи Струпа для оценки нейрофизиологических механизмов когнитивного контроля. Основное внимание было уделено компонентам N2, N400 и позднему положительному компоненту (LPC), поскольку они отражают процессы мониторинга конфликта, подавления интерференции и разрешения конфликта, соответственно.

Актуальность исследования. Автор отмечает, что исследование задачи Струпа с использованием ЭЭГ предоставляет важные данные о временной и пространственной организации когнитивного контроля, позволяя уточнить механизмы, лежащие в основе обработки конфликтной информации. Исследование когнитивного контроля в задаче Струпа с использованием электроэнцефалографии (ЭЭГ) представляет собой важный методологический подход к изучению нейрофизиологических механизмов обработки конфликтной информации. Несмотря на значительное количество работ, посвященных данной тематике, остается ряд нерешенных вопросов, касающихся точных временных и пространственных характеристик вовлеченных в этот процесс мозговых структур, а также взаимосвязи между различными компонентами вызванных потенциалов (ВП).

Научная новизна исследования. Анализ результатов исследования показал, что Компонент N2 (связанный с мониторингом конфликта) будет проявляться с большей амплитудой в условиях конфликта, что свидетельствует об активации передней поясной коры (АСС) при обнаружении интерференции. Компонент N400 (отражающий подавление интерференции) будет демонстрировать более выраженную отрицательную амплитуду в ответ на конфликтные стимулы, что связано с активностью префронтальной коры и передней поясной коры при подавлении автоматизированных реакций. Поздний положительный компонент (LPC) будет более выражен в условиях разрешения конфликта, что свидетельствует о мобилизации когнитивных ресурсов для выполнения

корректного ответа.

Автором отмечается, что проведенное исследование позволило уточнить механизмы когнитивного контроля в задаче Струпа, а также дополнить существующие модели, описывающие временную динамику процессов мониторинга конфликта, подавления интерференции и разрешения конфликта.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы небольшой, но достаточный для того, чтобы раскрыть предмет исследования.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 20 отечественных источников, издания за последние три года отсутствуют. В список включены, в основном, статьи и тезисы. Источники, в основном, оформлены корректно и однородно.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации: оформить заключение, в котором представить подробные и аргументированные выводы по результатам проведенного исследования.

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами когнитивного контроля. Вопрос рассматривается через призму выделения электрофизиологических маркеров когнитивного контроля в задаче Струпа, через анализ вызванных потенциалов. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Жукова А.А. Сравнительный анализ личностных особенностей людей, испытавших и не испытавших трансцендентный опыт // Психолог. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8701.2025.2.73689 EDN: CWGIEG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73689

Сравнительный анализ личностных особенностей людей, испытавших и не испытавших трансцендентный опыт

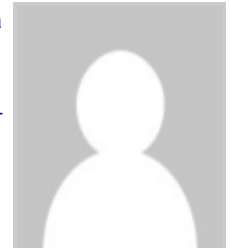
Жукова Александра Александровна

ORCID: 0009-0003-7140-2824

Клинический психолог
Когнитивно-поведенческий психолог

129226, Россия, г. Москва, р-н Ростокино, ул. Вильгельма Пика, д. 4 стр. 1

✉ 9876677@mail.ru

[Статья из рубрики "Мотивация и духовность личности"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2025.2.73689

EDN:

CWGIEG

Дата направления статьи в редакцию:

14-03-2025

Аннотация: Современные исследования трансцендентного опыта показывают его потенциальное влияние на личностное развитие, однако эмпирическая база изменений в системе личностных характеристик остаётся недостаточно изученной. Предметом исследования являются личностные черты людей, испытавших трансцендентный опыт, а также личностные черты людей, не испытавших трансцендентный опыт. Исследование направлено на выявление специфики личностных черт, которые могут быть связаны с наличием или отсутствием трансцендентного опыта, а так же на анализ возможных закономерностей в их проявлении. В статье представлены результаты исследования личностных особенностей людей, переживших трансцендентный опыт. Выборку составили 600 человек, из которых 300 имели опыт трансцендентных переживаний и 300 не имели такового, в возрасте от 18 до 78 лет (средний возраст – 37 лет). Методы исследования : Шкала общей самооценки; Шкала удовлетворенности жизнью; Опросник большой пятерки; Опросник уровень субъективного контроля (УСК); Опросник личностных ценностей, KVS-2. Полученные результаты свидетельствуют о том, что люди,

пережившие трансцендентный опыт, характеризуются такими личностными чертами, как ответственность, открытость новому, стремлением к самоактуализации, преимущественно интернальным локусом контроля, высоким уровнем самооффективности и гармоничным развитием личностных свойств. Также проведенная работа подтверждает гипотезу о значительном влиянии трансцендентного опыта на личностное развитие, способствуя позитивным изменениям в самооценке и системе жизненных ценностей. Комплексный подход и значительный размер выборки позволяют считать данное исследование важным вкладом в изучение механизмов адаптации и самоактуализации в условиях переживания трансцендентного опыта. Полученные результаты вносят значительный вклад в понимание взаимосвязи между трансцендентным опытом и изменениями личностных особенностей. Выявленные тенденции позволяют предположить, что трансцендентный опыт может выступать в роли фактора, способствующего адаптивной перестройке личности, изменяя как когнитивные и эмоциональные аспекты, так и систему жизненных ценностей. Это открывает перспективы для дальнейшего изучения роли таких переживаний в процессах саморегуляции и личностного роста.

Ключевые слова:

трансцендентный опыт, личностные особенности, личностные характеристики, особенности личности, изменение самооффективности, удовлетворённость жизнью, локус контроля, личностные ценности, эмпирическое исследование, ценности

Трансцендентный опыт определяется как феномен, характеризующийся переходом от обычного состояния сознания к изменённому, при котором наблюдается субъективное ощущение связи с окружающей действительностью и переживание благоговения [2]. Данный феномен может индуцироваться посредством воздействия психоактивных веществ, а также через практики, связанные с духовностью, магией и оккультизмом [8]. Аналогичные состояния выявляются при взаимодействии с природными стимулами, в результате медитативных практик и в условиях, ассоциированных с околосмертными переживаниями.

Этимологически термин «трансцендентальный» происходит от латинского слова «transcendere», что означает «выходить за рамки» [8]. В контексте настоящего исследования данный термин обозначает кратковременное, аномальное и откровенное состояние, в ходе которого наблюдается снижение идентификации с эгоцентричными проблемами и формирование ощущения единства с целостной, превосходящей индивидуальные особенности системой.

В исследованиях рассмотрены теоретические аспекты трансцендентного опыта и его влияния на личность [3]. Установлено, что, несмотря на обширное количество публикаций, посвященных описанию самого явления трансцендентного опыта, мало внимания уделяется анализу изменений личностных характеристик после таких переживаний [5]. Исходя из этого, предпринимается попытка глубже изучить и систематизировать личностные особенности людей, переживших трансцендентный опыт.

Эти личностные особенности могут играть важную роль как в процессе переживания трансцендентного опыта, так и в его последствиях. В частности, они могут влиять на способность индивида к адаптации и интеграции после возвращения из трансцендентного состояния. Однако, несмотря на потенциальное значение этого

вопроса, он до сих пор остается мало изученным. В свете этого данное исследование предлагает не только заполнить пробел в научной литературе, но и внести важный вклад в понимание личностных особенностей, связанных с переживанием трансцендентного опыта.

Основываясь на выявленных в прошлых исследованиях характеристиках и признаках личности, которые могут серьезно изменяться в результате трансцендентных переживаний, настоящая статья направлена на исследование следующих аспектов [\[3-5\]](#):

1. Какие личностные характеристики наиболее подвержены изменениям в результате трансцендентного опыта?

2. В каком направлении происходят эти изменения и как они влияют на дальнейшую жизнь индивида?

Для ответа на поставленные исследовательские вопросы использовался комплексный подход, включающий теоретический анализ литературы, планирование и проведение эмпирического исследования, применение аппарата математической статистики - t -критерия Стьюдента и анализа распределения значений. Это позволило нам не только углубить понимание уже известных фактов, но и выявить новые закономерности и тенденции в изменении личностных особенностей после переживания трансцендентного состояния. Продолжая анализ, начатый в предыдущих наших публикациях, в данной статье будет осуществлено более детальное изучение влияния трансцендентного опыта на личностные характеристики, используя данные, полученные от группы испытуемых, которые пережили подобные состояния. Это исследование позволит не только проверить ранее сформулированные гипотезы, но и сформулировать новые на основе полученных результатов.

Объектом исследования являются личностные особенности людей, испытавших и не испытавших трансцендентный опыт, а предметом – различия в личностных особенностях между людьми, испытавшими и не испытавшими трансцендентный опыт.

Цель нашей работы заключалась в том, чтобы провести сравнительный анализ личностных особенностей людей, испытавших и не испытавших трансцендентный опыт.

На основе результатов наших предыдущих исследований было установлено, что наиболее релевантными личностными показателями людей, переживших трансцендентный опыт, являются: самооффективность, удовлетворенность жизнью, открытость новому опыту, экстраверсия, интернальность, личностные ценности (здоровье, свобода, гармоничность жизни). В основу данного исследования положена гипотеза о том, что трансцендентный опыт оказывает значительное влияние на описанные выше личностные характеристики.

Обоснование параметров выборки и диагностических средств:

В рамках данного исследования мы ставим перед собой следующую задачу — изучить, какие личностные характеристики отличаются между людьми, испытавшими и не испытавшими трансцендентный опыт. Однако, поскольку такой опыт является неожиданным и непредсказуемым, невозможно точно предсказать, когда и в каких условиях он может быть получен. Поэтому в нашей работе применяется ретроспективный подход, основанный на предположении, что группы испытуемых (с опытом и без опыта) не имели значимых систематических различий, которые могли бы существенно исказить результаты анализа.

Таким образом, общая эмпирическая база исследования составила 600 человек. Это позволяет провести достаточно репрезентативный сравнительный анализ различий в личностных особенностях людей, имевших и не имевших трансцендентный опыт, однако не исключает влияния дополнительных факторов, которые могли оказать влияние на результаты исследования.

Эмпирическая база исследования. Изначально в исследовании принимали участие люди, пережившие трансцендентный опыт. После предварительной оценки размер выборки был сокращен до общего числа 300 человек. Эта группа была разнообразной по возрасту и полу, включая 165 женщин и 135 мужчин, в возрасте от 18 до 78 лет.

Для дальнейшего исследования была собрана выборка испытуемых, которые не имели трансцендентного опыта. Данная выборка также составила 300 человек и в нее вошло 189 женщин и 111 мужчин, в возрасте от 18 до 54 лет.

Методы исследования. Для проверки гипотезы на полученных данных можно использовать метод частотного анализа применительно к значению каждого признака. Тогда, если частотное распределение значения признака у людей, переживших трансцендентный опыт будет существенно отличаться от частотного распределения значений этого же признака у людей, не переживших трансцендентного опыта, то значения данного признака будут являться характерной личностной особенностью социальной группы людей, имеющих трансцендентный опыт. Тогда все признаки мы разделяем на те, которые составляют личностные особенности людей, переживших трансцендентный опыт и условно общие.

Для проведения исследования были выбраны следующие методики:

1. Шкала общей самооценки (General Self-Efficacy Scale, GSE), Авторы: Р. Шварцер, М. Иерусалим (1981, 1992) Адаптация: В. Г. Ромек (1996) [\[9\]](#).
2. Шкала удовлетворенности жизнью (Satisfaction With Life Scale, SWLS) Автор: Э. Динер и др. (1985) Адаптация: Е. Н. Осин, Д. А. Леонтьев (2004) [\[7\]](#).
3. Опросник большой пятерки (BFI-2-S). Авторы: О. Джон, К. Сото (2017) Адаптация: С. А. Щебетенко, А. Ю. Калугин и др. (2022) [\[10\]](#).
4. Опросник уровень субъективного контроля (УСК). Авторы: Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, А. М. Эткинд (1984) [\[1\]](#).
5. Опросник личностных ценностей, KVS-2. Автор: Д.В. Каширский (2009) [\[6\]](#).

Эти методики были тщательно отобраны с целью получения более полного и глубокого анализа личностных особенностей после пережитого трансцендентного опыта. Каждая из этих методик обладает высокой степенью надежности и валидности и позволяет детально рассмотреть изменения в личности, которые, как предполагается, могут быть вызваны переживанием трансцендентного опыта.

Результаты

Проведенное эмпирическое исследование позволило получить следующие результаты.

В результате нами были получены следующие данные.

Методика «Шкала общей самооценки»

Таблица 1

Результаты динамики распределения значений признаков по методике "шкала общей самооффективности (General Self-Efficacy Scale, GSE)" (кол-во/чел.)

GSE	Испытавшие трансцендентный опыт			Не испытавшие трансцендентный опыт		
	Низкие значения	Средние значения	Высокие значения	Низкие значения	Средние значения	Высокие значения
Шкала общей самооффективности	212	45	43	89	199	12

Значимые различия на уровне $p < 0,05$, а $t = 15,2$. По шкале общей самооффективности (GSE) среди участников, которые испытали трансцендентный опыт и не испытали его, демонстрирует существенные различия в уровнях самооффективности между двумя группами.

В таблице 1 в группе людей, переживших трансцендентный опыт, 212 участников показали низкие результаты, что составляет значительную часть выборки. В то же время в группе без подобного опыта только 89 человек продемонстрировали аналогичные результаты. Это различие может свидетельствовать о том, что трансцендентный опыт приводит к снижению уверенности в своих силах и способности контролировать ситуацию и достигать успеха. Это проявляется в более низких показателях самооффективности.

Также стоит отметить, что у людей, не имевших трансцендентного опыта, значения признаков находятся в среднем диапазоне. Например, средние показатели самооффективности были выявлены у 45 участников, имевших трансцендентный опыт, и у 199 участников, не испытавших его. Этот разброс данных свидетельствует о том, что люди без трансцендентного опыта чаще всего находятся на среднем уровне самооффективности. Это означает, что их восприятие собственной эффективности более стабильно и не претерпевает значительных изменений, как это происходит после переживания трансцендентного опыта.

Полученные результаты дают основания предполагать, что трансцендентный опыт может оказывать влияние на личность, снижая общий показатель самооффективности.

Методика «Шкала удовлетворенности жизнью»

По результатам проведенной диагностики были получены следующие результаты

Таблица 2

Результаты динамики распределения значений признаков по методике "шкала удовлетворенности жизнью (Satisfaction With Life Scale, SWLS)" (кол-во/чел.)

SWLS	Испытавшие трансцендентный опыт			Не испытавшие трансцендентный опыт		
	Низкие значения	Средние значения	Высокие значения	Низкие значения	Средние значения	Высокие значения
Шкала общей самооффективности	60	183	57	126	164	10

Значимые различия на уровне $p < 0,05$, а $t = 11,8$. Анализ распределения значений по шкале удовлетворенности жизнью (SWLS) среди участников, переживших и не

переживших трансцендентный опыт, показывает, что эти две группы значительно различаются по уровню удовлетворенности жизнью.

Согласно данным таблицы 2 в группе, испытавшей трансцендентный опыт, 60 участников имеют низкий уровень удовлетворённости жизнью. В группе без такого опыта таких участников больше — 126 человек. Это различие может указывать на то, что трансцендентный опыт способен снижать неудовлетворённость жизнью или изменять восприятие негативных аспектов. В результате меньшее количество участников, прошедших через такой опыт, оценивают свою удовлетворённость жизнью на низком уровне.

По остальным шкалам также наблюдается прирост показателей. По средним значениям мы видим, что по сравнению с группой не испытавшей трансцендентный опыт, в группе испытавших его на 19 человек больше находится в данном диапазоне. Высокие значения тоже отражают большее количество респондентов в группе людей, переживших трансцендентный опыт, на 47 больше.

Результаты исследования показывают, что трансцендентный опыт может оказывать благотворное воздействие на уровень удовлетворённости жизнью. В группе, пережившей трансцендентный опыт, наблюдается снижение количества участников с низким уровнем удовлетворённости и значительное увеличение числа тех, кто испытывает высокий уровень счастья. Это позволяет предположить, что такой опыт способен изменить восприятие жизни, способствуя более позитивной оценке её качества.

Методика «Опросник большой пятерки»

По результатам проведенной диагностики были получены следующие результаты

Таблица 3

Результаты динамики распределения значений признаков по методике "опросник большой пятерки (BFI-2-S)" (кол-во/чел.)

BFI-2-S	Испытавшие трансцендентный опыт			Не испытавшие трансцендентный опыт		
	Низкие значения	Средние значения	Высокие значения	Низкие значения	Средние значения	Высокие значения
Экстрверсия	35	165	100	243	22	35
Доброжелательность	29	162	109	245	41	14
Добросовестность	16	232	61	204	74	22
Негативная эмоциональность	16	223	61	240	27	33
Открытость опыту	34	182	84	245	15	40
Общительность	21	240	39	12	235	53
Настойчивость	27	233	40	18	239	43
Энергичность	14	235	51	4	243	53
-	7	248	45	10	222	68

Сочувствие						
Уважительность	13	234	53	12	220	68
Доверие	35	217	48	5	244	51
Организованность	31	233	36	14	239	47
Продуктивность	15	229	56	17	241	42
Ответственность	14	232	54	15	241	44
Тревожность	50	222	28	23	256	21
Депрессивность	40	231	29	11	249	40
Эмоциональная изменчивость	44	214	42	40	245	15
Любознательность	35	211	54	19	229	52
Эстетичность	35	221	44	35	228	37
Творческое воображение	9	229	62	12	236	52

Анализ значений по шкале экстраверсия (BFI-2-S) среди участников, которые испытали трансцендентный опыт и не испытали его, демонстрирует существенные различия между двумя группами. Рассмотрим только те шкалы, которые имеют различия на уровне $p < 0,05$ Т-критерия Стьюдента, из основных шкал к ним относятся экстраверсия ($t=3,9$); доброжелательность ($t=6,8$); негативная эмоциональность ($t=2,7$). В аспектах личности шкалы в зоне значимости: общительность ($t=4,3$); энергичность ($t=2,1$); сочувствие ($t=2,9$); уважительность ($t=4,8$); доверие ($t=4,8$); организованность ($t=3,1$); депрессивность ($t=4,9$).

Согласно результатам, отраженным в таблице 3, в группе, испытавшей трансцендентный опыт, только 35 человек показали низкие результаты по шкале экстраверсии. Это значительно меньше, чем в группе без подобного опыта, где низкие результаты продемонстрировали 243 человека. Средние значения также выше в группе людей, испытавших трансцендентный опыт 165 против 22 у людей, не испытавших его. В группе с трансцендентным опытом 100 человек показали высокие результаты по шкале экстраверсии, тогда как в группе без такого опыта их было всего 35.

Эти различия могут свидетельствовать о том, что трансцендентный опыт способствует повышению экстраверсии у значительной части участников. Это проявляется в стремлении к социальному взаимодействию и активности среди тех, кто испытал подобный опыт.

Низкие значения по шкале доброжелательности (BFI-2-S) наблюдаются у 29 участников с трансцендентным опытом, по сравнению с 245 участниками в группе без такого опыта. Средние значения также выше в группе людей, испытавших трансцендентный опыт 162 против 41 у людей не испытавших его. В группе участников, которые пережили трансцендентный опыт, высокие показатели доброжелательности были отмечены у 109 человек. В то же время в группе, где такой опыт не был получен, высокие результаты были выявлены только у 14 участников.

Этот результат может указывать на то, что трансцендентный опыт способствует

повышению доброжелательности у значительной части участников. Это проявляется в более выраженной готовности поддерживать и заботиться о других.

Низкие значения по шкале негативной эмоциональности (BFI-2-S) продемонстрировали 16 участников с трансцендентным опытом, в то время как в группе без такого опыта — 240 участников. Средние значения также выше в группе людей, испытавших трансцендентный опыт 223 против 27 у людей, не испытавших его. В группе участников, которые пережили трансцендентный опыт, высокие показатели доброжелательности были отмечены у 61 человек. В то же время в группе, где такой опыт не был получен, высокие результаты были выявлены только у 33 участников.

Это различие может свидетельствовать о более высокой устойчивости к негативным эмоциям у участников с трансцендентным опытом, в то время как те, кто не испытывал такого опыта, демонстрируют более широкий диапазон реакций, с более выраженными проявлениями эмоциональной изменчивости.

Перейдем к аспектам шкал. Анализ распределения значений по шкалам общительности, энергичности, сочувствия, уважения, доверия, организованности и депрессивности среди участников, которые испытали трансцендентный опыт, и тех, кто его не испытывал, показывает не такие существенные различия между этими двумя группами. В связи с чем рассматривать отдельно их не будем.

Результаты исследования показали, что трансцендентный опыт оказывает значительное влияние на формирование некоторых личностных качеств. Участники, пережившие трансцендентный опыт, проявляют большую экстраверсию и доброжелательность, что может указывать на усиление их стремления к социальному взаимодействию и заботе о других. Кроме того, в этой группе отмечается меньшая выраженность негативных эмоций.

Методика «Опросник уровня субъективного контроля»

По результатам проведенной диагностики были получены следующие результаты

Таблица 4

Результаты динамики распределение значений признаков по методике " опросник уровень субъективного контроля (УСК)" (кол-во/чел.)

УСК	Испытавшие трансцендентный опыт		Не испытывавшие трансцендентный опыт	
	экстернальность	интернальность	экстернальность	интернальность
Ио	261	39	270	30
Ид	190	110	175	125
Ин	233	67	275	25
Ис	173	127	199	101
Ип	257	43	224	76
Им	162	138	187	113
Из	164	136	192	108

Отметим, что при сравнении значимых различий почти все шкалы имеют значимые различия на уровне $p < 0,05$, а именно: общая шкала интернальности ($t=6,2$); интернальность в области достижений ($t=3,2$); интернальность в области неудач ($t=3,9$); интернальность в области производственных отношений ($t=7,9$); интернальность в

области межличностных отношений ($t=4,6$); интернальность в отношении здоровья и болезни ($t=3,3$).

В таблице 4 мы видим, что сильных различий между чертами личности испытывавшей и не испытывавшей трансцендентный опыт по шкалам экстернальность и интернальность не наблюдается. Мы видим, что показатели интернальности незначительно выше в шкалах достижений (39 в группе с трансцендентным опытом против 30 без него). А также чуть более выражена интернальность в области неудач (67 в группе с трансцендентным опытом против 25 без него) и семейных отношений (127 в группе с трансцендентным опытом против 101 без него). Отдельно выделим, что интернальность межличностных отношений выше в группе людей, испытывавших трансцендентный опыт (138 в группе с трансцендентным опытом против 113 без него) и отношении здоровья (136 в группе с трансцендентным опытом против 100 без него).

Проведённый анализ продемонстрировал, что трансцендентный опыт существенно влияет на восприятие ответственности за различные аспекты жизни. Участники, испытывавшие этот опыт, чаще демонстрируют внутренний локус контроля в таких областях, как достижения, неудачи, семейные и межличностные отношения, а также здоровье. Это свидетельствует о том, что они становятся более осознанными и ответственными за происходящее в своей жизни, что может быть результатом влияния трансцендентного опыта.

Методика «Опросник личностных ценностей»

Таблица 5

Результаты динамики распределения значений признаков по методике " опросник личностных ценностей, KVS-2": часть 1 значимость жизненных сфер (кол-во/чел.)

Kvs-2 значи- мость	Испытавшие трансцендентный опыт					Не испытывавшие трансцендентный опыт			
	Полная проти- вополож-ность	Не зна- чимо	Важ- но	Очень важно	В высшей степени важно	Полная проти- вополож- ность	Не зна- чимо	Важ- но	Очень важно
Здоровье	13	35	185	46	21	6	14	207	22
Общение	33	29	168	35	35	2	12	224	43
Статус	35	53	156	28	28	15	22	207	31
Семья	24	31	168	37	40	19	27	206	34
Актив-ность	33	27	175	33	32	26	14	215	23
Познание нового	21	26	156	54	43	38	50	146	36
Помощь	26	37	178	35	24	24	33	188	30
Материаль- ное	23	25	183	33	36	45	28	169	34
Образова- ние	12	43	182	32	31	42	51	147	41
Вера	36	33	159	28	44	34	42	171	42
Отдых	23	31	187	33	26	19	28	205	31
Само-									

реализация	5	13	171	44	67	21	27	173	43
Эстетика	18	35	195	39	13	15	37	205	32
Любовь	27	44	168	38	23	32	41	157	44
Признание	32	33	167	38	30	35	30	168	41
Работа	27	35	153	44	41	15	42	175	46
Свобода	19	40	152	44	45	21	22	158	43
Гармония	25	35	156	38	46	19	13	132	57
Стабильность	11	22	197	36	34	24	31	133	51
Творчество	17	32	172	35	44	30	61	154	21
Друзья	15	34	171	40	40	34	21	103	66
Время	26	33	160	39	42	31	39	183	30
Ответственность	31	45	147	49	28	26	36	183	34
Справедливость	13	33	167	37	50	28	38	174	37
Патриотизм	37	35	180	22	26	45	36	195	14

Анализ значимости жизненных сфер в зависимости от опыта будет проводиться только по тем шкалам, которые имеют значимые различия на уровне $p < 0,05$. По значимости жизненных сфер таких шкал большинство, перечислим их: здоровье ($t=4,6$); общение ($t=3,3$); высокий социальный статус ($t=4,3$); семья ($t=3,6$); активность для позитивных изменений в обществе ($t=2,9$); познание нового ($t=3,5$); высокое материальное благосостояние ($t=2,7$); высокое образование ($t=2,4$); вера в Бога ($t=2,8$); полная самореализация ($t=5,5$); интересная работа ($t=4,5$); свобода ($t=4,7$); гармоничная жизнь ($t=11,2$); стабильность и порядок ($t=6,6$); наличие хороших и верных друзей ($t=11,4$); время ($t=3,8$); справедливость ($t=5,1$); патриотизм и любовь к Родине ($t=4$).

Продemonстрированное в таблице 5 изучение распределения значений по шкале значимости различных жизненных сфер среди участников, которые испытали и не испытали трансцендентный опыт, позволяет выявить различия в их приоритетах и значимости.

1. Здоровье. В группе с трансцендентным опытом 185 участников отметили здоровье как важную сферу, 46 — как очень важную, а 21 — как в высшей степени важную. В группе без опыта значимость этой сферы также высока: 207 участников считают её важной, 22 — очень важной, и 51 — высшей степени важной. Эти данные могут указывать на то, что участники, не испытавшие трансцендентного опыта, более склонны придавать высшую значимость здоровью, что отражает их более стабильные ориентиры на физическое благополучие.

2. Общение. Среди участников с трансцендентным опытом общение занимает важное место: 168 человек отметили его как важное, 35 — как очень важное, и 35 — как высшей степени важное. В группе без трансцендентного опыта общение также высоко значимо, но акцент смещён на важные и очень важные значения (224 и 43 соответственно). Этот результат свидетельствует о том, что общение приобретает большее значение как жизненная ценность для участников с трансцендентным опытом, что может отражать их стремление к более глубоким межличностным связям.

3. Высокий социальный статус. Отметим, что 156 участников с трансцендентным опытом оценили статус как важный, 28 — как очень важный, и 28 — как высшей степени важный. В группе без трансцендентного опыта на высших уровнях значимости было меньше участников: 207 считают его важным, 31 — очень важным, и 25 — высшей степени важным. Это указывает на то, что участники без трансцендентного опыта имеют более выраженные ориентиры на статусные ценности, что может свидетельствовать о фокусе на социальные достижения и положение в обществе.

4. Семья. В группе с трансцендентным опытом 168 человек считают семью важной, 37 — очень важной, и 40 — высшей степени важной. В группе без такого опыта, напротив, меньшее число участников отметили семью как высшей степени важную 14. Эти данные могут свидетельствовать о том, что после трансцендентного опыта участники склонны придавать высшую значимость семейным ценностям, возможно, из-за переосмысления семейных отношений и роли близких.

5. Активность для позитивных изменений в обществе. В группе участников с трансцендентным опытом 175 человек отметили важность активности, 33 — как очень важную, и 32 — как чрезвычайно важную. В группе без трансцендентного опыта 215 участников также указали на значимость активности, из них 23 — как очень важную, а 22 — как чрезвычайно важную. Эти результаты могут свидетельствовать о том, что для группы без трансцендентного опыта участие в общественной жизни имеет несколько большее значение, чем для группы с трансцендентным опытом, что, возможно, отражает более сильную социальную ориентацию.

6. Познание нового. Среди участников с трансцендентным опытом 156 оценили это как важное, 54 — как очень важное, и 43 — как высшей степени важное. В группе без опыта значительно меньше участников отметили данную сферу как очень важную. Тенденция к высокому значению познания нового указывает на усиление стремления к саморазвитию и новым открытиям среди участников, испытавших трансцендентный опыт.

7. Высокое материальное благосостояние. Среди участников с трансцендентным опытом 183 человека оценили материальное благосостояние как важное, 33 — как очень важное, и 36 — как чрезвычайно важное. В группе без трансцендентного опыта 169 участников также указали на значимость этой сферы, из них 34 — как очень важную, а 24 — как чрезвычайно важную. Данные свидетельствуют о том, что высокое материальное благосостояние воспринимается как значимая ценность у участников независимо от наличия трансцендентного опыта. Несмотря на схожесть общего отношения к материальному благосостоянию, несколько более высокий процент участников с трансцендентным опытом, отдающих данной сфере оценку «чрезвычайно важное», может указывать на тенденцию к более выраженной потребности в материальной стабильности или безопасности у этой категории.

8. Высокое образование. В группе с трансцендентным опытом 182 участника отметили образование как важное, 32 — как очень важное, и 31 — как чрезвычайно важное. В группе без трансцендентного опыта 147 участников также считают образование важным, из них 41 — как очень важное, а 19 — как чрезвычайно важное. Данные указывают на то, что образование приобретает большую значимость среди участников с трансцендентным опытом, возможно, в связи с их повышенной ориентацией на самопознание и личностный рост.

9. Вера в Бога. В группе с трансцендентным опытом 159 участников оценили веру как важную, 28 — как очень важную, и 44 — как чрезвычайно важную. В группе без

трансцендентного опыта 171 человек также считают веру важной, из них 42 — как очень важную, а 11 — как чрезвычайно важную. Это различие может указывать на то, что вера приобретает большее значение для участников с трансцендентным опытом, что может отражать их стремление к духовности и поиску смысла после пережитого опыта.

10. Полная самореализация. В группе с трансцендентным опытом 171 участников считают самореализацию важной, 44 — очень важной, и 67 — высшей степени важной. В группе без такого опыта число участников с высшей значимостью самореализации меньше 36. Это различие может свидетельствовать о сильном акценте на личные достижения и раскрытие потенциала после переживания трансцендентного опыта.

11. Интересная работа. В группе с трансцендентным опытом 153 участника считают работу важной и 41 — высшей степени важной. В группе без опыта трансцендентного опыта значение интересной работы несколько более велико, а именно по показателю «важно» здесь 175 респондентов, однако всего 22 участника в данной группе, оценили её как высшей степени важную. Эти данные показывают, что для обеих групп интересная работа остаётся значимой, однако для группы без трансцендентного опыта данная ценность данной жизненной сферы выражена менее сильно.

12. Свобода. В группе с трансцендентным опытом 152 участника считают свободу важной, 44 — очень важной, и 45 — высшей степени важной. В группе без опыта трансцендентного опыта значение свободы также велико, 158 считают её важной, 43 — очень важной, а 56 участников, оценившими её как высшей степени важную. Анализ данных свидетельствует о том, что свобода воспринимается как значимая ценность как участниками с трансцендентным опытом, так и без него. Сравнительно небольшие различия между группами указывают на то, что наличие трансцендентного опыта не оказывает существенного влияния на оценку свободы как жизненно важной ценности.

13. Гармоничная жизнь. Среди участников с трансцендентным опытом 156 отметили гармонию как важную, 38 — как очень важную, и 46 — как чрезвычайно важную. В группе без трансцендентного опыта 132 участника также считают гармонию важной, из них 57 — как очень важную, а 79 — как чрезвычайно важную. Данный результат может свидетельствовать о том, что участники без трансцендентного опыта склонны уделять больше внимания гармонии в жизни, возможно, стремясь к балансу между различными жизненными сферами.

14. Стабильность и порядок. Мы видим, что 197 участников с трансцендентным опытом считают стабильность важной, 36 — очень важной, и 34 — высшей степени важной. В группе без опыта значимость стабильности выше, с 61 участниками, отметившими её как высшей степени важную. Это может свидетельствовать о том, что группа без трансцендентного опыта придаёт большее значение стабильности, что может говорить о стремлении к безопасности и упорядоченности.

15. Наличие хороших и верных друзей. Респонденты из группы с трансцендентным опытом реже выбирают эту жизненную сферу как абсолютно не значимую 15 против 21 в другой группе. Однако, также они реже выбирают её как в высшей степени значимую 40 против 76 в группе без трансцендентного опыта. Если суммировать все результаты по значимости, то в группе с трансцендентным опытом получится 251 респондентов для кого данная шкала находится в диапазоне от значимо до в высшей степени значимо, а в группе без трансцендентного опыта 245. Несмотря на смещение крайних оценок, общая значимость наличия хороших и верных друзей остаётся сопоставимой в обеих группах. Эти результаты предполагают, что трансцендентный опыт может влиять на интенсивность

оценок отдельных жизненных сфер, не изменяя при этом их общий статус в системе ценностей субъекта.

16. Время. Ценность правильного использования времени также выше у группы людей с трансцендентным опытом, а именно 241 респондент из группы людей с трансцендентным опытом оценил эту жизненную сферу по шкале от значимо до в высшей степени значимо, в то время как в группе людей без трансцендентного опыта таких респондентов меньше, а именно 230 человек.

17. Справедливость. Среди участников с трансцендентным опытом 167 оценили справедливость как важную, 37 — как очень важную, и 50 — как высшей степени важную. В группе без опыта меньшее число участников оценили эту сферу на высшем уровне значимости. Повышенная значимость справедливости указывает на ориентацию группы с трансцендентным опытом на ценности социальной ответственности и честности.

18. Патриотизм и любовь к Родине. Среди участников с трансцендентным опытом 180 отметили патриотизм как важный, 22 — как очень важный, и 26 — как чрезвычайно важный. В группе без трансцендентного опыта 195 участников также указали на его значимость, из них 14 — как очень важный, а 10 — как чрезвычайно важный. Эти различия указывают на то, что наличие трансцендентного опыта может быть связано с более интенсивной эмоциональной и ценностной оценкой патриотических установок.

Анализ показывает, что трансцендентный опыт оказывает влияние на приоритеты и значимость различных жизненных сфер. Участники, испытывавшие трансцендентный опыт, больше акцентируют внимание на самореализации, познании нового, свободе и справедливости, тогда как группа без такого опыта ориентирована на социальные и семейные ценности, стабильность и здоровье.

Таблица 6

Результаты динамики распределения значений признаков по методике "опросник личностных ценностей, KVS-2": часть 2 достижения и самореализация в жизненных сферах (кол-во/чел.)

Kvs-2 реализа- ция	Испытавшие трансцендентный опыт					Не испытывавшие трансцендентный			
	Отри- цатель- ные результаты	Ниче- го не достиг- ли	Есть дости- жения	Само- реали- зова- лись	В выс- шей само- реали- зовались	Отри- цатель- ные результаты	Ниче- го не достиг- ли	Есть дости- жения	Само- реали- зова- лись
Здоровье	13	37	199	35	16	18	32	203	30
Общение	25	38	174	41	22	19	45	169	46
Статус	31	52	165	26	26	37	40	187	27
Семья	26	38	186	30	20	9	35	202	42
Актив- ность	31	40	157	37	35	21	39	179	44
Познание нового	12	34	179	42	33	45	48	134	41
Помощь	25	38	171	41	25	23	34	197	29
Матери-	43	52	158	16	31	17	25	213	22

альное	6	27	200	39	28	28	48	166	43
Образование	6	27	200	39	28	28	48	166	43
Вера	45	31	156	41	27	38	49	147	43
Отдых	32	35	167	30	36	34	59	123	47
Самореализация	19	35	176	37	33	20	43	184	32
Эстетика	12	43	171	39	35	14	38	198	34
Любовь	27	30	177	37	29	28	23	196	27
Признание	21	27	191	32	29	24	27	201	25
Работа	12	37	194	41	16	18	40	183	44
Свобода	22	34	183	26	35	36	14	188	34
Гармония	19	35	183	34	29	26	42	154	47
Стабильность	28	33	184	33	22	12	19	226	21
Творчество	37	33	180	27	23	20	34	200	21
Друзья	14	35	189	34	28	24	36	174	37
Время	11	35	205	26	23	24	40	182	35
Ответственность	24	31	179	35	31	14	31	206	33
Справедливость	17	34	197	36	16	29	41	178	32
Патриотизм	33	35	158	37	37	30	41	156	39

В таблице 6 представлены значения по второй части методики «опросник личностных ценностей». Анализ распределения значений по шкале достижения и самореализации жизненных сфер среди участников, которые испытали и не испытали трансцендентный опыт, позволяет выявить значительные различия в их успехах по различным жизненным ценностям. Анализ значимости жизненных сфер в зависимости от опыта будет проводиться только по тем шкалам, которые имеют значимые различия на уровне $p < 0,05$. По достижениям и самореализации в жизненных сферах, количество значимых шкал не меньше, перечислим их: высокий социальный статус ($t=3$); познание нового ($t=4,6$); высокое материальное благосостояние ($t=4,8$); высокое образование ($t=2,4$); вера в Бога ($t=4,7$); приятное время препровождение ($t=3,3$); полная самореализация ($t=4,7$); поиск прекрасного ($t=8,7$); любовь ($t=3,7$); признание и уважение людей ($t=6,3$); свобода ($t=5,4$); стабильность и порядок ($t=6$); творчество ($t=4,6$); наличие хороших и верных друзей ($t=10,1$); время ($t=5$); ответственность ($t=3,6$); справедливость ($t=8,6$); патриотизм и любовь к Родине ($t=2,5$).

1. Высокий социальный статус. В группе с трансцендентным опытом 165 человек отметили свои достижения в этой области, 26 из них считают, что полностью самореализовались, а еще 26 — что достигли высшей степени самореализации. В группе без трансцендентного опыта успехи в этой сфере более значительны: 187 человек достигли высоких результатов, но только 9 ощущают высшую степень самореализации. Это может указывать на то, что участники без трансцендентного опыта более ориентированы на социальные достижения и статус, в то время как группа с

трансцендентным опытом, вероятно, менее сосредоточена на внешних атрибутах.

2. Познание нового. Участники с трансцендентным опытом чаще отмечали высокий уровень достижений и самореализации в сфере познания нового: 179 человек достигли успеха, а 75 — высшей степени самореализации. В группе без трансцендентного опыта показатели ниже: только 134 человека достигли значительных результатов, а 32 — высшей самореализации. Эти данные свидетельствуют о том, что трансцендентный опыт способствует большему стремлению к познанию нового и открытию истины, развивая у участников интерес к исследовательской деятельности и саморазвитию.

3. Высокое материальное благосостояние. В группе с трансцендентным опытом только 158 человек отметили свои достижения в материальном благосостоянии, и лишь 16 достигли высшей степени самореализации. В группе без трансцендентного опыта показатели выше: 213 человек достигли успехов в этой области, и 23 отметили высшую самореализацию. Эти данные могут указывать на то, что наличие трансцендентного опыта ассоциируется с меньшей ориентацией на материальные достижения или с иным распределением ценностных приоритетов.

4. Высокое образование. В группе с трансцендентным опытом 200 участников отметили достижения в области образования, а 28 достигли высшей степени самореализации, что значительно превышает показатели группы без опыта трансцендентности, где только 166 человек достигли значительных результатов, и лишь 15 — высшей самореализации. Это может говорить о том, что трансцендентный опыт усиливает значимость образования и стремление к получению знаний как формы самореализации.

5. Вера в Бога. Среди участников с трансцендентным опытом 156 человек отметили достижения в этой сфере, а 41 — высшую степень самореализации, что выше, чем в группе без трансцендентного опыта, где только 147 человек достигли значительных результатов, а 23 — высшей самореализации. Эти результаты могут свидетельствовать о том, что трансцендентный опыт усиливает значимость духовных ценностей, побуждая участников глубже реализовываться в религиозной или духовной практике.

6. Приятное времяпрепровождение. В группе, где участники имели трансцендентный опыт, 167 человек отметили, что достигли успехов в сфере приятного времяпрепровождения, из них 30 достигли самореализации, а 36 — высшего уровня. В группе без трансцендентного опыта 123 человека также достигли успехов, но только 47 из них достигли самореализации на высшем уровне. Эти данные могут свидетельствовать о том, что участники без трансцендентного опыта больше ориентированы на полноценный отдых и расслабление, чем те, кто испытал трансцендентный опыт.

7. Полная самореализация. В группе с трансцендентным опытом 176 участников отметили свои достижения в области самореализации, из них 37 достигли самореализации, а 33 — высшего уровня. В группе без трансцендентного опыта 184 человека также достигли успехов, но лишь 32 из них отметили высшую самореализацию. Это указывает на то, что трансцендентный опыт усиливает стремление к полной самореализации, позволяя участникам глубже раскрыть свои внутренние цели и потенциал.

8. Поиск прекрасного. В группе с трансцендентным опытом 171 человек отметили свои достижения в области эстетики и поиска прекрасного, из них 39 достигли самореализации, а 35 — высшего уровня. В группе без трансцендентного опыта 198 человек также достигли успехов, однако лишь 16 из них достигли высшей самореализации. Это свидетельствует о том, что трансцендентный опыт способствует стремлению к эстетическим ценностям и поиску прекрасного, превращая их в

неотъемлемую часть личностного роста.

9. Любовь. Среди участников с трансцендентным опытом 177 человек отметили достижения в сфере любви, из них 37 достигли самореализации, а 29 — высшего уровня. В группе без трансцендентного опыта 196 человек также достигли успехов в этой области, но лишь 26 из них отметили высшую самореализацию. Это подчеркивает, что трансцендентный опыт усиливает ценность любви и личных отношений, делая их неотъемлемой частью жизненной самореализации.

10. Признание и уважение людей. В группе с трансцендентным опытом 191 участник отметил свои достижения в области признания и уважения, из них 32 достигли самореализации, а 29 — высшего уровня. В группе без трансцендентного опыта 201 человек также достигли успехов, однако лишь 23 из них отметили высшую самореализацию. Это может указывать на то, что трансцендентный опыт снижает ориентацию на внешнее признание и уважение, делая внутренние ценности более значимыми.

11. Свобода. В группе с трансцендентным опытом 183 участников отметили достижения в области свободы, а 35 считают, что достигли высшего уровня самореализации. В группе без трансцендентного опыта также много участников с высокими достижениями в этой сфере 188, но больше участников с высшей самореализацией 28. Данные могут указывать на то, что, хотя общий уровень достижения свободы в обеих группах схож, наличие трансцендентного опыта ассоциируется с более высокой степенью внутренней самореализации в данной сфере.

12. Стабильность и порядок. В группе с трансцендентным опытом 184 участников отметили свои достижения в области стабильности, из них 33 достигли самореализации, а 22 — высшего уровня. В группе без трансцендентного опыта 226 человек также достигли успехов, однако лишь 22 из них отметили высшую самореализацию. Это свидетельствует о большей ориентации на стабильность среди участников без трансцендентного опыта, у которых акцент на порядок и предсказуемость более выражен.

13. Творчество. Среди участников с трансцендентным опытом 180 человек отметили свои достижения в сфере творчества, из них 27 достигли самореализации, а 23 — высшего уровня. В группе без трансцендентного опыта 200 человек также достигли успехов в этой области, из них 25 отметили высшую самореализацию. Это позволяет предположить, что трансцендентный опыт делает творчество важной сферой самореализации, позволяя глубже реализовывать творческий потенциал.

14. Наличие хороших и верных друзей. Среди участников с трансцендентным опытом 189 человек отметили свои достижения в дружбе, из них 34 достигли самореализации, а 28 — высшего уровня. В группе без трансцендентного опыта 174 человека также достигли успехов в этой сфере, но лишь 17 из них отметили высшую самореализацию. Результаты могут свидетельствовать о том, что наличие трансцендентного опыта способствует более глубокому личностному росту и развитию в контексте межличностных отношений, что проявляется в более высоких показателях самореализации в сфере дружбы.

15. Время. В группе с трансцендентным опытом 205 участников отметили свои достижения во временной ориентации, из них 26 достигли самореализации, а 23 — высшего уровня. В группе без трансцендентного опыта 182 человека также достигли успехов, и 19 из них отметили высшую самореализацию. Это свидетельствует о том, что трансцендентный опыт развивает чувство времени и значимости каждого момента.

16. Ответственность. Среди участников с трансцендентным опытом 179 человек отметили свои достижения в области ответственности, из них 35 достигли самореализации, а 31 — высшего уровня. В группе без трансцендентного опыта 206 человек также достигли успехов, однако лишь 16 из них отметили высшую самореализацию. Это может указывать на то, что трансцендентный опыт делает ответственность более важной ценностью, где чувство ответственности становится внутренним аспектом самореализации.

17. Справедливость. Среди участников с трансцендентным опытом 197 отметили достижения в сфере справедливости, а 36 считают, что достигли высшего уровня самореализации. В группе без трансцендентного опыта меньше участников с такими достижениями — 178, и только 20 считают, что достигли высшей самореализации. Эти данные могут указывать на то, что трансцендентный опыт способствует развитию чувствительности к социальной справедливости и ответственности перед обществом.

18. Патриотизм и любовь к Родине. Среди участников с трансцендентным опытом 158 человек отметили свои достижения в патриотизме, из них 37 достигли самореализации, а 37 — высшего уровня. В группе без трансцендентного опыта 156 человек также достигли успехов, и 34 из них отметили высшую самореализацию. Это свидетельствует о том, что патриотизм и любовь к Родине значимы для обеих групп, однако для участников с трансцендентным опытом самореализация в этой сфере более ощущается в большей мере выраженной чем у респондентов не переживших данный опыт.

Анализ показывает, что трансцендентный опыт оказывает значительное влияние на восприятие достижений и самореализации в различных аспектах жизни. Участники, пережившие этот опыт, склонны уделять больше внимания таким сферам, как самореализация, творчество, вера и ответственность, что свидетельствует о смещении их ценностей в сторону внутреннего роста и духовного развития. В то же время группа без трансцендентного опыта более ориентирована на стабильность, время, материальные и социальные блага.

Обсуждение

Проведённое эмпирическое исследование выявило существенные различия в личностных характеристиках участников, переживших трансцендентный опыт, по сравнению с контрольной группой, не имеющей такого опыта. Полученные данные свидетельствуют о том, что трансцендентный опыт оказывает влияние как на базовые психологические параметры (самоэффективность, удовлетворённость жизнью), так и на структурные особенности личности (черты по модели «Большой пятёрки», локус контроля), а также на систему личностных ценностей.

Анализ результатов по шкале общей самоэффективности (GSE) показал, что участники, пережившие трансцендентный опыт, демонстрируют более низкие показатели самоэффективности ($t=15,2$), что может свидетельствовать о переосмыслении собственной значимости и возможностей после подобных переживаний. Возможно, этот эффект обусловлен временным снижением уверенности в личных ресурсах вследствие когнитивной реконфигурации, возникающей в результате изменения мировоззрения.

В то же время результаты по шкале удовлетворённости жизнью (SWLS) указывают на смещение распределения в сторону более высоких значений удовлетворённости у группы с трансцендентным опытом. Снижение количества респондентов с низким уровнем удовлетворённости и одновременное увеличение числа участников, демонстрирующих высокие показатели, позволяет предположить, что подобный опыт может способствовать позитивной переоценке жизненных обстоятельств и улучшению

субъективного качества жизни.

Результаты диагностики по методике BFI-2-S выявили, что участники, имевшие трансцендентный опыт, характеризуются повышенной экстраверсией и доброжелательностью, а также сниженной негативной эмоциональностью (значимые различия на уровне $p < 0,05$ по Т критерию: экстраверсия – 3,9; доброжелательность – 6,8; негативная эмоциональность – 2,7). Эти данные могут указывать на то, что трансцендентный опыт способствует развитию социальных адаптивных качеств, усиливая стремление к межличностному взаимодействию и одновременно снижая предрасположенность к негативным аффективным состояниям. Таким образом, подобное переживание может выступать в роли катализатора положительных изменений в эмоциональной и социальной сфере личности.

Анализ данных по опроснику уровня субъективного контроля (УСК) продемонстрировал, что участники с трансцендентным опытом склонны чаще демонстрировать интернальный локус контроля в различных жизненных областях (достижения, неудачи, межличностные и семейные отношения, здоровье). Значимые различия по ряду шкал (Т критерию варьируются от 3,2 до 7,9) свидетельствуют о том, что трансцендентный опыт может усиливать осознание личной ответственности за происходящие события. Такой сдвиг в атрибутивном стиле, вероятно, способствует более осознанной и адаптивной перестройке внутренней мотивационной структуры.

Результаты, полученные с использованием опросника личностных ценностей (KVS-2), позволяют предположить, что трансцендентный опыт сопровождается переоценкой жизненных приоритетов. В первой части методики наблюдаются различия в значимости таких жизненных сфер, как семья, общение, познание нового, образование и вера. Участники с трансцендентным опытом чаще придают высшую значимость семейным и духовным ценностям, тогда как участники без такого опыта больше ориентированы на статус, стабильность и порядок. Дополнительный анализ по шкалам достижения и самореализации подтверждает, что участники с трансцендентным опытом демонстрируют тенденцию к усиленной ориентации на внутреннюю самореализацию и эстетические ценности, что может свидетельствовать о глубокой внутренней трансформации, вызванной подобным переживанием.

Обобщая полученные данные, можно сделать вывод о том, что трансцендентный опыт оказывает многостороннее влияние на личностное развитие. С одной стороны, наблюдается снижение субъективной самооценки, что может быть обусловлено переоценкой личных ресурсов в контексте изменения мировоззрения. С другой стороны, повышение удовлетворённости жизнью, усиление экстраверсии и доброжелательности, а также смещение локуса контроля в сторону интернализации свидетельствуют о положительной адаптивной перестройке личности. Переосмысление личностных ценностей в пользу внутренне-ориентированных сфер дополнительно подтверждает гипотезу о значительном влиянии трансцендентного опыта на систему жизненных приоритетов.

Ограничения исследования и направления для будущих исследований.

Следует отметить, что методологический подход, основанный на ретроспективном сравнительном анализе, накладывает определённые ограничения на интерпретацию причинно-следственных связей. Влияние потенциальных посторонних переменных, а также различия в возрастных и демографических характеристиках выборок могут оказывать влияние на результаты. Поэтому дальнейшие исследования с использованием

продольных дизайнов и более комплексных методологических подходов необходимы для более детального выяснения механизмов воздействия трансцендентного опыта на личностное развитие.

Заключение

Полученные результаты вносят значительный вклад в понимание взаимосвязи между трансцендентным опытом и изменениями личностных особенностей. Выявленные тенденции позволяют предположить, что трансцендентный опыт может выступать в роли фактора, способствующего адаптивной перестройке личности, изменяя как когнитивные и эмоциональные аспекты, так и систему жизненных ценностей. Это открывает перспективы для дальнейшего изучения роли таких переживаний в процессах саморегуляции и личностного роста.

Библиография

1. Бодалеев А.А. Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы / редкол.: А.А. Бодалев [и др.]. М.: МГУ, 1988. 446 с.
2. Герасимова И.А., Иванов А.В., Фотиева И.В. Трансцендентный опыт: возможность пересечения теологического, философского и научного подходов // Культура и искусство. 2023. № 3. С. 9-24. DOI: 10.7256/2454-0625.2023.3.38068 EDN: COERDD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38068
3. Жукова А.А., Каширский Д.В. Стратегии совладания в связи с пережитым трансцендентным опытом: исследование копинг-поведения и личностных особенностей // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2024. Т. 23. № 2 (171). С. 24-32. DOI: 10.17922/2071-5323-2024-23-2-24-32. EDN: OZYRKO.
4. Жукова А.А. Методологические особенности исследования трансцендентного опыта // Сборник статей LIX международной научно-практической конференции. Москва: Научно-издательский центр "Актуальность.РФ", 2024. С. 119-122. EDN: INZKMW.
5. Жукова А.А. Актуальность и проблемы исследования трансцендентного опыта // Актуальные проблемы научных исследований. 2024. С. 61-64. EDN: SYGVJJ.
6. Каширский Д.В. Психология личностных ценностей: дисс. ... доктора психол. наук. М., 2014. 551 с. EDN: SHLLMZ.
7. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1 (155). С. 117-142. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06. EDN: FLYPFH.
8. Ремезова И.И. Трансценденция в пространстве культуры: о парадоксах человеческой природы // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2017. № 3-4 (30-31). С. 84-97. EDN: YODWVU.
9. Ромек В.Г., Шварцер Р., Ерусалем М. Русская версия шкалы общей самооценки Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 71-77. EDN: VLYGQL.
10. Мишкевич А.М. и др. Апробация краткой и сверхкраткой версий вопросника Big Five Inventory-2: BFI-2-S и BFI-2-XS // Психологический журнал. 2022. № 1. С. 95-108. DOI: 10.31857/S020595920017744-4. EDN: XVJIEK.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Сравнительный анализ личностных особенностей людей, испытавших и не испытавших трансцендентный опыт». Работа включает в себя постановку проблемы, обоснование параметров выборки и диагностических средств, анализ полученных результатов и их обсуждение. В завершении статьи представлены краткие выводы.

Предмет исследования. В качестве объекта исследования являются личностные особенности людей, испытавших и не испытавших трансцендентный опыт, а предмета – различия в личностных особенностях между людьми, испытавшими и не испытавшими трансцендентный опыт. Исследование нацелено на рассмотрение следующих аспектов: какие личностные характеристики наиболее подвержены изменениям в результате трансцендентного опыта, в каком направлении происходят эти изменения, как они влияют на дальнейшую жизнь индивида. В целом, предмет исследования автором был раскрыт в полной мере.

Методологическая основа исследования. В статье использовался комплексный подход, включающий теоретический анализ литературы, планирование и проведение эмпирического исследования, применение аппарата математической статистики - t-критерия Стьюдента и анализа распределения значений.

Актуальность исследования. Автором отмечается, что в исследованиях рассмотрены теоретические аспекты трансцендентного опыта и его влияния на личность. В то же время, несмотря на значительное количество публикаций, посвященных описанию самого явления трансцендентного опыта, недостаточно внимания уделяется анализу изменений личностных характеристик после таких переживаний. Исходя из этого, автором была предпринята попытка глубже изучить и систематизировать личностные особенности людей, переживших трансцендентный опыт.

Научная новизна исследования. Автором было показано, что трансцендентный опыт оказывает значительное влияние такие личностные характеристики, как: самооффективность, удовлетворенность жизнью, открытость новому опыту, экстраверсия, интернальность, личностные ценности (здоровье, свобода, гармоничность жизни).

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы достаточный, чтобы предмет исследования был раскрыт.

Во вводной части определены: актуальность и проблема исследования; сформулированы объект, предмет; исследовательские задачи и гипотезы. Особое внимание в следующем разделе посвящено обоснованию параметров выборки и диагностических карт. В основной части работы представлено описание полученных эмпирических результатов: динамика распределения значений признаков по шкалам общей самооффективности, удовлетворенности жизнью, уровню субъективного контроля, по методикам «Опросник большой пятерки», «Опросник личностных ценностей», достижения и самореализации в жизненных сферах и т.д. Особое внимание уделено обсуждению и анализ результатов. В заключении сделаны краткие выводы, а также определены ограничения исследования и его перспективы.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 10 отечественных источников, значительная часть которых была издана за последние три года. В список включены, в основном, статьи и тезисы, а также учебно-методические материалы и диссертация. Источники оформлены не во всех позициях корректно и однородно. Например, не во всех источниках представлено количество страниц (например, номера 1,6).

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации: корректно сделать описание таблиц (например, в названии таблицы 1

некорректно названа методика) и указать показатели измерений в таблицах (% , кол-во и пр.).

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами трансцендентного опыта. Проблема рассматривается через призму сравнительного анализа личностных особенностей людей, его переживших и не переживших. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования: различия в личностных особенностях между людьми, испытавшими и не испытавшими трансцендентный опыт.

Методология исследования: Для проверки гипотезы на полученных данных можно использовать метод частотного анализа применительно к значению каждого признака. Тогда все признаки мы разделяем на те, которые составляют личностные особенности людей, переживших трансцендентный опыт и условно общие. Для проведения исследования были выбраны следующие методики: 1. Шкала общей самооценки (General Self-Efficacy Scale, GSE), Авторы: Р. Шварцер, М. Иерусалим (1981, 1992) Адаптация: В. Г. Ромек (1996). 2. Шкала удовлетворенности жизнью (Satisfaction With Life Scale, SWLS) Автор: Э. Динер и др. (1985) Адаптация: Е. Н. Осин, Д. А. Леонтьев (2004). 3. Опросник большой пятерки (BFI-2-S). Авторы: О. Джон, К. Сото (2017) Адаптация: С. А. Щебетенко, А. Ю. Калугин и др. (2022). 4. Опросник уровень субъективного контроля (УСК). Авторы: Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, А. М. Эткинд (1984). 5. Опросник личностных ценностей, KVS-2. Автор: Д.В. Каширский (2009).

Актуальность: Актуальность исследования обусловлена тем, что личностные особенности людей, переживших трансцендентный опыт могут играть важную роль как в процессе переживания трансцендентного опыта, так и в его последствиях. В частности, они могут влиять на способность индивида к адаптации и интеграции после возвращения из трансцендентного состояния.

Научная новизна: Научная новизна заключалась в том, что выявленные тенденции позволяют предположить, что трансцендентный опыт может выступать в роли фактора, способствующего адаптивной перестройке личности, изменяя как когнитивные и эмоциональные аспекты, так и систему жизненных ценностей.

Стиль, структура, содержание: Статья хорошо структурирована, написана четким и научным языком, выводы обоснованы, литература соответствует, заявленной тематике.

Библиография: Все разделы статьи логически взаимосвязаны, а положения статьи подтверждены цитатами из авторитетных источников и ссылками на научные исследования. Однако, не во всех источниках указан DOI. Также не был проведен анализ зарубежных источников по заявленной тематике.

Апелляция к оппонентам: Авторы в статье обращаются к первоисточникам по заявленной теме, к примеру, "в исследованиях рассмотрены теоретические аспекты трансцендентного опыта и его влияния на личность. Установлено, что, несмотря на обширное количество публикаций, посвященных описанию самого явления трансцендентного опыта, мало внимания уделяется анализу изменений личностных характеристик после таких переживаний".

Выводы, интерес читательской аудитории: Интересным представился вывод авторами о том, что трансцендентный опыт оказывает многостороннее влияние на личностное развитие. С одной стороны, наблюдается снижение субъективной самооценки, что может быть обусловлено переоценкой личных ресурсов в контексте изменения мировоззрения. С другой стороны, повышение удовлетворённости жизнью, усиление экстраверсии и доброжелательности, а также смещение локуса контроля в сторону интернализации свидетельствуют о положительной адаптивной перестройке личности.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Шуткина Ж.А., Михайлова Н.В. Психологические характеристики зрелости личности волонтера // Психолог. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8701.2025.2.73599 EDN: DBTGVL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73599

Психологические характеристики зрелости личности волонтера

Шуткина Жанна Александровна

кандидат педагогических наук

доцент; кафедра возрастной и клинической психологии; Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Университетский, 7

✉ zhannashutkina@mail.ru

Михайлова Наталья Владимировна

кандидат педагогических наук

доцент; факультет социальных наук; Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603029, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3

✉ sorokanv@yandex.ru

[Статья из рубрики "Мотивация и духовность личности"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2025.2.73599

EDN:

DBTGVL

Дата направления статьи в редакцию:

06-03-2025

Аннотация: Проблема исследования психологических характеристик зрелости личности волонтера заключается в том, что существуют противоречия между зрелостью, как ценностью глобального значения, ориентированной на общечеловеческие воззрения и определяющей направление человеческой деятельности, и недостаточной информацией о социальном поведении групп, занимающихся волонтерской деятельностью. Предмет исследования: психологические характеристики зрелости личности волонтера:

социальная ответственность, самоактуализация, альтруизм и эмпатия. Гипотезы исследования: 1) Существуют различия в психологических характеристиках зрелости личности волонтеров и лиц, не вовлеченных в волонтерскую деятельность, которые выражаются в более высоких значениях у волонтеров: - показателя социальной ответственности; - общего показателя самоактуализации, с преобладанием шкал ориентации во времени, ценности, потребности в познании, стремлении к творчеству; - уровня альтруизма; - суммарного показателя эмпатии, с выраженным эмоциональным каналом эмпатии. 2) Структура взаимосвязей социальной ответственности, альтруизма, самоактуализации и эмпатии различается у волонтеров и лиц, не вовлеченных в волонтерскую деятельность. В исследовании применялись следующие методики: «Шкала социальной ответственности» Л. Берковица и К. Луттермана (по К. Муздыбаеву). Диагностика самоактуализации личности методика А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калина. Диагностика личностной установки «альтруизм-эгоизм» Фетискина Н.П., Козлова В.В. и Мануйлова Г.М. Методика диагностики уровня эмпатических способностей В. В. Бойко. В статье проведен сравнительный анализ психологических характеристик зрелости личности волонтеров и лиц, не участвующих в волонтерской деятельности. Среди психологических характеристик выделены: социальная ответственность, самоактуализация, альтруизм и эмпатия. В результате проведенного исследования было выявлено, что участники волонтерской деятельности проявляют высокий уровень альтруизма и самоактуализации по сравнению с людьми, не занимающимися волонтерством. Также были обнаружены различия в структуре взаимосвязей между этими показателями. По результатам исследования был сделан вывод о том, что участие в волонтерской деятельности способствует развитию альтруизма и самоактуализации, и были сделаны выводы об уровне зрелости личности волонтеров. Также можно сделать вывод, что одно из условий психологического развития зрелости как ценности – организация волонтерских практик в образовательном процессе.

Ключевые слова:

зрелость личности, волонтерство, альтруизм, эмпатия, социальная ответственность, самоактуализация, духовность, ценностные ориентации, добровольческая деятельность, духовное развитие

Введение

В настоящее время направления развития волонтерской деятельности определяется двумя сферами: государственной политикой и социальным запросом общества. Основным направляющим вектором становления данного социально-психологического феномена является личностное развитие волонтеров. Включаясь в волонтерское движение, люди развиваются и овладевают нравственно-этическими и гуманистическими ценностями, продвигаются в духовном развитии, самореализации личностного потенциала.

На данный момент в подавляющем большинстве отечественных и зарубежных исследований позиционируется деятельностный и процессуальный подход к волонтерскому движению, но при этом практически не встречаются работы, посвященные изучению конкретных психологических характеристик зрелости личности волонтеров. Многочисленные исследования феномена волонтерства посвящены изучению, прежде всего мотивации лиц, включенных в волонтерскую деятельность и проблеме социального обучения членов данных организаций.

Обзор научной литературы

Современная психологическая наука все больше интересуется формами активности, которые называются «неадаптивностью» и «надситуативностью». В.А. Петровский считает, что ключевой характеристикой этого феномена является несовпадение цели с конечным результатом активности, и именно в этом противоречии мы видим возможность развития современного человека. Таким образом, надситуативная активность представляет собой способность субъекта превзойти требования ситуации, ставить цели, которые избыточны по отношению к исходной задаче. Этот вид активности позволяет преодолеть внешние и внутренние ограничения деятельности и проявляется в творчестве, познавательной активности, бескорыстном риске и сверхнормативной активности [\[1\]](#).

Исследования феномена неадаптивной активности приводят к поиску ее новых форм проявления (Ackermann K., Benevene P., Cox J., Gray D., Haski-Leventhal D., Lau Y.) [\[2, 3, 4, 5, 6, 7\]](#). По нашему мнению, волонтерство имеет прямое к этому отношение и может быть рассмотрено в рамках теории о неадаптивной активности В.А. Петровского, а конкретнее - быть определено как одна из форм «надситуативного поведения». Таким образом, деятельность волонтера определяется как возможность личности действовать за пределами ситуации, не опираясь на адаптивные действия по отношению к ней [\[8, с. 308\]](#).

Кротова У. П. выделяет признаки проявления неадаптивности в природе волонтерской деятельности:

1. Волонтеры, в отличие от других участников общества, проявляют особое стремление к деятельности без ожидания материального вознаграждения. Имея четкое представление о ценности своей работы и значимости для общества, они действуют из внутренней мотивации. В современном мире, где большинство людей ищет материальное вознаграждение, волонтерство представляется как нестандартное направление. Поэтому волонтерское движение выделяется своей неприкосновенностью от влияния внешних факторов на мотивацию участников.
2. В ситуации личностного выбора волонтеры склонны предпочесть новую и непривычную ситуацию, ситуацию неопределенности в противовес равнодушному выбору или выбору привычной ситуации с учетом поиска неординарных решений. Это обусловлено высоким уровнем толерантности к неопределенности.
3. Волонтерам свойственна убежденность в важности борьбы вне зависимости от гарантий успеха осуществляемых действий. Они не подвергают рассмотрению волонтерскую деятельность как перспективную, не оценивают ее в контексте времени. Высокая степень жизнестойкости объясняет склонность к неизвестности и активному участию в происходящем в жизни в целом. Можно заключить, что для волонтеров характерна сознательная постановка целей с непредрежденным исходом, что и выступает признаком неадаптивной активности личности.
4. Способность личности выходить за установленные рамки — как характеристика проявлений неадаптивных тенденций личности — проявляется у волонтеров немотивированным стремлением к изменениям даже в привычных жизненных ситуациях [\[9\]](#).

Интерес к проблеме зрелости личности в психологической науке увеличивается с

каждым годом. В настоящее время нет общепринятого определения зрелости личности и критериев ее оценки. Сложность этой темы заключается в том, что связь между возрастным и личностным развитием до сих пор не разъяснена полностью. Психология рассматривает проблему зрелости личности как относительно новую область исследований. (Кольцова В.А., 2007)

Проблема психологической зрелости личности разрабатывается в экзистенциально-гуманистической психологии и психотерапии (К. Роджерс, А. Маслоу, Э. Фромм), психологии развития (Э. Эриксон, Б.Г. Ананьев, Г. Крайг,), акмеологии (А.А. Бодалев, А.Л. Деркач, А.А. Реан), отечественной психологии личности (К.А. Абульханова-Славская, А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, Д.А. Леонтьев и др.) [\[10\]](#).

В психологической литературе понятие зрелости часто используется в качестве синонима взрослости, что связано с возрастным развитием человека. Однако в настоящее время наука разграничивает и связывает эти два понятия. Большинство исследователей считает, что взрослость является количественной характеристикой, определяемой возрастом человека. Однако достижение определенного возраста не всегда означает достижение зрелости. В этом случае можно сказать, что понятие зрелости имеет другую характеристику - оценочную, связанную с качественным развитием личности. Например, Е. П. Ильин утверждает, что зрелость наступает не с возрастом, а с развитием ответственности человека [\[11\]](#).

Головей Л.А. с коллегами обращают внимание на то, что «в большинстве подходов отчетливо выделяются критерии личностной зрелости, характеризующее ее как в части индивидуально-психологических (интраперсональных) характеристик, так и в части социальнопсихологических (интерперсональных)» (Головей Л.А., 2014, с. 28).

Несмотря на множественность и разнообразие выделенных компонентов, зрелость личности представляет собой не просто комплекс определенных личностных особенностей, а «... высокий уровень развития ее подструктур и сторон, обеспечивающих полноценное выполнение совокупности общественных функций на высоком уровне в разных сферах жизнедеятельности» (Головей Л.А., 2014, с. 10).

Мы исследуем зрелость как качественную характеристику развития личности волонтера. Волонтер — это яркий пример нравственного формирования человека, так как он готов изменять себя и свое поведение, осознанно понимая проблемы окружающей действительности. Он также готов корректировать свои желания и потребности в соответствии с общественными требованиями. Разнообразие теоретических подходов к зрелости показывает, что это понятие имеет многоаспектное толкование и сложные критерии определения.

В монографии под редакцией Головей Л.А. в результате анализа выделяется ряд критериев зрелой личности. Главными критериями, которые можно соотнести с волонтерской деятельностью, являются: ответственность, направленность на саморазвитие (самоактуализация), позитивные межличностные отношения, нравственное сознание и гуманистические ценности [\[12\]](#).

Ответственность, как одно из ключевых качеств личности, влияет на степень свободы и поведенческие тенденции. Многие ученые подчеркивают, что ответственность является неотъемлемой частью зрелого поведения. В течение длительного времени ответственность рассматривалась как форма взаимодействия индивида и общества, необходимая для развития.

Термин «самоактуализация» был введен Гольдштейном К., который рассматривал ее как основной и наиболее важный мотив (Коростылева Л.А., 1999). Широкое развитие данный конструкт получил в гуманистической психологии Маслоу А., использовавшем его в более специфическом смысле. Автор считал, что самоактуализация – одна из важнейших потребностей человека «... быть тем, чем он может быть», связанная со стремлением человека «... сохранять верность своей природе» (Маслоу А., 2014, с. 77).

Межличностное взаимодействие в социальной сфере всегда вытекает из индивидуальных и общественных связей. Оно представляет собой отражение социальных взаимоотношений, общественную структуру социума и индивидуальные контакты между людьми. Таким образом, можно выделить три основных уровня взаимодействия субъект-субъектный, межличностный и межиндивидуальный. Тем не менее, эти уровни взаимодействия переплетаются и взаимодействуют друг с другом без четкой границы.

Важно учитывать различные аспекты и параметры взаимодействия между людьми: направленность, уровень осознанности, интенсивность, валентность, адекватность понимания и широта взглядов. Отношения могут быть оценены по разным критериям, включая модальность, дифференцированность и когнитивное отождествление между субъектами. Важно учитывать, что отношения могут быть как положительными, так и отрицательными или нейтральными, и это зависит от множества факторов.

В работах О.А. Митрошенкова подчеркивается, что духовность всегда выходит за пределы эгоизма, указывая на то, что цели и направления жизни личности определяются вселенскими ценностями. Гуманистические ценности, как четвертый параметр зрелой личности, становятся объектом нашего анализа. Человек, размышляя о своем существовании, оценивает мир вокруг себя и формирует свою собственную иерархию ценностей, которая зависит от возраста, опыта, социального статуса и многих других параметров.

Личностная подструктура играет ключевую роль в формировании членов группы волонтеров, определяя направление их действий, пересматривая и отбирая ценности, устанавливая цели и выбирая способы их достижения. Понимая идеологию, которой придерживается человек, мы можем определить его поведение, анализировать его мотивы и поступки, что позволяет понять смысл его действий.

В рамках нашего исследования мы рассмотрим:

- ответственность, как критерий зрелости личности, мы уточним понимание социальной ответственности, как психологической характеристики;
- для более глубокого изучения направленности на саморазвития зрелой личности, мы рассмотрим самоактуализацию, как психологическую характеристику;
- толерантность, нравственное сознание, гуманистические ценности – в рамках данного обширного критерия зрелой личности мы рассмотрим такую психологическую характеристику, как альтруизм;
- значительной частью позитивных межличностных отношений является эмпатийность.

Социальную ответственность можно рассматривать с двух позиций – внутренней и внешней. С одной стороны, такой уровень саморегуляции личности, при котором значимость и иерархия реализуемых высших ценностей оставляет субъекту свободу выбора действий и предполагает ответственность перед собой и другими за свой выбор, поступки и их последствия, а с другой стороны, индивидуальное подчинение социальным

нормам и национальным законам и предотвращение их нарушения. В обоих случаях социальная ответственность ведет к моральной регуляции только в том случае, если она мотивирует дальнейшее развитие добрых и нравственных побуждений (И.В.Василенко).

Содержательно суть самоактуализации состоит в желании человека реализовать тот потенциал, который в нем заложен изначально, достичь того, на что он способен. Самоактуализирующиеся люди в полной мере используют свои способности, таланты, свой личностный потенциал на пути к достижению доступных им высот.

Альтруизм - это проявление бескорыстных поступков человека, направленных на поддержку других людей без желания получить что-то взамен. Это важный аспект нравственности, который позволяет нам жить для того, чтобы помогать и распространять любовь по всему миру. Философы XIX века, вроде Н.А. Бердяева, В.С. Соловьева и А. Шопенгауэра, изучали этот социальный феномен и подчеркивали его значение в формировании морального поведения человека.

По мнению В.В. Бойко эмпатия - особое отражение партнеров по взаимодействию, в основе которого лежит эмоциональная отзывчивость и интуиция. Рациональное восприятие также имеет важное значение. Эмпатия помогает не только понять, но и зацепить суть мотивов и намерений другого человека, а также выявить источники его интересов или апатий, причины лжи или искренности, цели взаимодействия.

А. И. Шутенко, Е. Н. Шутенко, А. В. Локтева в своем исследовании ценностных измерений волонтерской деятельности подтвердили, что в ценностные ориентации волонтеров имеют просоциальную и альтруистическую направленность [\[13\]](#).

Таким образом, проведенный концептуальный анализ дает теоретическое основание для аргументированного выбора стандартизованных диагностических методов для изучения психологических характеристик зрелости личности волонтеров в процессе осуществления деятельности. Выбранные психологические характеристики – социальная ответственность, эмпатия, альтруизм и самоактуализация, по нашему мнению, являются основополагающими при составлении диагностической программы для изучения личности членов волонтерского движения.

Методы и методология исследования

Методологию исследования составили системный, институциональный, деятельностный подходы, а также принципы научной обоснованности, детерминизма, единства сознания и деятельности, социально-исторической обусловленности психики, системно-структурный принцип.

Цель исследования: изучение психологических характеристик зрелости личности волонтера.

Объект исследования: зрелость личности волонтера.

Предмет исследования: психологические характеристики зрелости личности волонтера: социальная ответственность, самоактуализация, альтруизм и эмпатия.

Гипотезы исследования:

1) Существуют различия в психологических характеристиках зрелости личности волонтеров и лиц, не вовлеченных в волонтерскую деятельность, которые выражаются в более высоких значениях у волонтеров:

- показателя социальной ответственности;
- общего показателя самоактуализации, с преобладанием шкал ориентации во времени, ценности, потребности в познании, стремлении к творчеству;
- уровня альтруизма;
- суммарного показателя эмпатии, с выраженным эмоциональным каналом эмпатии.

2) Структура взаимосвязей социальной ответственности, альтруизма, самоактуализации и эмпатии различается у волонтеров и лиц, не вовлеченных в волонтерскую деятельность.

Исследовательская база: исследование проводилось на базе учебно-научной лаборатории специальной психологической подготовки и экспертизы кафедры общей и социальной психологии ННГУ им. Н.И. Лобачевского при участии Козловой Е.А.

Характеристика выборки: в исследовании приняли участие студенты Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород) различных направлений подготовки в количестве 108 человек, из которых 25 мужчин и 83 женщины. Возрастной диапазон: от 18 до 30 лет. Средний возраст – 24 года.

Среди испытуемых 48 человек занимаются волонтерской деятельностью более двух лет, 60 человек не являются волонтерами в какой-либо области.

Психодиагностические методики:

- 1) «Шкала социальной ответственности» Л. Берковица и К. Луттермана (по К. Муздыбаеву).
- 2) Диагностика самоактуализации личности методика А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калина (САМОАЛ), (1998).
- 3) Диагностика личностной установки «альтруизм-эгоизм» Фетискина Н.П., Козлова В.В. и Мануйлова Г.М. (2002).
- 4) Методика диагностики уровня эмпатических способностей В. В. Бойко (1996).

Статистическая обработка полученных данных проводилась с использованием непараметрического статистического критерия Манна–Уитни, предназначенный для выявления различий показателей в двух несвязанных выборках, также был использован корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена).

Результаты исследования

В ходе статистического анализа были выявлены показатели с достоверными различиями, а именно:

- достоверно высокий уровень самоактуализации у волонтеров со значимыми различиями по шкале «ориентация во времени»;
- статистически значимый высокий уровень альтруизма у волонтеров (таблица 1).

Таблица 1 - Описательные статистики для группы волонтеров и не волонтеров

Методики и шкалы	Волонтеры		Не волонтеры	
	Среднее значение	Ст.откл.	Среднее значение	Ст.откл.

«Шкала социальной ответственности» Л. Берковица и К. Луттермана (по К. Муздыбаеву).	12,60 ±	7,47	9,85 ±	6,77
Диагностика самоактуализации личности методика А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калина (САМОАЛ).	59,75 ±	10,28	54,55 ±	9,81
Методика САМОАЛ, шкала «ориентация во времени»	7,02 ±	1,58	6,08 ±	1,73
Методика САМОАЛ, шкала «ценности»	10,02 ±	1,78	9,27 ±	2,22
Методика САМОАЛ, шкала «взгляд на природу человека»	4,48 ±	1,97	4,00 ±	1,73
Методика САМОАЛ, шкала «потребность в познании»	5,29 ±	1,44	5,35 ±	1,35
Методика САМОАЛ, шкала «креативность»	10,15 ±	2,25	9,67 ±	2,04
Методика САМОАЛ, шкала «автономность»	8,44 ±	2,53	7,65 ±	2,52
Методика САМОАЛ, шкала «спонтанность»	8,15 ±	2,77	7,45 ±	2,93
Методика САМОАЛ, шкала «самопонимание»	5,88 ±	1,78	5,28 ±	2,06
Методика САМОАЛ, шкала «аутосимпатия»	8,38 ±	2,82	7,65 ±	3,02
Методика САМОАЛ, шкала «контактность»	5,52 ±	1,80	5,20 ±	1,53
Методика САМОАЛ, шкала «гибкость в общении»	5,94 ±	1,67	5,75 ±	1,54
Диагностика личностной установки «альтруизм-эгоизм» Фетискина Н.П., Козлова В.В. и Мануйлова Г.М.	12,44 ±	2,93	10,37 ±	3,43
Методика диагностики уровня эмпатических способностей В. В. Бойко, общий уровень эмпатии	19,02 ±	4,73	18,97 ±	4,75
Методика В.В. Бойко, рациональный канал эмпатии	2,81 ±	1,42	3,03 ±	1,15
Методика В.В. Бойко, эмоциональный канал эмпатии	3,44 ±	1,27	3,25 ±	1,63
Методика В.В. Бойко, интуитивный канал эмпатии	2,44 ±	1,61	2,70 ±	1,77
Методика В.В. Бойко, установки, способствующие эмпатии	3,63 ±	0,96	3,50 ±	1,37
Методика В.В. Бойко, проникающая способность в	3,48 ±	1,24	3,57 ±	1,28

эмпатии							
Методика	В.В.	Бойко,	3,23 ±	1,48	2,92 ±	1,39	
идентификация в эмпатии							

Таким образом, представители волонтерского движения отличаются более высокими показателями самоактуализации. Их способности, таланты и личностный потенциал в полной мере используются на пути к доступным им высотам, для них характерно высокая мотивация развития, принятие себя, своих чувств, эмоций.

Люди, которые активно участвуют в волонтерском движении, имеют высокий результат на шкале «ориентации во времени». Они живут настоящим, не откладывая свою жизнь на будущее и не утопая в прошлом, полностью осознают ценность настоящего момента и умеют наслаждаться им, не сравнивают свою текущую радость с прошлыми достижениями и не ожидают грядущих успехов, а живут «здесь и сейчас».

Вместе с этим, среди волонтеров достоверно больше людей с выраженной альтруистической направленностью, желанием помогать людям. Им свойственно поведение, предполагающее бескорыстную помощь другим, порой в ущерб собственным интересам. Альтруист отказывается от возможных благ и выгод в пользу другого человека или общества в целом. Однако стоит заметить, что «чистых» альтруистов среди испытуемых не встречается. Отсюда можно сделать вывод, что в полярности «альтруизм-эгоизм» важно сохранять «золотую середину», не уходя в крайности: не отгораживаться от общества, идя по головам к эгоистическим целям, но и не убивать свою личность через подавление собственных желаний и потребностей, становясь ярим альтруистом. Именно сохранение баланса даст возможность гармоничного развития личности.

Таким образом, частично подтверждается первая гипотеза нашего исследования.

Также был проведен корреляционный анализ полученных результатов.

По корреляционной плеяде волонтеров мы видим, что чем в большей мере выражена социальная ответственность, тем более выражен уровень альтруизма, тем менее выражено такое качество как спонтанность, при этом повышается уровень коммуникативных свойств испытуемых, позволяющих создавать атмосферу открытости, доверительности, задушевности.

При высоком уровне альтруизма наблюдается снижение выраженности чувствительности, сензитивности испытуемых к своим желаниям и потребностям, при этом наблюдается увеличение уровня способности видеть поведение партнеров, действовать в условиях нехватки объективной информации о них, опираясь на опыт, хранящийся в подсознании.

Также при увеличении уровня альтруизма снижается уровень осознаваемой позитивной Я — концепции, служащей источником устойчивой адекватности самооценки, при этом возрастает направленность внимания, восприятия и мышления эмпатирующего на сущность любого другого человека — на его состояние, проблемы, поведение, и снижается уровень выраженности общего уровня самоактуализации, автономии, независимости и свободы.

По корреляционной плеяде неволонтеров мы можем наблюдать, что при увеличении значений социальной ответственности увеличивается выраженность общего уровня самоактуализации, увеличивается хорошо осознаваемая позитивная Я-концепция, служащая источником устойчивой адекватности самооценки, испытуемые более склонны разделять такие ценности как истина, добро, красота, целостность, отсутствие

раздвоенности, жизненность, уникальность, совершенство, свершения, справедливость, порядок, простота, легкость без усилия, игра, самодостаточность, предпочтение этих ценностей указывает на стремление к гармоничному бытию и здоровым отношениям с людьми, при этом снижается способность входить в одну эмоциональную «волну» с окружающими, то есть способности сопереживать, соучаствовать.

При снижении выраженности уровня эмпатийного канала увеличивается уровень автономности, независимости, снижается общий уровень эмпатийных способностей, при этом увеличивается уровень чувствительности, сензитивности испытуемых к своим желаниям и потребностям. При сниженном уровне эмоционального канала эмпатии увеличивается выраженность способности к установлению прочных и доброжелательных отношений с окружающими, способности к адекватному самовыражению в общении.

При сниженном уровне коммуникативного свойства, позволяющего создавать атмосферу открытости, доверительности, задушевности снижается уровень общительности испытуемых, способность к установлению прочных и доброжелательных отношений с окружающими, наблюдается отсутствие социальных стереотипов, более выражена неуверенность в своей привлекательности, в том, что они интересны собеседнику и общение с ними может приносить удовольствие, при этом возрастает способность видеть поведение партнеров, действовать в условиях нехватки объективной информации о них, опираясь на опыт, хранящийся в подсознании.

Выводы

Объединяя полученные результаты, можно сделать выводы:

- для волонтеров характерно, что при увеличении уровня социальной ответственности увеличивается уровень альтруизма, снижается выраженность самоактуализации, но при этом возрастает выраженность эмпатийных способностей;
- в группе не волонтеров при увеличении выраженности социальной ответственности возрастает уровень самоактуализации, при этом снижается способность эмоционального канала эмпатии и общего уровня эмпатии, однако снижение проникающей способности эмпатии связано со снижением уровня контактности и гибкости в общении, что в свою очередь взаимосвязано с возрастанием уровня интуиции в общении с людьми.

Таким образом, подтверждается вторая гипотеза исследования о том, что структура и содержание взаимосвязей социальной ответственности, альтруизма, самоактуализации и эмпатии различается у волонтеров и лиц, не вовлеченных в волонтерскую деятельность.

Результаты, полученные по итогам проведенного исследования, могут зависеть от возраста участников, который привязан к становлению индивида, к устойчивости человеческой натуры, из-за чего показатели оказались разнообразными. Помимо этого, ограниченность выборочных данных могла оказать влияние, что открывает перспективы для углубления и расширения будущих исследований по данной теме.

Заключение

Ответ на главный вопрос нашего исследования – является ли волонтер зрелой личностью – остается открытым. Действительно ли в данной деятельности задействованы люди, возросшие над собой, выросшие как личность? Мы подтвердили наличие как минимум двух из критериев показателей зрелости личности, наметили тенденции к выраженности других (например, наличие высоких показателей социальной ответственности у волонтеров).

На основе проделанной работы можно предположить, что в данную деятельность идут люди, которые еще не стали зрелой личностью, но хотят ею быть, проявляющие активную положительную направленность поведения, ответственность, саморазвитие, альтруизм и многие другие в полной мере, описанные нами характеристики чуть больше, чем люди, не относящиеся к волонтерской деятельности.

Подчеркнем, что одним из условий психологического развития зрелости как ценности – организация волонтерских практик в образовательном процессе.

Библиография

1. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М.: ТОО Горбунук, 1992.
2. Ackermann K. Predisposed to volunteer? Personality traits and different forms of volunteering // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2019. Т. 48. № 6. Р. 1119-1142.
3. Benevene P. et al. Ethical leadership as antecedent of job satisfaction, affective organizational commitment and intention to stay among volunteers of non-profit organizations // Frontiers in Psychology. 2018. Т. 9. С. 2069.
4. Cox J. et al. Doing good online: The changing relationships between motivations, activity, and retention among online volunteers // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2018. Т. 47. № 5. С. 1031-1056.
5. Gray D., Stevenson C. How can 'we' help? Exploring the role of shared social identity in the experiences and benefits of volunteering // Journal of Community & Applied Social Psychology. 2020. Т. 30. № 4. С. 341-353.
6. Haski-Leventhal D. et al. The multidimensional benefits of university student volunteering: Psychological contract, expectations, and outcomes // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2020. Т. 49. № 1. С. 113-133.
7. Lau Y. et al. Volunteer motivation, social problem solving, self-efficacy, and mental health: a structural equation model approach // Educational Psychology. 2019. Т. 39. № 1. С. 112-132.
8. Певная М.В. Волонтерство как социальный феномен: управленческий подход. Автореф. дис. ... д-ра социологич. наук. 2016.
9. Кретьева У.П. Модель волонтерской деятельности // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2014. № 2 (24).
10. Балык А.С., Цыбуленко О.П. Психологическая зрелость личности: теоретические концепции и подходы // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 12. С. 63-67.
11. Забелина А.В. Проблема самоактуализации личности // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2013. № 3 (7).
12. Головей Л.А. Психологическая зрелость личности / Под общ. ред. Л.А. Головей. СПб.: Скифия-принт, СПбГУ, 2014. 240 с.
13. Шутенко А.И. Ценностные измерения волонтерской деятельности как сферы нравственного роста и гражданского участия студенческой молодежи // Перспективы науки и образования. 2024. № 1(67). С. 537-554.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье являются психологические характеристики зрелости личности волонтера.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, метод сравнения, опросный метод, а также, как отмечается в тексте работы, были применены психодиагностические методики: «шкала социальной ответственности» Л. Берковица и К. Луттермана (по К. Муздыбаеву), диагностика самоактуализации личности методика А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калина (САМОАЛ), диагностика личностной установки «альтруизм-эгоизм» Фетискина Н.П., Козлова В.В. и Мануйлова Г.М., методика диагностики уровня эмпатических способностей В. В. Бойко», методы математической статистики, а именно, непараметрический статистический критерий Манна–Уитни и корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена).

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку волонтерское движение занимают одно из центральных мест в современном обществе, а участие в нем является особой формой проявления социальной активности и активной жизненной позиции. Характеристики зрелости личности волонтеров отличаются комплексом особенностей, позволяющих этой социальной группе реализовывать свои общественно значимые функции. С этих позиций исследование психологических характеристик зрелости личности волонтера представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна представленной работы заключается в проведении по авторской методике исследования, направленного изучение и анализ «изучение психологических характеристик зрелости личности волонтера». Участниками исследования стали 108 студентов вузов, «из которых 25 мужчин и 83 женщины. Возрастной диапазон: от 18 до 30 лет. Средний возраст – 24 года». При этом 48 респондентов вошли в социальную группу волонтеров, а 60 опрошенных студентов никогда не занимались этой деятельностью.

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения позиций известных ученых к исследуемому вопросу и применением научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также описанием полученных результатов.

Структуру статьи, к сожалению, нельзя считать полностью соответствующей основным требованиям, предъявляемым к написанию научных статей, поскольку некоторые важные структурные элементы в ней не представлены или представлены частично. В структуре данного исследования определены такие самостоятельные элементы как введение, теоретический обзор проблемы зрелости личности волонтера, психодиагностические методики, основная часть, выводы и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет выявленная и отмеченная в исследовании тенденция, «что представители волонтерского движения отличаются более высокими показателями самоактуализации. Их способности, таланты и личностный потенциал в полной мере используются на пути к доступным им высотам, для них характерно высокая мотивация развития, принятие себя, своих чувств, эмоций».

Библиография содержит 6 источников, включающих в себя отечественные периодические и неперіодические издания.

В статье приводится описание позиций и точек зрения известных ученых, характеризующих психологические особенности зрелости личности волонтера. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «для волонтеров характерно, что при увеличении уровня социальной ответственности увеличивается уровень альтруизма,

снижается выраженность самоактуализации, но при этом возрастает выраженность эмпатийных способностей; в группе не волонтеров при увеличении выраженности социальной ответственности возрастает уровень самоактуализации, при этом снижается способность эмоционального канала эмпатии и общего уровня эмпатии, однако снижение проникающей способности эмпатии связано со снижением уровня контактности и гибкости в общении, что в свою очередь взаимосвязано с возрастанием уровня интуиции в общении с людьми; структура и содержание взаимосвязей социальной ответственности, альтруизма, самоактуализации и эмпатии различается у волонтеров и лиц, не вовлеченных в волонтерскую деятельность».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, психологами, социологами, лидерами и представителями волонтерского движения и волонтерских организаций, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что необходимо обратить внимание на структуру статьи и отдельные ее элементы. В частности, при написании научной статьи необходимо придерживаться примерной структуры исследования, которая, как правило, включает в себя введение, обзор научной литературы, методы и методологию, результаты исследования, их обсуждение, выводы, по возможности, практические рекомендации и заключение. Особое внимание следует уделить более подробному описанию именно методологии исследования, а не только перечислением используемых психодиагностических методик. Результаты исследования и их обсуждение необходимо выделить самостоятельными заголовками. Целесообразно было отдельно описать заключение, написать ёмко и подробно, чтобы оно создало впечатление законченности и логической завершенности проведенного исследования. При описании характеристик выборки указано, что «в исследовании приняли участие студенты вузов города различных направлений ...». Однако непонятно о каком городе идет речь, а сами вузы, представителями которых стали респонденты, необходимо было бы перечислить. При оформлении таблицы следует руководствоваться требованиями действующего ГОСТа и оформить ее в соответствии с этими требованиями. В качестве рекомендации, возможно, при подготовке рукописи целесообразно было бы использовать и зарубежные источники, а также, более «современные» источники, сослаться на них и включить в библиографию. Кроме того, в тексте статьи встречаются незначительные опечатки и технические ошибки, например, рассогласование слов «... ответственность, как критерия зрелости ...», лишняя точка «...Козловой Е.А.» и т.п. Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить, доработать текст статьи в плане конкретизации ее структуры и описания соответствующих дополнений. Рукопись рекомендуется отправить на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Психологические характеристики зрелости личности волонтера». Работа включает в себя вводную часть, теоретический обзор, описание полученных результатов и их обсуждение. В завершении статьи представлены обобщающие и аргументированные выводы.

Предмет исследования. Работа нацелена на изучение психологических характеристик

зрелости личности волонтера. Предметом выступили такие психологические характеристики зрелости личности волонтера как социальная ответственность, самоактуализация, альтруизм и эмпатия.

Методологическая основа исследования. Методологию исследования составили системный, институциональный, деятельностный подходы, а также принципы научной обоснованности, детерминизма, единства сознания и деятельности, социально-исторической обусловленности психики, системно-структурный принцип.

Исследовательской базой выступили учебно-научная лаборатория специальной психологической подготовки и экспертиза кафедры общей и социальной психологии ННГУ им. Н.И. Лобачевского. В исследовании приняло участие 108 студентов в возрасте от 18 до 30 лет.

Для проверки выдвинутых гипотез были использованы такие методики как: Шкала социальной ответственности Л. Берковица и К. Луттермана (по К. Муздыбаеву), Диагностика самоактуализации личности методика А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калина (САМОАЛ), Диагностика личностной установки «альтруизм-эгоизм» Фетискина Н.П., Козлова В.В. и Мануйлова Г.М., Методика диагностики уровня эмпатических способностей В. В. Бойко.

Статистическая обработка полученных данных проводилась с использованием непараметрического статистического критерия Манна-Уитни, предназначенный для выявления различий показателей в двух несвязанных выборках, также был использован корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена).

Актуальность исследования. Автором отмечается, что в настоящее время в отечественных и зарубежных исследованиях позиционируется деятельностный и процессуальный подход к волонтерскому движению. Однако практически не встречаются работы, посвященные изучению конкретных психологических характеристик зрелости личности волонтеров. Многочисленные исследования феномена волонтерства посвящены изучению мотивации лиц, включенных в волонтерскую деятельность и проблеме социального обучения членов данных организаций. Поэтому вопрос изучения их психологических характеристик остается открытым.

Научная новизна исследования. В статье автором была рассмотрена ответственность как критерий зрелости личности, самоактуализация и альтруизм как психологическая характеристика; уточнено понимание социальной ответственности, как психологической характеристики. Было отмечено, что значительная часть позитивных межличностных отношений - эмпатийность.

Автором были проверены следующие исследовательские гипотезы:

- 1) Существуют различия в психологических характеристиках зрелости личности волонтеров и лиц, не вовлеченных в волонтерскую деятельность, которые выражаются в более высоких значениях у волонтеров: показателя социальной ответственности; общего показателя самоактуализации, с преобладанием шкал ориентации во времени, ценности, потребности в познании, стремлении к творчеству; уровня альтруизма; суммарного показателя эмпатии, с выраженным эмоциональным каналом эмпатии.
- 2) Структура взаимосвязей социальной ответственности, альтруизма, самоактуализации и эмпатии различается у волонтеров и лиц, не вовлеченных в волонтерскую деятельность.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы достаточный для раскрытия предмета исследования.

Во вводной части представлены общие положения. Значительный объем работы

содержит обзор научной литературы. Проведенный анализ позволил теоретически основать аргументированный выбор стандартизованных диагностических методов для изучения психологических характеристик зрелости личности волонтеров в процессе осуществления деятельности. Автор отмечает, что выбранные психологические характеристики – социальная ответственность, эмпатия, альтруизм и самоактуализация – являются основополагающими при составлении диагностической программы для изучения личности членов волонтерского движения. Центральное место занимает описание организации, проведения, анализа и обсуждения полученных эмпирических результатов. В заключении сделаны выводы.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 13 отечественных и зарубежных источников, незначительная часть которых была издана за последние три года. В список включены, в основном, статьи и тезисы, а также учебно-методические материалы и диссертация. Источники оформлены не во всех позициях корректно и однородно. Например, не во всех источниках указано количество страниц (диапазон страниц) (например, номера 1,8,9 и т.д.).

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- 1) Отформатировать работу. Текст статьи представлен шрифтом разного размера.
- 2) Привести к единообразию оформление ссылок. В статье встречается разное написание (например, «Автор считал, что самоактуализация – одна из важнейших потребностей человека «... быть тем, чем он может быть», связанная со стремлением человека «... сохранять верность своей природе» (Маслоу А., 2014, с. 77». «... альтруистическую направленность [13].»

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами развития волонтерской деятельности. Вопрос рассматривается через призму выделения и описания психологических характеристик зрелости личности волонтеров. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Пензина Н.И., Семакова Е.В. Психодиагностика жизнестойкости и взаимосвязанных с ней личностных параметров у сотрудников // Психолог. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8701.2025.2.73431 EDN: DIPFLE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73431

Психодиагностика жизнестойкости и взаимосвязанных с ней личностных параметров у сотрудников

Пензина Нелла Ильинична

ORCID: 0000-0003-4069-6172

кандидат экономических наук

доцент, кафедра психологии, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

129090, Россия, г. Москва, ул. Мещанская, 9/14 стр. 1

✉ nella@list.ru

Семакова Елена Владимировна

ORCID: 0000-0002-2556-4342

кандидат медицинских наук

доцент, кафедра Психологии; Московский финансово-промышленный университет "Синергия"

129090, Россия, г. Москва, Мещанский р-н, ул. Мещанская, д. 9/14 стр. 1

✉ semaksmol@yandex.ru

[Статья из рубрики "Профессиональная психология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2025.2.73431

EDN:

DIPFLE

Дата направления статьи в редакцию:

20-02-2025

Аннотация: Предмет исследования заключается в изучении особенностей взаимосвязи между уровнем жизнестойкости и личностными характеристиками у сотрудников организации. Объектом исследования является жизнестойкость личности и личностные характеристики сотрудников компании. В статье рассмотрены такие вопросы, как жизнестойкость личности, насколько он актуален сейчас и какие личностные

особенности, по мнению авторов, наиболее взаимосвязаны с уровнем жизнестойкости личности. В статье указано, как правильно подобрать психодиагностические методики, какие сложности могут возникнуть в процессе проведения исследования и как правильно проводить интерпретацию результатов. Данное исследование было проведено на базе частной компании в течение 1 года среди сотрудников. Общая численность выборки составила 200 человек. Данные были интерпретированы, систематизированы и даны общие выводы после проведения исследования. В данной статье использовались методы анализа, синтеза и классификации. Авторы статьи использовали психодиагностический инструментарий работающих сотрудников организации. Далее была проведена статистическая обработка данных и сделаны выводы. Исследование было проведено в частной компании с численностью персонала 200 человек в течение 1 года. В данной статье была рассмотрена практика применения теста жизнестойкости С.Мадди (в адаптации Д.А.Леонтьева), Оксфордского опросника счастья (Oxford Happiness Inventory), Опросника волевого самоконтроля (ВСК) А. Г. Зверькова и Е. В. Эйдмана, Опросника толерантности к неопределенности Т.В.Корниловой, Теста на религиозность Ю.В.Щербатых и авторской анкеты в контексте изучения жизнестойкости и личностных особенностей сотрудников, которые взаимосвязаны с жизнестойкостью. Авторами был предложен комплекс подобранных психодиагностических методик и авторская новая анкета для диагностики жизнестойкости и личностных особенностей, связанных с жизнестойкостью. Данные корреляционного анализа были представлены в Таблице 4. Данная статья расширяет базу знаний по вопросам изучения жизнестойкости. Перспектива дальнейшего исследования состоит в разработке вопросов взаимосвязи религии и жизнестойкости на более разнообразной и многочисленной выборке.

Ключевые слова:

жизнестойкость, психодиагностика, уровень счастья, волевой самоконтроль, психодиагностика сотрудников, толерантность к неопределенности, религия и жизнестойкость, тест на религиозность, авторская анкета, межличностная интолерантность

Введение. В любой компании, независимо от формы собственности, большую роль отводят работе с человеческим капиталом. Развитие и преумножение человеческого капитала становится приоритетом организации, ведь от качества сотрудников напрямую зависит успешность функционирования любого предприятия.

Важным аспектом в формировании качественного человеческого капитала является первичная проверка и психодиагностика потенциальных сотрудников [\[1\]](#). Такая работа должна быть системно и качественно выстроена в организации. процесса отбора необходимо адаптировать сотрудника и продолжать его личностное и карьерное развитие в рамках данной организации. Для успешной работы в условиях неопределенности и нестабильности необходимо наличие ряда важных личностных качеств у работника. Такими качествами являются: стойкость, уравновешенность, самообладание, саморегуляция и др. Эти жизненные качества помогают работнику противостоять трудностям рабочего процесса, постоянному изменению внешних обстоятельств, давлению со стороны окружающих, помогают сохранить физическое и психологическое здоровье и сохранить работоспособность сотрудника. В данной статье представлен анализ личностных особенностей работников и взаимосвязь этих особенностей с жизнестойкостью.

Цель исследования состоит в выявлении взаимосвязи между личностными особенностями и уровнем жизнестойкости сотрудников различных подразделений компании. **Объектом исследования** является жизнестойкость личности и личностные характеристики сотрудников компании. **Предмет исследования** заключается в изучении особенностей взаимосвязи между уровнем жизнестойкости и личностными характеристиками у сотрудников организации. **Научная новизна** проведенного исследования состоит в том, что была проведена комплексная психодиагностика жизнестойкости и личностных особенностей сотрудников, таких как ощущение субъективного счастья, волевой самоконтроль, толерантность к неопределенности. Полученные результаты позволяют расширить базу знаний по вопросам изучения жизнестойкости и взаимосвязанных с ней личностных параметров человека.

Обзор научной литературы по тематике исследования

Понятие жизнестойкости (hardiness) было введено американскими психологами Сальваторе Мадди и Сьюзен Кобейса в 1984 году. Следует отметить, что и в отечественной психологии занимались развитием и изучением данного феномена. Д. А. Леонтьев. Рассматривает жизнестойкость в контексте личностного потенциала как черту, которая отражает меру преодоления личностью заданных обстоятельств. Л. А. Александрова. Изучает жизнестойкость в контексте совладающего поведения. С. Н. Книжникова. Исследует жизнестойкость в контексте профилактики суицидального поведения. Е. Ю. Коржова. Изучает жизнестойкость в контексте защиты от дезинтеграции. Н. В. Краснопольская рассматривает жизнестойкость как механизм эмоционального благополучия, связанный с эмоциональным интеллектом [2].

Обзор существующих эмпирических и теоретических исследований жизнестойкости личности в своей научной статье приводит Галиев Р.Р. Большое внимание автор уделяет жизнестойкости в контексте жизнедеятельности курсантов [3]. Ряд других исследователей занимались изучением личностных особенностей и жизнестойкости курсантов. Г.М. Муратшина выявила, что «чем выше показатели жизнестойкости курсантов военного вуза, тем выше показатели их смысловых ориентаций». Автор статьи отмечает, что в процессе обучения в военном вузе у курсанта происходит развитие жизнестойкости как базовой характеристики будущего военнослужащего [4].

В диссертационном исследовании Наливайко Т.В. были выявлены взаимосвязи жизнестойкости с экстраверсией, интроверсией, спонтанностью и тревожностью. Были изучены взаимосвязи смысловых ориентаций и самооотношения с жизнестойкостью личности [5].

Ряд исследователей отмечали, что понятие «жизнестойкость» находится на стыке психологии и педагогики. В своей статье Н.И. Чертыков классифицирует подходы к изучению понятия жизнестойкости, разделив представления на три группы: жизнестойкость, как результат социализации индивида, как результат нравственного воспитания и как интегральную характеристику личности в целом [6]. В области исследований жизнестойкости в контексте педагогики нужно отметить, что жизнестойкость способствует развитию умения управлять своими эмоциями, рационально решать насущные проблемы и является помощью педагога в вопросах адаптации и социализации [7].

Ряд авторов изучал влияние религии на жизнестойкость личности. В своих работах Е. Пруцкова выделяет три базовые проблемы, которым на современном этапе уделено

наибольшее внимание: религиозность, вероисповедание и взаимоотношения религии с другими социальными институтами. Дж. Шумаер считает, что религиозность коррелирует с высоким уровнем психического здоровья, а религиозные убеждения способствуют оптимальному разрешению внутриличностных конфликтов. При этом уменьшается экзистенциальная тревога и невротическая вина. Положительное влияние религия оказывает на личностное благополучие. В исследовании К. Элисон, было показано, что люди с сильной религиозной верой имеют высокую степень жизненной удовлетворенности, личного счастья [8].

Проанализировав ряд зарубежных изданий по теме жизнестокости личности можно отметить, что акцент таких исследований делается на изучении жизнестокости в контексте психического здоровья.

В данном исследовании будут рассмотрены взаимосвязи уровня счастья, волевого самоконтроля, толерантности к неопределенности и религиозности испытуемых с жизнестокостью.

Материалы и методы исследования. В данной статье использовались методы анализа, синтеза и классификации. Авторы данной статьи проводили психологическую диагностику сотрудников с помощью следующего инструментария: Тест жизнестокости С.Мадди (в адаптации Д.А.Леонтьева), Оксфордский опросник счастья (Oxford Happiness Inventory), Опросник волевого самоконтроля (ВСК) А. Г. Зверькова и Е. В. Эйдмана, Опросник толерантности к неопределенности Т.В.Корниловой, Тест на религиозность Ю.В.Щербатых и авторская анкета, которая предоставлялась респондентам после прохождения психодиагностических методик. Исследование проводилось в компании в течение 1 года. В данном исследовании приняли участие 200 сотрудников одной организации. Исследуемая организация входит в группу компаний, относящихся к высокотехнологичной и наукоемкой отрасли экономики, занимается разработкой электронных компонентов. Основные характеристики выборки исследования:

- Возраст испытуемых: от 22 до 45 лет, средний возраст составил 32 года;
- пол: 46% мужчины и 54% женщины;
- уровень образования: от незавершённого высшего до второго высшего образования;
- семейное положение: около 60% состоят в зарегистрированном браке, остальные указали семейное положение «холост/свободен»;
- профессиональная деятельность: сотрудники занимают линейные должности и есть руководители среднего звена (22%) и руководители высшего звена (8%). Это представители разных отделов.

Исследование проводилось в несколько этапов:

- 1.Испытуемые проходили психодиагностические методики;
- 2.После ответа на вопросы методик была диагностическая беседа и заполнения авторской анкеты для того, чтобы выяснить религиозность испытуемого и влияние религии на решения в жизни испытуемого;
- 3.Далее полученные результаты были сведены в таблицу исходных данных, была проведена проверка на нормальность распределения данных. Было выявлено, что данные не подчиняются закону нормального распределения и для подсчета корреляций

был выбран коэффициент корреляции Спирмена.

4. Результаты корреляционного анализа были представлены в Таблице 4 данного исследования;

5. Были сделаны выводы и заключение по проведенному исследованию.

Результаты и обсуждения.

Жизнестойкость личности (от англ. *hardiness* — «выносливость», «устойчивость», «закалённость») — это способность личности выдерживать стрессовые ситуации, сохраняя при этом внутреннюю сбалансированность без снижения успешности деятельности [\[9\]](#).

В 1975 году С. Мадди изучал менеджеров из компании Illinois Bell. Необходимо отметить, что исследование проводилось в сложный для компании период: изменялись правила и принципы работы, происходили массовые увольнения. Мадди исследовал около 450 сотрудников по ряду медицинских и психологических параметров и после непопулярных мер и большинства сотрудников ухудшились показатели здоровья, снизились рабочие успехи и начали портиться отношения в семье и с друзьями. Только у трети выборки было зафиксировано повышение показателей под влиянием стресса. Сотрудники становились бодрее, появлялись новые рабочие идеи, повышалась эффективность работы. По этим результатам Мадди описал 5 механизмов, благодаря которым проявляется буферное влияние жизнестойкости на развитие заболеваний и стресса [\[10\]](#):

-оценка жизненных изменений как менее стрессовых;

-создание мотивации к трансформационному совладанию;

-усиление иммунной реакции;

-усиление ответственности по отношению к практикам здоровья (здоровому образу жизни);

-поиск активной социальной поддержки, способствующей трансформационному совладанию.

Жизнестойкий сотрудник способен сохранять оптимизм, может перестраивать собственные установки, трансформировать полученный жизненный опыт [\[11\]](#). Авторы данной статьи предположили, что есть ряд личностных особенностей и качеств у сотрудников, которые могут быть взаимосвязаны с жизнестойкостью. Была сформулирована гипотеза исследования: предполагаем, что жизнестойкость взаимосвязана с такими особенностями, как толерантность к неопределенности, волевой саморегуляцией, с субъективным ощущением счастья и есть взаимосвязь между жизнестойкостью и тем, насколько испытуемый религиозен.

В таблице 1 далее представлены психодиагностические методики, которые были применены в исследовании в том порядке, в котором они проводились с испытуемыми.

Таблица 1

Представление и характеристики используемых психодиагностических методик

№	Методика	Цель методики	Описание методики	Итоги

1	Тест жизнестойкости С.Мадди (в адаптации Д.А.Леонтьева)	Оценить уровень жизнестойкости личности и то, как человек может справляться с возникающими трудностями.	Содержит 45 утверждений	Можно выделить в итоге три характеристики: контроль, вовлеченность и принятие риска
2	Оксфордский опросник счастья (Oxford Happiness Inventory)	Оценить субъективный уровень счастья и то, насколько человек удовлетворен жизнью.	Содержит 29 вопросов	Можно выделить несколько главных параметров: счастье, социальное удовлетворение и оптимизм
3	Опросник волевого самоконтроля (ВСК) А. Г. Зверькова и Е. В. Эйдмана	Используется для обобщённой оценки индивидуального уровня развития волевой регуляции.	Содержит 30 утверждений.	Можно выделить 3 основных параметра: индекс волевой саморегуляции, индекс настойчивости, индекс самообладания Мера овладения собственным поведением в различных ситуациях — способность сознательно управлять собственными действиями, состояниями и побуждениями
4	Опросник толерантности к неопределённости Т.В.Корниловой	Изучает интеллектуально- личностное свойство человека, означающее принятие неопределённости, новизны или противоречивости условий своих действий и решений	Содержит 33 вопроса	Выделяется несколько характеристик, в том числе толерантность к неопределённости и склонность к рisku.
		Вопросы теста на		

5	Тест на религиозность Ю.В.Щербатых	Вопросы теста на религиозные ценности включают отношение к помощи, правде, прощению, участию в религиозных сообществах, защите окружающей среды, молитве или медитации, отношению к людям разного религиозного или духовного происхождения, богатству и имуществу, простому образу жизни, социальной справедливости	Содержит 40 вопросов	Выделяются несколько характеристик: Отношение к религии Поддержка и утешение Внешние признаки религиозности Интерес к «псевдонауке» Тенденция верить в творца Религиозное самосознание Религия как образец морали
6	Авторская анкета	Собрать данные о том, насколько испытуемый религиозен	Включает открытые и закрытые вопросы и шкалу для оценки определенных параметров	Анкета дается для того, чтобы проанализировать информацию про испытуемого и посмотреть в итоге, насколько показатель религиозности взаимосвязан с

Авторская анкета составлялась для того, чтобы выяснить необходимые сведения, которые не удалось выявить по результатам психодиагностического исследования по указанным в Таблице 1 методикам. В исследовании представлены основные вопросы, которые касаются того, насколько сотрудник религиозен и другие моменты, связанные с религией, важные для проведения исследования. После заполнения авторской анкеты были подсчитаны баллы по всем испытуемым. Данные были использованы для дальнейшего подсчета, насколько жизнестойкость взаимосвязана с показателями религиозности.

Таблица 2

Результаты анкетирования испытуемых (авторская анкета)

№	Вопрос анкеты	М (среднее арифметическое по выборке)
1	Насколько вы религиозны?	5 баллов (средний балл)

1	Насколько вы религиозны?	5 баллов (средний балл)
2	Частота посещения религиозных мероприятий	3 балла (низкий балл)
3	Насколько религия влияет на ваши жизненные приоритеты?	4 балла (балл ниже среднего)
5	Как вы думаете, можно ли преодолеть расхождение науки и религии?	73% - нет 18% - не думал(а) на эту тему 9% - можно

Около 66% испытуемых демонстрируют средний уровень религиозности. Религиозные установки сотрудников демонстрируют средний уровень вовлечённости в религиозную жизнь. Здесь нужно отметить, что в данном случае сотрудники могли давать социально желаемые ответы (средний уровень), чтобы быть конформными своей группе. Частота посещения религиозных мероприятий – низкая, нейтральное отношение религии к религии в целом. На вопрос «Как вы думаете, можно ли преодолеть расхождение науки и религии?» большинство сотрудников отвечает «нет». В целом это подтверждает общую тенденцию, что религиозные институты потеряли свой прежний контроль над людьми, и вера стала личным выбором каждого человека и установки сместились в область более светских.

Далее были посчитаны результаты по следующим методикам: Тест жизнестойкости С.Мадди (в адаптации Д.А.Леонтьева), Оксфордский опросник счастья (Oxford Happiness Inventory), Опросник волевого самоконтроля (ВСК) А. Г. Зверькова и Е. В. Эйдмана, Опросник толерантности к неопределенности Т.В.Корниловой, Тест на религиозность Ю.В.Щербатых и и подведены итоги авторской анкеты. Результаты после проведения психодиагностических методик представлены далее в Таблице 3.

Таблица 3

Анализ полученных показателей по всем психодиагностическим методикам (n=200)

Показатель	Название методики	М (среднее арифметическое по всей выборке)
Общий показатель жизнестойкости личности	Тест жизнестойкости С.Мадди (в адаптации Д.А.Леонтьева)	78 (средний балл)
Контроль (компонент жизнестойкости)		36 (высокий балл)
Вовлеченность (компонент жизнестойкости)		38 (высокий балл)
Принятие риска (компонент жизнестойкости)		10 (средний балл)
Оксфордская шкала	Оксфордский опросник счастья	62 (высокий балл)

счастья (общий результат) методика	(Oxford Happiness Inventory)	62 (высокий балл)
Индекс волевой саморегуляции	Опросник волевого самоконтроля (ВСК) А. Г. Зверькова и Е. В. Эйдмана	16 (высокий балл)
Индекс настойчивости		8 (средний балл)
Индекс самообладания		12 (высокий балл)
Толерантность (ТН)	Опросник толерантности к неопределенности Т.В.Корниловой	37 (средний балл)
Интолерантность (ИТН)		31 (средний балл)
Межличностная ИТН (МИТН)		21 (низкий балл)
Отношение к религии	Тест на религиозность Ю.В.Щербатых	4 (ниже среднего)
Поддержка и утешение		6 (средний балл)
Интерес к «псевдонауке»		3 (низкий балл)
Религиозное самосознание		4 (средний балл)
Религия как образец морали		6 (средний балл)

По методике Мадди (общий показатель жизнестойкости) низкий показатель составляет от 0 до 61 балла, средний показатель от 62 до 99 и высокий показатель от 100 до 135 баллов. Общий уровень жизнестойкости у сотрудников составляет 78, это соответствует среднему показателю. У испытуемых высокий уровень контроля (36), они привыкли контролировать ситуацию и сохранять уверенность в том, что они управляют своей жизнью. Компонент «Вовлеченность» тоже находится на высоком уровне (38 баллов), что свидетельствует о том, что сотрудники вовлечены в рабочие процессы компании и отсутствует отчуждение. Принятие риска находится на среднем уровне (10 баллов), сотрудники стараются избегать спорных и рискованных ситуаций. По итогу можно сказать, что мужчины в выборке демонстрируют более высокий уровень принятия риска, чем выборка женщин (20 баллов и 8 баллов соответственно). Если анализировать возрастные группы, необходимо отметить, что сотрудники возрастом младше 27 лет имеют более высокий уровень жизнестойкости (общий показатель жизнестойкости личности у этой возрастной группы составляет 90 баллов).

Средний показатель счастья по методике «Оксфордский опросник счастья (Oxford Happiness Inventory)» составил 62 балла, это умеренно высокий результат. Большинство сотрудников компании оценивают свою удовлетворенность жизнью выше среднего уровня, высокий уровень оптимизма. Можно предположить, что это связано с условиями жизни и работы, в 2024 году была увеличена заработная плата и планировалась выплата премии по итогам финансового года. Возможно, некоторые сотрудники давали социально желаемые ответы.

По Опроснику толерантности к неопределенности Т.В.Корниловой по выборке были получены средние результаты по показателям толерантности к неопределенности, интолерантности (упорядоченности во всем и неприятие неопределенности) 37 и 31 балл соответственно. По показателю межличностной интолерантности к неопределенности (означает стремление к ясности и контролю в межличностных отношениях, дискомфорт в случае неопределенности отношений с другими) был получен низкий показатель 21

балл. Это говорит о том, что у сотрудников нет статичности в отношениях с коллегами и неустойчивости в поведении.

По итогам Опросника волевого самоконтроля (ВСК) А. Г. Зверькова и Е. В. Эйдмана мы видим высокие результаты у сотрудников по индексу волевой саморегуляции (16 баллов) и по индексу самообладания (12 баллов) и средний результат по индексу настойчивости (8 баллов).

После проведения теста религиозность Ю.В.Щербатых были выявлены средние показатели по шкалам «поддержка и утешение», «религиозное самосознание», «религия как образец морали» и низкие баллы по шкалам «отношение к религии» и «интерес к «псевдонауке». Это дополнило результаты, полученные после обработки анкет. Около 66% испытуемых демонстрируют средний уровень религиозности. Религиозные установки сотрудников демонстрируют средний уровень вовлечённости в религиозную жизнь.

После проведенных психодиагностических методик была диагностическая беседа с каждым сотрудником, около 30% респондентов отметили, что жизнестойкость уменьшает профессиональное выгорание и «профессиональное утомление» [\[12\]](#).

Была проведена проверка на нормальность распределения данных. Данные не подчиняются закону нормального распределения и для подсчета корреляций был выбран коэффициент корреляции Спирмена. Значимые корреляции представлены в Таблице 4.

Таблица 4

Корреляции результатов психодиагностических методик, применяемых в исследовании
(n=200)

Методики	Тест жизнестойкости С.Мадди (в адаптации Д.А.Леонтьева)			
	Общий индекс жизнестойкости личности	Контроль	Вовлеченность	Принятие риска
Оксфордская шкала счастья (общий результат)	,424**	,095	,415**	,015
Индекс волевой саморегуляции	,505**	,403**	,002	,158
Индекс настойчивости	,015	,295*	,254	,156
Индекс самообладания	,625*	,335*	,221	,151
Толерантность (ТН)	,350*	,151	,105	,132
Интолерантность (ИТН)	,005	,210	,212	,052
Межличностная ИТН (МИТН)	-,523**	-,217	-,221	-,125
Отношение к религии	,002	,025	,024	-,025
Поддержка и				

Утешение	,001	,026	,125	,022
Интерес к «псевдонауке»	,025	,122	,001	,111
Религиозное самосознание	,025	,052	,084	-,122
Религия как образец морали	,125	,088	,125	,205

Значимые корреляции при $r_s > r_{s\text{ кр.}} = 0,27$ ($p < 0,05$)

По результатам проведенного статистического анализа нужно отметить 9 значимых корреляций. У выборки исследования были получены значимые взаимосвязи показателя жизнестойкости (общий индекс) с показателем счастья ($,424^{**}$), индексом волевой саморегуляции ($,505^{**}$), индексом самообладания ($,625^{*}$) и показателем толерантности ($,350^{*}$). Чем выше у сотрудников ощущение субъективного счастья, толерантность к изменяющимся обстоятельствам, волевая саморегуляция, чувство самообладания, тем выше их жизнестойкость. Был получен один показатель обратной значимой связи жизнестойкости с показателем ИТН ($-,523^{**}$). Это свидетельствует о том, что чем выше уровень межличностной интолерантности к неопределенности (означает стремление к ясности и контролю в межличностных отношениях, дискомфорт в случае неопределенности отношений с другими), тем ниже жизнестойкость. Показатель «контроль» по методике жизнестойкости Мадди показал прямую взаимосвязь с рядом показателей: и индексом волевой саморегуляции ($,403^{**}$), индексом настойчивости ($,295^{*}$) и индексом самообладания ($,335^{*}$). Показатель «вовлеченность» по методике жизнестойкости Мадди показал прямую взаимосвязь с общим показателем Оксфордской шкалы счастья ($,415^{**}$). Можно сделать вывод, чем более вовлеченным в происходящие события чувствует себя сотрудник, тем выше у него уровень счастья. Человек с развитым компонентом вовлеченности всегда получает удовольствие от собственной деятельности.

Выводы и заключение. В данной статье была рассмотрена практика применения теста жизнестойкости С.Мадди (в адаптации Д.А.Леонтьева), Оксфордского опросника счастья (Oxford Happiness Inventory), Опросника волевого самоконтроля (ВСК) А. Г. Зверькова и Е. В. Эйдмана, Опросника толерантности к неопределенности Т.В.Корниловой, Теста на религиозность Ю.В.Щербатых и авторской анкеты в контексте изучения жизнестойкости и личностных особенностей сотрудников, которые взаимосвязаны с жизнестойкостью. Данные корреляционного анализа были представлены в Таблице 4. Можно сделать выводы о том, что жизнестойкость взаимосвязана с такими особенностями, как толерантность к неопределенности, волевой саморегуляцией, с субъективным ощущением счастья и есть взаимосвязь между жизнестойкостью и тем, насколько испытуемый религиозен. Гипотеза исследования подтвердилась, кроме взаимосвязи показателей жизнестойкости и религиозности сотрудников. Значимых взаимосвязей по данным параметрам выявлено не было.

Полученные результаты позволяют расширить базу знаний по вопросам изучения жизнестойкости и взаимосвязанных с ней личностных параметров человека. Это особенно актуально с учетом нынешней ситуации, когда сотрудники испытывают повышенные психологические и физические нагрузки, постоянно меняется ситуация и работники сталкиваются с большим потоком входящей информации. В исследовании была подтверждена гипотеза о взаимосвязи жизнестойкости с толерантностью к неопределенности, волевой саморегуляцией, с субъективным ощущением счастья. Перспектива дальнейшего исследования состоит в разработке вопросов взаимосвязи

религии и жизнестойкости на более разнообразной и многочисленной выборке и расширению списка факторов, которые могут быть взаимосвязаны с жизнестойкостью личности.

Библиография

1. Пензина Н.И. Эффективная комплексная психодиагностика для успешного функционирования и развития персонала организации // International Journal of Medicine and Psychology "Международный журнал медицины и психологии". – 2024. – Т. 7. – № 5. – С. 231-238.
2. Гаранина М.М. Феномен жизнестойкости: подходы к рассмотрению, перспективы изучения // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 12 (138). – URL: <https://research-journal.org/archive/12-138-2023-december/10.23670/IRJ.2023.138.184> (дата обращения: 25.02.2025). – DOI: 10.23670/IRJ.2023.138.184.
3. Галиев Р.Р. Обзор исследований жизнестойкости личности // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 1. – С. 129-133. – DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2022.1.16>.
4. Муратшина Г.М. Смыслжизненные ориентации как корреляты жизнестойкости курсантов военного вуза // Аллея науки. – 2021. – Т. 1, № 3 (54). – С. 54-57.
5. Наливайко Т.В. К вопросу осмысления концепции жизнестойкости С. Мадди // Вестник интегративной психологии. – 2006. – № 4. – С. 127-130.
6. Чертыков И.Н. Жизнестойкость как психолого-педагогическое понятие // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 6 (55). – С. 220-222.
7. Евдокимов А.А., Шарухин А.П. Педагогические условия развития самоконтроля у курсантов вузов внутренних войск МВД России при применении интенсифицирующих процесс обучения технологий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 4 (60). – С. 161-167.
8. Волобуева Н.М., Сережко Т.А. Жизнестойкость и религиозность как ресурсы современного человека в трудных жизненных ситуациях // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2015. – № 24 (221), вып. 28. – С. 151-158.
9. Maddi S.R. Hardiness: The courage to grow from stresses // The Journal of Positive Psychology. – 2006. – Т. 1. – С. 160-168.
10. Maddi S.R., Khoshiba D.M. Hardiness and Mental Health // Journal of Personality Assessment. – 1994. – Vol. 63, Issue 2. – С. 265-274.
11. Богомаз С.А., Баланев Д.Ю. Жизнестойкость как компонент инновационного потенциала человека // Сибирский психологический журнал. – 2009. – № 32. – С. 23-27.
12. Бетанова С.С., Позина М.Б., Семакова Е.В., Сигунов В.Н. Эмоциональный отклик как личностная детерминанта профессионального утомления сотрудников транспортно-логистических организаций // Управление образованием: теория и практика. – 2023. – № 9 (67). – С. 39-45.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является психодиагностика жизнестойкости и взаимосвязанных с ней личностных параметров у сотрудников.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, метод

синтеза, метод классификации, метод анкетирования, а также, как отмечается в статье, были применены методики психологической диагностики: «Тест жизнестойкости С. Мадди (в адаптации Д.А. Леонтьева), Оксфордский опросник счастья (Oxford Happiness Inventory), Опросник волевого самоконтроля (ВСК) А. Г. Зверькова и Е. В. Эйдмана, Опросник толерантности к неопределенности Т.В. Корниловой, Тест на религиозность Ю.В. Щербатых», методы описательной статистики.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку профессиональная деятельность в современных организациях отличается выполнением трудовых функций в условиях многозадачности, неопределенности, высоких нагрузок и напряженного информационного потока. Успешность и эффективность работы сотрудников организации в таких сложных условиях предполагает наличие у них определенных личностных характеристик, в том числе жизнестойкость и ряд других связанных с ней качеств. В этом контексте психодиагностика жизнестойкости и взаимосвязанных с ней личностных параметров у сотрудников представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна представленной статьи заключается в проведении по авторской методике исследования, направленного на выявление личностных особенностей путем проведения психологической диагностики жизнестойкости и взаимосвязанных с ней личностных параметров у сотрудников, а также в анализе и описании полученных результатов. «Выборка исследования составила 200 сотрудников».

Статья написана языком научного стиля с применением в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также демонстрацией и описанием полученных результатов исследования.

Структура статьи, к сожалению, не полностью выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, в структуре данного исследования представлены такие элементы как введение, материалы и методы исследования, результаты и обсуждения, выводы и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет сделанное в ходе исследования и отмеченное предположение, характеризующееся тем, что «что жизнестойкость взаимосвязана с такими особенностями, как толерантность к неопределенности, волевой саморегуляцией, с субъективным ощущением счастья и есть взаимосвязь между жизнестойкостью и тем, насколько испытуемый религиозен».

Библиография содержит 5 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующие особенности жизнестойкости личности и взаимосвязанных с ней личностных параметров. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся краткие выводы, касающийся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «по результатам проведенного статистического анализа нужно отметить 4 значимые корреляции. У выборки исследования были получены значимые взаимосвязи показателя жизнестойкости с показателями толерантности к неопределенности. Чем выше у сотрудников толерантность к изменяющимся обстоятельствам, тем выше их жизнестойкость. На жизнестойкость сотрудников влияет субъективное ощущение счастья и самообладание. Чем выше эти параметры, тем выше жизнестойкость. Был получен один показатель обратной значимой связи. Чем выше уровень межличностной интолерантности к неопределенности (означает стремление к ясности и контролю в межличностных отношениях, дискомфорт в случае неопределенности отношений с другими), тем ниже

жизнестойкость».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством, администрацией и работниками кадровых служб организаций, психологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что целесообразно обратить внимание на структуру статьи и ее некоторые структурные элементы. В частности, при написании научной статьи необходимо придерживаться ее примерной структуры, в которую должны входить выделенные и четко обозначенные элементы. В частности, данную статью необходимо дополнить обзором научной литературы, либо теоретическим обзором, обозначив этот раздел отдельным заголовком. Также в статье не сформулировано обобщающее заключение, которое должно создать впечатление логической завершенности и законченности проведенного исследования. При описании выборки, возможно, целесообразно было бы указать на базе какой организации проводилось исследование. В разделе материалы и методы особенности респондентов не указаны, указано лишь численность выборки, но в разделе результатов и обсуждений приводятся отдельные характеристики выборки, что было бы уместно сделать в предыдущем разделе. Также следует обратить внимание на некоторое дублирование информации в тексте исследования, например, «выборка исследования составила 200 сотрудников», а затем, далее по тексту «В данном исследовании приняли участие 200 сотрудников», аналогичная ситуация, характеризующаяся некоторыми дублированиями информации, встречается с описанием методик и выдвинутых гипотез. В таблице 2 представлена авторская анкета, которая использовалась при проведении исследования, возможно, приводить ее полностью в табличном варианте нецелесообразно, достаточно было бы ограничиться анализом полученных в результате анкетирования результатов, представить их наглядно, например, с использованием рисунков. При оформлении таблиц необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа. Кроме того, в тексте статьи встречаются технические ошибки и опечатки, например, в написании слов «Важным...», «...капитала...», «...взаимосвязанных ...», отсутствие пробела между словами в предложении «...уровне межличностной ...», отсутствие знаков пунктуации при перечислении («-оценка жизненных изменений как менее стрессовых

-создание мотивации к трансформационному совладанию

-усиление иммунной реакции

-усиление ответственности по отношению к практикам здоровья (здоровому образу жизни)

-поиск активной социальной поддержки, способствующей трансформационному совладанию») и т.п. Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить и доработать текст статьи. Рукопись рекомендуется отправить на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования прекрасно прописан. Стоит отметить согласованность заглавия статьи, цели, объекта и предмета. Читателю сразу становится понятно, о чем пойдет речь, как построено исследование.

Методология исследования в целом понятна. Можно несколько улучшить этот раздел, описав ход исследования поэтапно, затем уже дать результаты исследования.

Не совсем понятна роль авторской анкеты. Авторы собрали данные о религиозности, но далее в исследовании и обработке результатов указанные данные никак не фигурируют. В выводах эти результаты также не отражены. Для какой цели, все же, собирались указанные данные, как они обрабатывались и обрабатывались ли вообще? Для чего читателю данная информация? Данный раздел остается как бы подвешенным в воздухе, а между тем, диаграмма и описание анкеты занимают достаточно много места в статье. Если в исследовании эти данные никак не применялись, никак не обрабатывались, то их лучше вообще исключить. Они ничего не дают для цели исследования как она описана в начале работы.

Актуальность работы как бы "угадывается", но она слабо показана в тексте. Ее надо обозначить, прописать со ссылками на литературу. Научная новизна заявлена.

Стиль статьи научной, структура соответствует требованиям к структуре научной статьи. Приведены хорошие иллюстративные материалы. Желательно вычитать текст на наличие опечаток (напр., в таблице 1 видим: "Собрать данные о том, насколько испытуемый религиозен"

По содержанию есть ряд замечаний. В частности, стоит привести матрицы корреляций в полном объеме, лучше всего - в том виде, в котором они были выведены статистической программой (только немного отформатировав под требования дизайна, предъявляемые журналом). Затем уже можно дать обобщающую таблицу.

Вообще в целом результаты представлены несколько скомкано. Применены разные методики. В этих методиках выделяются разные шкалы и характеристики, а корреляционная таблица приведена как будто бы по методикам "в целом". Но такая корреляция не выглядит корректной.

В целом необходимо эксплицировать ход обработки данных, привести, возможно, сырые данные. Таблицу 3 необходимо обосновать, откуда и как получены "средние баллы" по методикам. И лишь затем уже приводить корреляции, повторюсь, развернуто.

Библиография статьи, к сожалению, недостаточна. Раздел "обзор научной литературы" обзором не является. Авторы статьи просто перечисляют фамилии нескольких авторов, даже не давая на них ссылку. Дана ровно одна ссылка на литературный обзор другого автора, но тогда надо ясно в статье указать, что автор делает выводы об исследованиях по данному обзору. В любом случае автор должен сам рассмотреть релевантные исследования, в частности, для обоснования актуальности работы и наличия в ней новизны. Желательно посмотреть и зарубежные исследования по теме.

То же касается и апелляции к оппонентам, которая фактически отсутствует. Авторы пишут, что исследование как бы вдохновлено работой С. Мадди, но ссылки на одного лишь Мадди и его работу 1975 года совершенно недостаточно. Недостаточно этого и с точки зрения обоснования научной новизны. Могут ли быть авторы уверены, что никто не делал ровно такое же исследование раньше них или параллельно с ними, возможно, даже, полнее, чем они. Статья нуждается в качественном литературном обзоре.

В целом работа представляет собою очень интересную заготовку для статьи. К сожалению, в настоящем виде она не может быть опубликована, но будет представлять высокий интерес для читательской аудитории после доработки. Наиболее серьезные

замечания касаются отсутствие как такового обзора литературы, который просто необходим для данной статьи, а также необходимости куда более развернуто описать ход исследования, обработку данных и собственно результаты.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья выполнена на тему, в которой автор предпринял попытку показать жизнестойкость в качестве понятия, которое расширяет представления о роли некоторых качеств личности сотрудников для оценки их адаптации в условиях неопределенности. Именно об этом пишет автор во введении, отмечая, что для успешной работы в условиях неопределенности и нестабильности необходимо наличие ряда важных личностных качеств у работника. Такими качествами являются: стойкость, уравновешенность, самообладание, саморегуляция и др. Эти жизненные качества помогают работнику противостоять трудностям рабочего процесса, постоянному изменению внешних обстоятельств, давлению со стороны окружающих, помогают сохранить физическое и психологическое здоровье и сохранить работоспособность сотрудника. Все это правильно и возражений не вызывает.

Но обращает внимание некоторая некорректность использования самого понятия жизнестойкости применительно к процессу труда. Дело в том, что, по сути, в тексте речь стрессоустойчивости персонала. Именно стрессоустойчивость является одной из важных компетенций, содержание которой предполагает наличие необходимых личностных качеств для труда в условиях неопределенности. Используется еще понятие толерантности к условиям неопределенности или стресса. Эти понятия являются более конкретными и предметными в отличие от понятия жизнестойкости.

По тексту видно, что жизнестойкость как понятие применимо к кризисным периодам жизни человека и чаще отражает клинико-психологические аспекты личности в трудной жизненной ситуации (суициды и т.п.). Поэтому необходимо внести ясность при обосновании актуальности темы именно этого исследования.

Цель исследования состоит в выявлении взаимосвязи между личностными особенностями и уровнем жизнестойкости сотрудников различных подразделений компании. Предмет исследования заключается в изучении особенностей взаимосвязи между уровнем жизнестойкости и личностными характеристиками у сотрудников организации. Обе эти формулировки возражений не вызывают. Но по тексту нет сведений об уровнях жизнестойкости.

По поводу формулировки научной новизны возражений нет.

Целесообразно конкретизировать методологию исследованию. Понятно, что автор ссылается на теорию жизнестойкости Сальваторе Мадди и Сьюзен Кобейса, но они имели в виду широкий смысл этого понятия. Автор об этом и сам пишет, приводя литературные данные и отмечая акцент таких исследований делается на изучении жизнестойкости в контексте психического здоровья. В этом и есть широкий смысл понятия, автору же стоит обосновать применение этой теории к «деятельности сотрудников». Дело в том, что если исходить из названия статьи, то предметом исследования должна быть именно деятельность сотрудников.

В работе несколько размыто представлена методика исследования. Почти по всему тексту имеются фрагменты и даже таблицы, которые целесообразно сгруппировать в раздел «Материалы и методы исследования».

Стиль изложения материала в целом исследовательский.

Структура работы должна быть приведена в соответствие с логикой и последовательностью изложения данных. Имеется в виду, что, например, анализ литературных данных должен быть целостным. Сейчас же, например, в разделе «Результаты и их обсуждение» автор снова возвращается к анализу данных литературы. Выводы необходимо отделить от заключения и включить в них только конкретные факты, полученные в ходе исследования.

Содержание статьи свидетельствует, что проделана большая работа. Имеется большой объем исследований и обследований, применена авторская анкета. Это можно считать достоинством данной статьи.

Тем не менее, представленные количественные показатели требуют указания единиц измерения. Там, где приведены средние величины, следует указать и их среднеквадратичные отклонения.

Там, где показаны коэффициенты корреляции, следует также показать количественные величины показателей, добытые с помощью методов. Пока указаны просто методы. Это некорректно.

Автор дважды подчеркивает, что «данные не подчиняются закону нормального распределения и для подсчета корреляций был выбран коэффициент корреляции Спирмена». Это необходимо пояснить.

Фактический же материал, полученный автором, достаточно интересен. Например, по методике Мадди (общий показатель жизнестойкости) низкий показатель составляет от 0 до 61 балла, средний показатель от 62 до 99 и высокий показатель от 100 до 135 баллов. Общий уровень жизнестойкости у сотрудников составляет 78, это соответствует среднему показателю.

С помощью Опросника волевого самоконтроля (ВСК) А.Г. Зверькова и Е.В. Эйдмана выявлены высокие результаты у сотрудников по индексу волевой саморегуляции (16 баллов) и по индексу самообладания (12 баллов) и средний результат по индексу настойчивости (8 баллов).

Имеются и другие интересные факты. Но указаны только средние величины. Необходимо повторить, что для объективной аргументации следует показывать и средне квадратичные отклонения величин. Тогда может быть и вопрос об их несоответствии нормальному распределению величин многих показателей отпадет.

Хотелось бы видеть обсуждение полученных данных в виде их подтверждения/неподтверждения результатами исследований и других авторов. Важно также разумное теоретическое обоснование результатов всего исследования.

Автор же заканчивает раздел обсуждения выводом о том, что «чем более вовлеченным в происходящие события чувствует себя сотрудник, тем выше у него уровень счастья. Человек с развитым компонентом вовлеченности всегда получает удовольствие от собственной деятельности».

А затем сразу следует раздел «Выводы и заключение», в котором о предыдущем выводе ничего не сказано. Поэтому выводы целесообразно доработать, сформулировав их в конкретной и только утвердительной форме. И отделив от окончательного заключения.

Библиографический список включает литературные источники по теме исследования.

Несмотря на наличие замечаний, данная статья имеет перспективу опубликования. Поэтому после доработки текста, ее можно будет рекомендовать к опубликованию в научном журнале.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Коньков К.А. Использование ChatGPT в развитии критического мышления // Психолог. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8701.2025.2.70717 EDN: DDKQLQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70717

Использование ChatGPT в развитии критического мышления

Коньков Кирилл Алексеевич

ORCID: 0009-0008-7061-9446

аспирант; институт иностранных языков; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ kiryan_k@mail.ru

[Статья из рубрики "Психология развития"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2025.2.70717

EDN:

DDKQLQ

Дата направления статьи в редакцию:

12-05-2024

Аннотация: Технологический прогресс порождает новые возможности для развития когнитивных навыков пользователей. Вместе с тем возрастает количество вопросов и проблем для большинства исследователей в области когнитивной психологии. Инновации, в том числе передовые достижения в области нейронных сетей и искусственного интеллекта, и их воздействие на психологические аспекты личности с каждым годом привлекают многих ученых и становятся одними из главных предметов изучения. В рамках данной работы был сделан акцент на сгенерированные моделью искусственного интеллекта ChatGPT тексты, являющиеся предметом исследования. Учитывая быстрорастущий темп развития технологических инноваций, способствующий активному взаимодействию пользователей с виртуальными ассистентами, важно понимать то, как это отражается на когнитивных процессах. Так, данная статья ставит цель раскрыть взаимосвязь использования модели ChatGPT и развития критического мышления у индивида. В качестве метода исследования были выбраны метод эксперимента и контент-анализа, при котором искусственному интеллекту задавались вопросы, а полученные ответы были изучены для нахождения корреляции между

сообщениями и их потенциальным воздействием на развитие критического мышления. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении нового подхода к искусственному интеллекту как к инструменту, способствующему развитию навыка у индивида мыслить критически. В ходе исследования было выявлено, что совершенствование навыка мыслить критически возможно при групповом обсуждении или самостоятельных практических занятиях, однако, в обоих случаях присутствуют недостатки, затрудняющие достижение этой цели и замедляющие данный процесс: отсутствие мотивации, времени, достаточного количества и качества примеров и аргументов, информационная перегрузка, некомпетентность или стереотипность мышления. В этом отношении, будучи созданным на основе больших корпусов текстов, а также способным генерировать множество вариаций ответов, ChatGPT является средством, стимулирующим совершенствование аналитических и мыслительных способностей. Возможности виртуального ассистента включают в себя составление ответов таким образом, чтобы сподвигнуть пользователя к оценке полученных данных, формулировке и постановке уточняющих вопросов, а также анализу различных точек зрения на предложенные подходы, развивая тем самым навык мыслить критически.

Ключевые слова:

Психология, Психология мышления, Психология личности, Критическое мышление, Когнитивная психология, ChatGPT, Технологические инновации, Искусственный интеллект, Личность, Саморазвитие

Стремительное развитие современных технологий с каждым годом все больше побуждает к их изучению из-за активного внедрения в повседневную жизнь. Тем не менее пользование такими инновациями порождает множество вопросов, в том числе о том, как и каким образом они воздействуют на когнитивные навыки человека. В данной статье рассматриваются примеры взаимосвязи использования модели ChatGPT и развития критического мышления с целью выявить влияние модели искусственного интеллекта на совершенствование когнитивных способностей у индивида.

В настоящее время прогресс в сфере нейронных сетей уже достиг того уровня, при котором машина способна заменить человека в ряде задач различной сложности, и этот список стремительно растет. Так, например, сложные алгоритмы способны создавать любой текстовый, аудио- или видеоконтент, проводить распознавание по лицу и голосу, управлять дорожным движением, электроникой, анализировать медицинские данные и даже оказывать психологическую помощь. Актуальность темы обусловлена тем, что из-за высоких темпов роста развития технологий возрастает и интерес к изучению их потенциальных возможностей в различных сферах, в особенности в области психологии, ведь так или иначе главными и единственными их пользователями являются люди.

Несмотря на полугодовой период существования модели ChatGPT, ее влияние на психологическое благополучие и когнитивные навыки недостаточно изучено, в связи с чем научная новизна работы сводится к расширению и дополнению существующих, а также конкретизации направления будущих исследований.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что полученные данные могут быть использованы для оптимизации изучения данной темы с точки зрения актуальности. Практическая значимость работы заключается в применении полученных данных в работах по изучению психологии мышления и развития когнитивных навыков при

использовании нейронных сетей, а также использовании результатов для дальнейшего изучения проблемы воздействия искусственного интеллекта на психологическое состояние индивида.

Исследование проводилось с помощью инструмента ChatGPT, а также технологии виртуальной частной сети Planet VPN, предоставляющей к нему доступ. Во время исследования были использованы метод эксперимента, суть которого заключалась в моделировании ситуации, в которой автор статьи выступал в роли человека, не имеющего навыков критического мышления, а ChatGPT – помощником (тьютором), направляющим мыслительный процесс автора, а также метод контент-анализа, суть которого сводилась к обработке предоставленных сгенерированных ответов на запросы автора.

До сих пор не сложилось единой трактовки термина «критическое мышление», однако, определение, предложенное В.М. Жураковской и другими соавторами, довольно точно отражает всю суть понятия. Под критическим мышлением понимается «логическое (правильное), рефлексивное мышление, ориентированное на разумное рассмотрение разнообразных подходов к принятию обоснованного, аргументированного, взвешенного решения» [\[1, с. 997\]](#). Процесс развития навыка мыслить критически может происходить в двух сценариях: при взаимодействии с группой или во время самообучения. В каждой из ситуаций присутствуют положительные и отрицательные эффекты такой активности, которые могут влиять на конечный результат.

Развитие критического мышления в группе может достигаться, например, путем активного участия в открытых дискуссиях или нахождения решения на смоделированные ситуации [\[2, 3, 4\]](#). Такая социальная фасилитация способствует развитию вышеупомянутой способности у индивида, ведь во время данного процесса он не только высказывает свою точку зрения, но и выслушивает мнения остальных участников. Как утверждает В.В. Целикова, феномен группового воздействия оказывает большое влияние на результат деятельности, что отражается не только в увеличении скорости и качества выполнения работ, но также и в изменении формата протекания психических процессов: «синхронизируются психические процессы и состояния (память, внимание, мышление, эмоции), формируются совместные стратегии решения задач, общий для группы стиль поведения и деятельности...» [\[5, с. 71\]](#). Более того, наличие обучающего или тьютора, как, например, в школе или университете, предполагает наличие обратной связи по выдвинутым предложениям, что способствует активизации мыслительного процесса и порождению новых идей на вытекающие проблемы или вопросы.

Несмотря на это, такой подход имеет свои ограничения. Так, неоднократно наблюдается противоположный эффект – социальная ингибция. Снижение мотивации и, как следствие, ухудшение результатов во время групповой дискуссии, что не только не влияет на уровень навыка мыслить критически, но также может и помешать его развитию в будущем, способствуя появлению так называемой «социальной лени». По данным исследования национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», среднее количество человек в группе в школе или университете в России варьируется от двадцати до тридцати, что может в значительной степени отражаться на объеме имеющихся мнений, а также увеличивает время, затраченное на обсуждение каждого из них [\[6\]](#). Стоит также принимать во внимание наличие единой позиции по какому-либо вопросу у определенного числа участников, а также отсутствие аргументированных суждений в некоторых из тем. Как писала Ю.Г. Понкратова, для достижения положительных результатов в совершенствовании навыка, о котором идет

речь в данной работе, «необходимы хорошо подготовленные, критически мыслящие педагоги – но здесь-то и возникает проблема: именно учителя, как никто другой, страдают стереотипностью, шаблонностью мышления, и ожидать критической мысли от их учеников по меньшей мере наивно» [7, с. 55]. Более того, ограничения в академических часах или времени, отведенному тому или иному занятию, является недостаточным для полноценного развития критического мышления у индивида.

Самостоятельное изучение, с другой стороны, предоставляет больше возможностей для формирования различных когнитивных навыков, включая навык мыслить критически, так как упомянутые выше ограничения во времени стираются, что позволяет более глубоко погрузиться в процесс личностного самосовершенствования [8]. Тем не менее, отсутствие других точек зрения влечет за собой невозможность адекватно оценивать проблему, ведь все рассуждения будут проходить только через призму мировоззрения одного индивида. Несомненно, существует множество различных методик для самостоятельного развития критического мышления, однако стоит учитывать несколько моментов. Во-первых, данным вопросом занималось большое количество ученых, вследствие чего количество разработанных и предложенных техник может достигать нескольких десятков [9, 10, 11, 12, 13]. Так, например, согласно Н. Непряхину, критическое мышление можно развить путем использования шести принципов, сформированных в аббревиатуру «ГЛОБУС», где: Г – гибкость мышления (т.е. отказ от старых установок и поиск альтернативных вариантов), Л – логичность изложения (т.е. умение мыслить последовательно, абстрагировано), О – обоснование суждений (т.е. подтверждение фактов), Б – беспристрастность подхода (т.е. уход от стремления следовать эмоциям), У – упорядочивание мыслей (т.е. систематизация мыслей), С – самостоятельное мышление (т.е. принятие осознанных, самостоятельных решений) [14]. Профессор С. Агус предлагает похожий, но иной подход к развитию критического мышления: (1) сформулировать проблему, (2) собрать информацию, (3) использовать информацию, (4) подумать о последствиях, (5) изучить другие точки зрения [15]. Однако, нельзя быть точно уверенным в том, что определенная методика подойдет тому или иному индивиду. Во-вторых, рассмотрение и практическое использование той или иной методики предполагает изучение большого объема информации, что может негативно сказаться на мотивации во время данного процесса, и, как следствие, привести к фрустрации.

Кандидат педагогических наук В. Мутьев говорил: «Чтобы выучить иностранный язык, нас максимально погружают в языковую среду. Например, с играми освоение языка кажется увлекательным приключением, а не тяжким трудом. С методиками критического мышления более выигрышная ситуация – мы уже погружены в среду, в которой крайне важно их применять. Остается сделать второй шаг – придумать собственный алгоритм развития навыков критического мышления. Это могут быть микроисследования с поиском первоисточников или игры на поиск большего числа эвфемизмов в политических текстах и жаргонизмов в новостных телепередачах. Ваша задача – брать один аспект или прием критического мышления и работать с ним в разных контекстах, пытаюсь понять все его возможности» [16]. С этим и может помочь искусственный интеллект. Вышеперечисленные проблемы развития критического мышления могут быть нивелированы использованием технологий искусственного интеллекта, ведь ChatGPT имеет ряд преимуществ в сравнении со стандартными способами обучения. Рассмотрим их подробнее на конкретных примерах.

ChatGPT является «агрегатором» и работает исключительно на основе статистических паттернов в тексте. Иначе говоря, модель не обладает сознанием и не может понимать

контекст на том уровне, на котором способен это делать человек, вследствие чего интерпретация и дальнейший анализ сгенерированного ответа индивидом побуждает оценивать результат, задавать вопросы и находить истину, тем самым способствуя развитию навыка мыслить критически [\[17\]](#). В качестве примера был создан запрос для ChatGPT и рассмотрен сгенерированный ответ. Запрос выглядел следующим образом: «Я хочу, чтобы ты мне помог развить критическое мышление в обучении на конкретном примере. Придумай то, от чего мы будем отталкиваться, чтобы ты мне смог в этом помочь» [\[18\]](#). В ответ была смоделирована ситуация, в которой предлагается представить изучение научных исследований о влиянии социальных сетей на психологическое благополучие. Основной рассматриваемой проблемой выдвигается оценка достоверности этих исследований. В сгенерированном ответе искусственный интеллект также сформулировал вопросы для дальнейшего анализа, которые могут не только послужить отправной точкой в решении, но и подтолкнуть индивида к рефлексии и постановке новых вопросов. Так, ChatGPT предложил следующее: (1) рассмотреть источники и методы исследования, (2) задаться вопросом о первопричине противоречивости результатов, (3) проанализировать аргументы с обеих сторон и найти альтернативные объяснения, (4) учесть контекст и внешние факторы, (5) учесть апробацию результатов изучаемых исследований. Исходя из полученного ответа представляется возможным, например, на поставленный вопрос «Какие университеты или научные организации проводили исследования?» задать встречные: «Как понять, какие университеты или организации проводили исследования?», «Как определить, работы какого университета или организации являются достоверными?», и другие.

Более того, ChatGPT был обучен на большом корпусе текстовых данных, и специально настроен таким образом, чтобы генерировать ответы на запросы пользователей, похожие на ответы реального человека [\[19\]](#). Разнообразие источников информации дает возможность рассмотреть вопрос с разных точек зрения и проанализировать разные подходы к проблеме [\[19\]](#). Например, если попросить ChatGPT решить мысленный эксперимент, предложенный в 1967 г. британским философом Ф. Фут, и далее переработанный Д.Д. Томпсон в современный вариант, получивший название «проблема вагонетки», то в ответах можно отметить признаки, способствующие развитию мыслить критически [\[20, 21\]](#). Командный вопрос для нейронной сети выглядел следующим образом: «Тяжёлая неуправляемая вагонетка несётся по рельсам. На пути её следования находятся пять человек, привязанные к рельсам сумасшедшим философом. К счастью, вы можете переключить стрелку – и тогда вагонетка поедет по другому, запасному пути. К несчастью, на запасном пути находится один человек, также привязанный к рельсам. Каковы твои действия?» [\[23\]](#). По результатам генерации искусственный интеллект сообщает, что знаком с данным экспериментом, и утверждает, что решение зависит от множества факторов. Тем не менее он рассматривает ситуацию с двух разных точек зрения: с одной стороны, предлагается использовать принцип «максимизации блага», при котором выбор в пользу спасения пяти человек приоритетнее, а с другой – рекомендуется не вмешиваться, объясняя такое решение тем, что при любом исходе выбор приведет к морально неприемлемым последствиям. Учитывая характер мысленного эксперимента, в котором, как принято считать, нет верного решения, даже базовый анализ ответа и его оценка может не устроить индивида, что, несомненно, подтолкнет его к вопросу об альтернативных вариантах. Так, далее был создан следующий командный запрос – «Что, если ты не можешь не вмешиваться, и тебе обязательно нужно сделать выбор, даже если это будет морально неприемлемым?» В новом сообщении ChatGPT повторяет сказанное ранее, и добавляет,

что следует также учесть правовые и этические нормы, существующие в настоящем контексте. Здесь следует отметить, что упоминание правовых и этических норм побудило автора к вопросу о потенциальных эффектах от выполнения действия, о котором идет речь в диалоге. Затем виртуальному помощнику был задан очередной встречный вопрос – «Даже если ты выберешь вариант, при котором количество жертв будет минимальным, разве это не будет считаться плохим поступком? Может ли это привести к последствиям? Если да, то к каким?». На данный запрос ChatGPT перечисляет ряд аспектов, включая: (1) психологические и моральные последствия (например, стресс, психологическая травма или чувство вины), (2) публичные последствия (например, негативная оценка со стороны других людей), и (3) юридические последствия (например, обвинения в причинении вреда или нарушении прав человека). Несмотря на достаточно полный ответ, поставленный в самом начале вопрос остается открытым, а оценка предоставленных ранее вариантов все еще показывает неудовлетворительные результаты. По этой причине автор задает финальный контрольный запрос – «Существуют ли другие варианты решения дилеммы?», на что ChatGPT предлагает: (1) проигнорировать задачу о выборе в пользу кого-либо и попытаться остановить вагонетку путем использования любых доступных средств, (2) спасти как можно большее количество людей, жертвуя кем-либо еще, (3) попытаться установить контакт с теми, кто находится на пути вагонетки, и попросить их освободиться любыми способами и уйти с рельсов, (4) рассмотреть вариант внедрения системы безопасности, чтобы предотвратить подобные ситуации в будущем, и (5) обратиться к специалистам в области этики и права, чтобы получить консультацию в решении данного вопроса. Таким образом, подобные дилеммы идеально подходят для критического анализа, ведь они требуют от индивида оценки полученных результатов, если те его не устраивают, и, как следствие, способствуют развитию навыка принятия более осознанных решений и формированию мнения.

Как показывают результаты исследования, модель искусственного интеллекта ChatGPT в действительности имеет большой потенциал в развитии навыка у индивида навыка мыслить критически, предлагая практически безграничные возможности для оценки и анализа, а также способствуя активизации мыслительных процессов. Проведенный анализ влияния искусственного интеллекта на когнитивные навыки показывает важность в понимании отношений между человеком и искусственным интеллектом, а также предлагаемых возможностей. Отмечается, что дальнейшие, более глубокие исследования в рамках этой темы, в том числе проведение дополнительных экспериментов с использованием новых методов, помогут еще больше проявить свет на влияние нейронных сетей на когнитивные способности человека.

Библиография

1. Жураковская В.М. и другие. Развитие критического мышления обучающихся в образовательном процессе / В.М. Жураковская, А.Л. Морозова, Т.П. Симакова, С.Л. Рыков, Т.В. Авгусманова, Е.В. Антонова / Под ред. С.В. Ивановой. – М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», 2019. – С. 992-1012.
2. The Importance of Critical Thinking Development in Higher Education: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://blog.uol.ac.cy/post/the-importance-of-critical-thinking-development-in-higher-education> (дата обращения: 09.04.2024).
3. Dunn D.S. and others. Teaching critical thinking in psychology: a handbook of best practices. – UK: Blackwell Publishing Ltd, 2008. – 298 p.
4. Picciano A.G. Theories and frameworks for online education: seeking an integrated model // Online Learning. – 2017. – No. 21(3). – P. 166-190.
5. Целикова В.В. Психологические механизмы влияния на личность в культе // Журнал

практического психолога. – 1996. – № 5. – С. 71-75.

6. Гохберг Л.М. и другие. Образование в цифрах: 2022 : краткий статистический сборник / Под общ. ред. Л.М. Гохберг, Л.Б. Кузьмичева, О.К. Озерова и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2022. – 132 с.

7. Понкратова Ю.Г. Развитие критического мышления как социально и личностно значимой способности современного школьника // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2008. – № 3. – С. 52-56.

8. Богданова С.Ю., Каверина О.А. Самостоятельное обучение в контексте развития критического мышления // Преподаватель XXI век. – 2019. – №1. – С. 112-120.

9. Pawlak M. and others. *Autonomy in Second Language Learning: Managing the Resources*. – Springer International Publishing Switzerland, 2017. – 213 p.

10. Мусина-Мазнова Г.Х., Сколота З.Н. Технология развития критического мышления в формировании профессиональных компетенций студентов // Интернет-журнал «Мир науки». – 2018. – № 6. – С. 1-8.

11. Заир-Бек С.И., Муштавинская И.В. Развитие критического мышления на уроке: пособие для учителей общеобразоват. учреждений. – 2-е изд., дораб. – М.: Просвещение, 2011. – 223 с.

12. Ткачева Л.Л. Технологии развития критического мышления // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2008. – № 16(116). – С. 95-98.

13. Paul R.W. *Critical thinking: what every person needs to survive in a rapidly changing world*. Rohnert Park, CA: Center for Critical Thinking and Moral Critique, Sonoma State Univ., 1990. – 575 p.

14. Непряхин Н., Пашенко Т. Критическое мышление: железная логика на все случаи жизни. М.: Альпина.Дети, 2023. – 192 с.

15. Agoos S. 5 tips to improve your critical thinking: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ed.ted.com/lessons/5-tips-to-improve-your-critical-thinking-samantha-agoos/watch> (дата обращения: 11.04.2024).

16. Непряхин Н. Что такое критическое мышление?: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5e0608ea9a7947fa3c1bcf34> (дата обращения: 11.04.2024).

17. Van den Berg D., du Plessis E. ChatGPT and generative AI: possibilities for its contribution to lesson planning, critical thinking and openness in teacher education // *Education Sciences*. – 2023. – No. 13(10). – P. 1-12.

18. OpenAI. ChatGPT (версия от 1 мая 2024) [большая языковая модель]. URL: <https://chat.openai.com/share/ca700358-4adf-4487-a132-921a4c13b85e>.

19. Ray P.P. ChatGPT: a comprehensive review on background, applications, key challenges, bias, ethics, limitations and future scope // *Internet of Things and Cyber-Physical Systems*. – 2023. – No. 3. – P. 121-154.

20. Walter Y. Embracing the future of artificial intelligence in the classroom: the relevance of AI literacy, prompt engineering, and critical thinking in modern education // *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. – 2024. – No. 21(15). – P. 1-29.

21. Foot P. The problem of abortion and the doctrine of the double Effect // *Oxford Review*. – 1967. – No 5. – P. 1-5.

22. Thomson J.J. Killing, letting die, and the trolley problem // *Philosophical Problems of Death*. – 1976. – Vol. 59, No. 2. – P. 204-217.

23. OpenAI. ChatGPT (версия от 1 мая 2024) [большая языковая модель]. URL: <https://chat.openai.com/share/45881d68-b7db-489a-9edc-ebcdc387859e>.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является использование ChatGPT в развитии критического мышления.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод анализа, метод категоризации, а также метод эксперимента с элементами моделирования ситуации и контент-анализа. Исследование было проведено «с помощью инструмента ChatGPT, а также технологии виртуальной частной сети Planet VPN, предоставляющей к нему доступ».

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку современная объективная реальность такова, что «прогресс в сфере нейронных сетей уже достиг того уровня, при котором машина способна заменить человека в ряде задач различной сложности, и этот список стремительно растет». Современные технологии развиваются очень быстро и темпы их развития постоянно нарастают, а соответственно они все больше и больше охватывают все стороны жизни человека и общества. Технологии дают новые возможности их использования человеком, поскольку именно человек выступает и их создателем, и их конечным пользователем, поэтому и актуализируются процессы изучения этих феноменов современности, как в психологии, так и в других науках.

Научная новизна исследования заключается в изучении по авторской методике использования ChatGPT в развитии критического мышления посредством проведения эксперимента через моделирование «ситуации, в которой автор статьи выступал в роли человека, не имеющего навыков критического мышления, а ChatGPT – помощником (тьютором), направляющим мыслительный процесс автора» и дальнейшим применением контент-анализа для обработки полученных «сгенерированных ответов на запросы автора».

Статья написана языком научного стиля с грамотным использованием в тексте исследования изложения позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, а также описанием методики и процедуры исследования.

Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования можно выделить вводную часть, основную часть, заключительную часть и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет то, что в исследовании рассмотрены два основных сценария, по которым может развиваться навык критического мышления, а именно, этот процесс происходит или при взаимодействии с группой, или же в результате самообучения. В обоих случаях объективно есть и позитивные, и негативные последствия, которые оказывают влияние на окончательный итог развития навыка критически мыслить.

Библиография содержит 23 источника, включающих в себя отечественные и зарубежные периодически и непериодические издания, а также электронные ресурсы.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующих вопросы развития критического мышления. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «модель искусственного интеллекта ChatGPT в действительности имеет большой потенциал в развитии навыка у индивида навыка мыслить критически, предлагая практически безграничные возможности для оценки и

анализа, а также способствуя активизации мыслительных процессов. Проведенный анализ влияния искусственного интеллекта на когнитивные навыки показывает важность в понимании отношений между человеком и искусственным интеллектом, а также предлагаемых возможностей. Отмечается, что дальнейшие, более глубокие исследования в рамках этой темы, в том числе проведение дополнительных экспериментов с использованием новых методов, помогут еще больше проявить свет на влияние нейронных сетей на когнитивные способности человека».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководителями различных организаций, специалистами, занимающимися обучением и проведением тренингов, тьюторами, консультантами, психологами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в статье не были четко определены и выделены ее структурные элементы, которые, без сомнения четко прослеживаются в ее содержании, однако, отдельно они не выделены соответствующими заголовками. При написании текста статьи, может быть, было бы целесообразно кратко охарактеризовать сущность модели ChatGPT, а полученные результаты проведенного эксперимента с дальнейшим применением контент-анализа для наглядности можно было бы проиллюстрировать рисунком или представить в таблице. Указанные недостатки не снижают высокую научную и практическую значимость самого исследования, а, скорее относятся к оформлению текста статьи. Статью рекомендуется опубликовать.

Англоязычные метаданные

Student adaptation strategies in higher education institution: types and effectiveness**Dzhaneryan Svetlana Tigranovna**

Doctor of Psychology

Professor; Department of Personality Psychology and Counseling Psychology; Southern Federal University

Office 239, M. Nagibin ave., 13, Rostov-on-Don, Rostov region, 344038, Russia

✉ swetdjan@yandex.ru

Gvozdeva Darya Ivanovna

PhD in Psychology

Head of the Department; Academy of Psychology and Pedagogy; Southern Federal University

Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, Mikhail Nagibin ave., 13

✉ gvozdeva@sfedu.ru

Kim Alina Eduardovna

PhD in Psychology

Senior Lecturer; Academy of Psychology and Pedagogy; Southern Federal University

Mikhail Nagibin Ave., 13, Rostov-on-Don, Rostov region, 344038, Russia

✉ alink@sfedu.ru

Abstract. Results of the study aimed at establishing the types and effectiveness of behavioural adaptation strategies in 358 psychology students studying at the bachelor's, specialist and master's levels are presented. Subject of the study: behavioral adaptation strategy of students of higher education institutions is considered as a stable form of organization of specific behavioral attitudes and actions, providing active mastery of the professional skills with the help of the educational process. The actual (expression of indicators of adaptation to the group and to study) and potential (indicators of professional identity and self-assessment of readiness to work) effectiveness of strategies are offered. Scientific novelty is represented by the studied behavioral adaptation strategies, the proposed indicators of their effectiveness, the established links between the expression of the strategy and its actual and potential effectiveness depending on the course and level of education received. Methods: questionnaire survey; testing ("Adaptation of University students" (T.D. Dubovitskaya, A.V. Krylova); methodology of professional identity research, "MIPI" (L. Schneider); self-assessment of readiness to work in the specialty obtained in higher education institution. As a result, the following strategies were empirically established: search for social and informational support; academic deception; possession of a status position; academic diligence; use of administrative resources; presentation of academic inclusion; academic independence. The dependence of the dynamics of student choice of these or those strategies on the course and level of education received at a higher education institution is shown. It is established that the adaptation strategy chosen by students is selective with regard to its actual and potential effectiveness depending on the level of education received. The results can be useful for teachers, students, higher education institution psychological service specialists and employers.

Keywords: master's students, specialist students, bachelor's students, performance indicators, behavioural adaptation strategy, actual strategy performance, potential strategy performance, adaptation strategy, adaptation strategy structure, adaptation in higher education institution

References (transliterated)

1. Klimov, E.A. Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya. Rostov-na-Donu: Feniks, 1996. 512 s.
2. Markova, A.K. Psikhologiya professionalizma. M.: Mezhdunarodnyi gumanitarnyi fond "Znanie", 1996. 308 s. EDN: YQCJKT
3. Zeer, E.F. Psikhologiya professional'nogo razvitiya: uch. posobie dlya stud. vysshikh uchebnykh zavedenii. M.: Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2009. 240 s. EDN: QXYCQD
4. Shneider, L.B. Lichnostnaya, gendernaya i professional'naya identichnost': teoriya i metody diagnostiki. Moskva: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut, 2007. 128 s. EDN: SWDCQD
5. Ysmailova, R., Kalamatov, R., Dzhumaeva, L. Socio-psychological aspects of adaptation of foreign students // BIO Web Conferences. 2024. Vol. 120. art. 01041. <https://doi.org/10.1051/bioconf/202412001041> EDN: OWANUR
6. Ranran, H., Peiyu, H., Rongrong, G., Yajun, Z. The relationship between self-control and social adaptation in university students: chain-mediated effects of positive core schema and stress perception // Transactions on Social Science, Education and Humanities Research. 2024. V. 11. P. 815-824. <https://doi.org/10.62051/kab1nf52> EDN: NYJRVL
7. Eryilmaz, A., Engin Deniz, M., Uzun, G., Yildirim Kurtuluş, H. Examination of university students' experiences regarding the university adaptation process // Yıldız Journal of Educational Research. 2023. № 1(8). P. 11-27. <https://doi.org/10.14744/yjer.2023.017> EDN: KDVTTK
8. Popinako, E.A. Problema professional'noi adaptatsii v sovremennykh nauchnykh issledovaniyakh: kontent-analiz // Vestnik TvGU. Seriya "Pedagogika i psikhologiya". 2019. Vypusk 3(48). S. 240-247. EDN: WWJRKS
9. Wong, M.L.L., Liu, S. The role of online social networking sites in facilitating friendships and adaptation among international students in Malaysia // International Journal of Intercultural Relations. 2024. Vol. 99. art. 101942. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2024.101942> EDN: TZOMOJ
10. Alasmari, Ab. Ah. Challenges and social adaptation of international students in Saudi Arabia // Heliyon. 2023. Vol. 9, Iss. 5. e16283. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e16283> EDN: OTCKPD
11. Smirnov, A.A., Zhivaev, N.G. Psikhologiya vuzovskoi adaptatsii: ucheb. posobie. Yaroslavl': YarGU, 2009. 115 s. EDN: QXZFAP
12. Shamionov, R.M., Grigor'eva, M.V., Grinina, E.S., Sozonnik, A.V. Akademicheskaya adaptatsiya studentov: razrabotka i validizatsiya novoi metodiki // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. 2022. T. 27. № 2. S. 53-68. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2022270205> EDN: HYLUBM
13. Shamionov R.M., Grigoryeva M.V., Grigoryev A.V. Influence of beliefs and motivation on social-psychological adaptation among university students // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 112. P. 323-332. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.01.1171>

14. Ambarova, P.A., Zborovskii, G.E. Professional'naya adaptatsiya vuzovskikh studentov v menyayushchemsya mire professii // *Obrazovanie i nauka*. 2023. T. 25. № 2. S. 191-223. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-2-191-223> EDN: GTDBNT
15. Silva, G.O., Aredes, N.A., Galdino-Júnior, H. Academic performance, adaptation and mental health of nursing students: A cross-sectional study // *Nurse Education in Practice*. 2021. Vol. 55. art. 103145. <https://doi.org/10.1016/j.nepr.2021.103145> EDN: LYVQAY
16. Clinciu, A.I. Adaptation and Stress for the First Year University Students // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2013. Vol. 78. P. 718-722. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.04.382>.
17. Xiaoying, H., Baharom, S., Sunjing, L. A systematic literature review of the relationship between cultural intelligence and academic adaptation of international students // *Social Sciences & Humanities Open*. 2023. Vol. 8, Is. 1. Art. 100622. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2023.100622>. EDN: IGCQFU
18. Nuralieva, N., Wei, Zh., AL-Qadri, A.H., Saraa, N., Chang M. Students' beliefs, basic psychological needs, classroom participation, foreign language anxiety, and academic adjustment: a correlation study in Tashkent, Uzbekistan // *Heliyon*. 2024. Vol. 10, Is. 18. e37127. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e37127> EDN: ZXYOSK
19. Akhras, Ch. Students' adaptation: a determinant of the effectiveness of active classrooms in Lebanese Private Universities // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2013. Vol. 83. P. 403-407. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.06.079>
20. Karpov, A.V., Orel, V.E., Ternopol, V.Ya. *Psikhologiya professional'noi adaptatsii: monografiya*. Yaroslavl': Institut "Otkrytoe obshchestvo", RPO, 2003. 161 s.
21. Kubikova, K., Bohacova, A., Slowik, J., Pavelkova, I. Student adaptation to distance learning: an analysis of the effectiveness, benefits and risks of distance education from the perspective of university students // *Social Sciences & Humanities Open*. 2024. Vol. 9. 100875. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2024.100875> EDN: HDIFRD
22. Mo Tsziman'. *Fakty psikhologicheskoi adaptatsii kitaiskikh studentov v rossiiskom vuze: avtoreferat dis. ... kandidata psikhologicheskikh nauk: 19.00.05 - Sotsial'naya psikhologiya; 19.00.01 - obshchaya psikhologiya, psikhologiya lichnosti, istoriya psikhologii*. Kazan', 2022. 23 s.
23. Dikaya, L.G. Sub'ektnaya regul'yatsiya v deyatel'nosti professionala kak osnova formirovaniya adaptatsionnykh strategii // *Problemy fundamental'noi i prikladnoi psikhologii professional'noi deyatel'nosti* / Pod red. V.A. Bodrova, A.L. Zhuravleva. M.: Institut psikhologii RAN, 2008. S. 222-246. EDN: VMWMNT
24. Abul'khanova-Slavskaya, K.A. *Strategiya zhizni*. M.: Mysl', 1991. 299 s. EDN: SGBTRN
25. Dzhaner'yan, S.T., Berlova, T.N. Lichnostnye determinanty strategii uchebno-professional'noi kar'ery rabotayushchikh studentov vuzov // *Kazanskaya nauka*. 2014. № 5. S. 174-177. EDN: SFAXEJ
26. Mel'nikova, N.N. *Diagnostika sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii lichnosti: uchebnoe posobie*. Chelyabinsk: YuUrGU, 2004. 57 s.
27. Artem'eva, G.N. Adaptatsiya studentov vuza kak uslovie podgotovki k professional'noi deyatel'nosti // *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*. 2019. № 6. <https://mir-nauki.com/PDF/125PDMN619.pdf> EDN: OUELCM
28. Vishnevskii, Yu.R., Narkhov, D.Yu., Didkovskaya, Ya.V. Trendy vysshego professional'nogo obrazovaniya: professionalizatsiya ili deprofessionalizatsiya // *Obrazovanie i nauka*. 2018. T. 20. № 1. S. 152-170. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-1-152-170> EDN: AAYXUB

29. Tannous, C., Chien, H., Kenny, B., Lin, K., Everett, B., Yeh, J., Wang, J., Heaton, L., Salamonson, Y. Factors influencing career choice, study experiences and professional identity in undergraduate health students: a mixed methods study across two universities // *Teaching and Learning in Nursing*. 2024. Vol. 19, Is. 3. P. 249-259. <https://doi.org/10.1016/j.teln.2024.03.014> EDN: YSLTAR
30. Krasnoshchechenko, I.P. Professional'naya sub'ektnost' studentov-psikhologov regional'nogo vuza: stadii, traektorii, usloviya i tendentsii stanovleniya i razvitiya // *Lichnost' professionala v sovremennom mire / Otv. red. L.G. Dikaya, A.L. Zhuravlev. M.: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2013. S. 430-447.*
31. Labyntseva, I.S. Osobennosti dinamiki uchebnoi deyatel'nosti studentov s raznym otnosheniem k professii: avtoref. diss.... kand. psikhol. nauk: 19.00.07 - Pedagogicheskaya psikhologiya. Rostov-na-Donu, 2013. 22 s. EDN: ZOYUPB
32. Kruglov, A.M. Adaptatsiya studentov k sovremennoi obrazovatel'noi srede vuza // *Zhurnal pedagogicheskikh issledovaniy*. 2023. T. 8. № 6. S. 141-149. <https://doi.org/10.12737/2500-3305-2024-8-6-141-149> EDN: DYNHQB
33. Krasilnikov, A., Smirnova, A. Online social adaptation of first-year students and their academic performance // *Computers & Education*. 2017. Vol. 113. P. 327-338. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2017.05.012> EDN: XNAFQU
34. Landa-Blanco, M., Reyes, Y., Landa-Blanco, A.L., Cortés-Ramos, A., Paz-Maldonado, E. Social media addiction relationship with academic engagement in university students: the mediator role of self-esteem, depression and anxiety // *Heliyon*. 2024. Vol. 10, Is. 2. e24384. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e24384> EDN: NHXKBI
35. David, L.T. Academic cheating in college students: relations among personal values, self-esteem and mastery // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 187. P. 88-92. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.03.017>
36. Sagitov, E.B., Shmeleva, E.D. Kak pedagogicheskie praktiki svyazany so spisyvaniem sredi studentov rossiiskikh vuzov // *Voprosy obrazovaniya*. 2022. № 1. S. 138-159. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-1-138-159a> EDN: ZKIIOG
37. Siddiqui, N., Nahar, N., Hossain, M.S., Tazmeen, A., Ali, K.S. Context-specific adaptation of a student engagement measure: a case study of a private university in Bangladesh // *Cogent Education*. 2024. Vol. 11. №. 1. <https://doi.org/10.1080/2331186X.2024.2380638> EDN: PLUUER
38. Ivashova, V., Gulyak, I., Nazarenko, A., Zhukova, V., Rodionova, V., Mogilevskaya, G. Transformation of mechanisms of the university first-year students' social adaptation: mathematical analysis tools // *BIO Web of Conferences*. 2024. <https://doi.org/10.1051/bioconf/20248404006> EDN: ITKXNH
39. Govorova, E.A. Issledovanie vzaimosvyazi sotsial'noi i vuzovskoi adaptatsii i delinkventnosti // *Nauchnyi poisk: sbornik nauchnykh rabot studentov, aspirantov i преподаvatelei / pod red. A.A. Karpova. Yaroslavl': Filigran', 2023. S. 64-70. EDN: EUHGLR*
40. Dvoynikova, E.A. Psikhologicheskie osobennosti adaptatsii studentov s raznoi strategiei resheniya uchebno-professional'nykh zadach: avtoref. diss... kand. psikhol. nauk: 19.00.07 - Pedagogicheskaya psikhologiya. Rostov-na-Donu, 2016. 25 s.

Perceptions of leadership qualities among journalism students with different levels of academic performance.

Shtyrev Mikhail Mikhailovich

Postgraduate student; Department of Psychology and Pedagogy, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education 'Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia'

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ mshtyrev@mail.ru

Bashkin Evgenii Bronislavovich

PhD in Psychology

Head of the Department of Psychology and Pedagogy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ bashkin-eb@rudn.ru

Abstract. The subject of this article's research is the perceptions of journalism students regarding leadership qualities depending on their academic performance. The relevance of the topic is due to the necessity of understanding how students perceive qualities important for effective leadership and how this perception is related to their academic achievement. The significance of this topic is linked to the formation of primary social roles and the development of personal qualities in the student environment, which directly influence professional adaptation. The aim of the research is to identify differences in the views of students with high and low academic performance on the importance of specific leadership qualities and their perceptions of what a leader should be. The study is focused on refining strategies for developing the leadership potential of students within educational programs and student self-governance. A comprehensive approach was used in the research, including quantitative (surveys, Mann-Whitney U test) and qualitative (in-depth interviews using the STAR model) methods of analysis. The scientific novelty of the research lies in the empirical confirmation of the relationship between the academic performance of journalism students and their perceptions of leadership qualities. The study identified a list of the most significant leadership qualities, such as organizational thinking, sociability, result-orientation, persuasiveness, creativity, self-control, and empathy, which students perceive as essential for a successful leader. It was found that students with low academic performance often highly value pragmatic qualities of a leader aimed at achieving specific results. In contrast, students with high academic performance place greater importance on social and moral aspects of leadership, including empathy and patriotism. The results of the study open up prospects for the targeted development of adaptive educational strategies that foster the formation of leadership qualities in students, taking into account their individual characteristics and academic achievements.

Keywords: empirical research, journalism students, value-semantic orientations, student environment, self-assessment, behavioral strategies, leadership, academic performance, Leadership qualities, STAR model

References (transliterated)

1. Bazarov, T. Yu., Gasimov, A. F. Osnovaniya dinamiki sovremennykh predstavlenii o stilyakh liderstva v gruppe // Chelovecheskii kapital. 2025. № 2(194). S. 25-34. DOI 10.25629/HC.2025.02.02. EDN NGGSXG.
2. Bashkin, E. B., Shlyakhta, D. A. Vremennaya kompetentnost' kak sostavlyayushchaya chast' psikhicheskogo zdorov'ya v kontekste samorealizatsii lichnosti //

- Samorealizatsiya lichnosti v epokhu tsifrovizatsii: global'nye vyzovy i vozmozhnosti: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 29-30 marta 2022 goda / Rossiiskii universitet druzhby narodov. Moskva: Rossiiskii universitet druzhby narodov (RUDN), 2022. S. 245-250. EDN DSVROX.
3. Beloshapka, R. A. Vneuchebnaya deyatel'nost' kak faktor formirovaniya professional'nykh kompetentsii studentov // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. № 1(46). S. 20-23. EDN ZNDVVL.
 4. Boldyreva, T. A. Sotsial'no-psikhologicheskii klimat v studencheskom kollektive kak predmet uchebnoi refleksii // Strategicheskie napravleniya razvitiya obrazovaniya v Orenburgskoi oblasti: Nauchno-prakticheskaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiem, Orenburg, 29 sentyabrya 2017 goda. Orenburg: Orenburgskii gosudarstvennyi universitet, 2017. S. 653-655. EDN YSGZBO.
 5. Glagoleva, A. V., Zemskaya, Yu. N., Kuznetsova, E. A. Obraz zhizni studentov rossiiskikh vuzov (na primere khobbi i uvlechenii studentov IMEB RUDN) // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2017. № 6-7. S. 35-37. EDN ZEGEOV.
 6. Godunova, A. D., Gritskov, V. L. Motivatsionnye osobennosti rabotayushchikh i nerabotayushchikh studentov (na primere studentov-psikhologov Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta) // Nauchnye issledovaniya vypusnikov fakul'teta psikhologii SPbGU. 2015. T. 3. S. 41-47. EDN VJGDMX.
 7. Goloveshkina, N. V., Goloveshkin, I. D. Psikhologicheskie kharakteristiki sotsial'no aktivnykh obuchayushchikhsya vuza s raznym urovnem akademicheskoi uspevaemosti // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2022. № 4. S. 279-296. DOI 10.35231/18186653_2022_4_279. EDN SZPBKS.
 8. Grechikhin, S. S. Vliyanie postanovki tseli na akademicheskuyu uspevaemost' studentov // Baltiiskii humanitarnyi zhurnal. 2020. T. 9, № 3(32). S. 60-62. DOI 10.26140/bgz3-2020-0903-0012. EDN MGBTWX.
 9. Gruver, N. V. Analiticheskii obzor dissertatsionnykh issledovaniy dobrovol'cheskoi (volonterskoi) deyatel'nosti v uchrezhdeniyakh vysshego obrazovaniya // Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki. 2017. № 1. S. 77-87. EDN YFOVYL.
 10. Kantysheva, A. A. Razvitie liderskikh kachestv studentov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti "Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie", na zanyatiyakh po inostrannomu yazyku // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2024. № 1(104). S. 279-282. DOI 10.24412/1991-5497-2024-1104-279-282. EDN TPTFAD.
 11. Kirilycheva, N. A., Ledovskaya, T. V. Osobennosti mezhlichnostnykh otnoshenii u studentov vuza s raznym urovnem akademicheskoi uspevaemosti // Sistemogenez uchebnoi i professional'noi deyatel'nosti: Materialy VIII vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Yaroslavl', 19-20 noyabrya 2018 goda / Pod red. Yu.P. Povarenkova. Tom Chast' I. Yaroslavl': Yaroslavskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. K.D. Ushinskogo, 2018. S. 199-201. EDN HZDMLN.
 12. Kuz'mina, O. V. Razvitie vremennoi kompetentnosti kak uslovie uspekhov sotsializatsii studentov // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. 2016. T. 26. № 1. S. 47-52. EDN VTNXVH.
 13. Kuchina, P. A. Aktivizatsiya liderskogo potentsiala studentov VUZa v protsesse vneuchebnoi deyatel'nosti // Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2024. № 105-2. S. 104-108. DOI 10.18411/trnio-01-2024-91. EDN DKVLEL.
 14. Lazareva, A. V. Razvitie kommunikativnykh kompetentsii studentov posredstvom treningovykh programm // Vestnik MGIMO Universiteta. 2013. № 5(32). S. 279-285.

EDN RFXJKZ.

15. Lutoshkina, V. N., Davydov, V. A., Vysochina, Yu. L. Problema liderstva v sovremennom vysshem obrazovanii // Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya. 2024. № 1. S. 48-52. EDN GAGVSA.
16. Miller, E. S. Vliyanie psikho-emotsional'nogo sostoyaniya lidera na ego effektivnost': teoriya i praktika // Metodologiya sovremennoi psikhologii. 2025. № 25. S. 265-271. EDN OEKWNM.
17. Mikhailichenko, V., Gren', L. Aktivizatsiya leaderskogo potentsiala studentov vysshikh uchebnykh zavedenii v protsesse obucheniya // Teoriya i praktika upravliniya sotsial'nimi sistemami. 2017. № 1. S. 57-67. EDN YLKUHH.
18. Snegova, E. S. Psikhodiagnostika sformirovannosti leaderskikh kachestv obuchayushchikhsya kak dinamicheskogo professional'no-lichnostnogo obrazovaniya // Izvestiya Velikolukskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii. 2020. № 1(30). S. 52-56. EDN CQRKZC.
19. Fardzinova, Z. A. Uchastie liderov obshchestvennogo mneniya v protsessakh sovershenstvovaniya sotsial'noi politiki v oblasti patrioticheskogo vospitaniya na munitsipal'nom urovne // Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie. 2018. T. 7. № 3(24). S. 392-396. EDN YLGZBB.
20. Shlyakhova, S. S. Vliyanie blogosfery na studenchestvo v regionakh // PR i reklama v izmenyayushchemsya mire: regional'nyi aspekt. 2020. № 22. S. 67-79. EDN AGDSUF.
21. Shtyrev, M. M., Bashkin, E. B. Osobennosti vyrazhennosti tsennostno-smyslovoi determinatsii liderstva u studentov raznykh napravlenii podgotovki // Psikholog. 2023. № 5. S. 1-17. DOI 10.25136/2409-8701.2023.5.43703. EDN VKWPRC.
22. Jordan, U., Külpp, B., Bruckschen, I. Das erfolgreiche Einstellungs-Interview: Potenziale für morgen sicher erkennen und gewinnen. Springer-Verlag, 2012. Abschnitt 4.3.4: STAR-L Fragen. Abgerufen am 10. November 2015.

Electrophysiological markers of cognitive control in the Stroop task: analysis of event-related potentials

Shlyakhov Ivan Sergeevich

Assistant; Department of Psychology; V.A. Almazov National Medical Research Center
Postgraduate student; Faculty of Psychology; Saint Petersburg State University

199225, Russia, St. Petersburg, Vasileostrovsky district, Vadim Shefner str., 14, room 1, building 1

✉ i.shlyakhov@spbu.ru

Gorbunov Ivan Anatol'evich

PhD in Psychology

Senior Lecturer; Faculty of Psychology; St. Petersburg State University

199178, Russia, St. Petersburg, Vasileostrovsky district, line 8-ya.O., 77

✉ i.a.gorbunov@spbu.ru

Dakhnovskaya Maria Sergeevna

Student; Faculty of Psychology; Saint Petersburg State University

199155, Russia, St. Petersburg, Vasileostrovsky district, Zheleznovodskaya str., 15 letter B

✉ st118249@student.spbu.ru

Abstract. Cognitive control plays a key role in regulating behavior and suppressing automated responses, especially in conditions of cognitive conflict. Its mechanisms allow for the suppression of stereotypical reactions and the direction of attention towards achieving set goals. Cognitive control is particularly important in situations where it is necessary to overcome interference between competing stimuli. This study focused on the neurophysiological markers of conflict information processing. To achieve the research objectives, the electroencephalography (EEG) method was employed. The classical Stroop task was used as the experimental paradigm, which models situations of cognitive conflict. As a result, this research analyzed event-related potentials (ERPs) in the Stroop task to study the neurophysiological mechanisms of conflict information processing. The experiment involved 36 participants, whose ERPs were analyzed to identify the following components: N2 (conflict monitoring), N400 (interference suppression), and the late positive component (LPC), associated with conflict resolution. The results showed that the N2 component demonstrated a significant increase in amplitude under conflict stimuli, confirming its association with activation of the anterior cingulate cortex (ACC) in conflict detection. The N400 component appeared as a pronounced negative wave in centro-parietal regions, indicating its involvement in suppression mechanisms. LPC, in turn, showed higher amplitude during conflict resolution, indicating the mobilization of cognitive resources for task control. Thus, the obtained data supports the theory of two-phase cognitive control, where the early phase (N2) is responsible for conflict detection, the middle phase (N400) is related to interference suppression, and the late phase (LPC) reflects conscious information processing and adaptation. This research complements existing data on the neurophysiological bases of cognitive control and opens avenues for further investigation of individual differences and the influence of external factors on the effectiveness of conflict information processing.

Keywords: conflict processing, anterior cingulate cortex, interference, LPC, N400, N2, electroencephalography, Stroop task, event-related potentials, cognitive control

References (transliterated)

1. Braver T.S. The variable nature of cognitive control: A dual mechanisms framework // Trends in Cognitive Sciences. 2012. V. 16. No. 3. P. 106-113.
2. Starodubtsev A.S. Vliyanie kognitivnogo kontrolya na effekt Strupa // Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal. 2018. № 24. S. 40-62. EDN: YRRUPR.
3. Botvinick M.M., Braver T.S., Barch D.M., Carter C.S., Cohen J.D. Conflict monitoring and cognitive control // Psychological Review. 2001. V. 108. No. 3. P. 624-652. EDN: GZRQQT.
4. Hanslmayr S., Pastötter B., Bäuml K.H., Gruber S., Wimber M., Klimesch W. The electrophysiological dynamics of interference during the Stroop task // Journal of Cognitive Neuroscience. 2008. V. 20. No. 2. P. 215-225.
5. Coderre E.L., Conklin K., van Heuven W.J.B. Electrophysiological measures of conflict detection and resolution in the Stroop task // Brain Research. 2011. V. 1413. P. 51-59. DOI: 10.1016/j.brainres.2011.07.017. EDN: XZTIVU.
6. Iannaccone R., Hauser T.U., Ball J., Brandeis D., Walitza S., Brem S. Conflict monitoring and error processing: New insights from simultaneous EEG-fMRI // NeuroImage. 2015. V. 105. P. 395-407.
7. van Veen V., Carter C.S. The timing of action-monitoring processes in the anterior cingulate cortex // Journal of Cognitive Neuroscience. 2002. V. 14. No. 4. P. 593-602.
8. Donohue S.E., Appelbaum L.G., McKay C.C., Woldorff M.G. The neural dynamics of

stimulus and response conflict processing as a function of response complexity and task demands // *Neuropsychologia*. 2016. V. 84. P. 14-28.

9. Larson M.J., Kaufman D.A., Perlstein W.M. Neural time course of conflict adaptation effects on the Stroop task // *Neuropsychologia*. 2009. V. 47. No. 3. P. 663-670.
10. Yeung N., Botvinick M.M., Cohen J.D. The neural basis of error detection: Conflict monitoring and the error-related negativity // *Psychological Review*. 2004. V. 111. No. 4. P. 931-959.
11. Liotti M., Woldorff M.G., Perez R., Mayberg H.S. An ERP study of the time course of the Stroop effect // *Neuropsychologia*. 2000. V. 38. No. 5. P. 701-711. DOI: 10.1016/S0028-3932(99)00106-2. EDN: YEPGXP.
12. Bialystok E. The bilingual adaptation: How minds accommodate experience // *Psychological Bulletin*. 2017. V. 143, No. 3. P. 233-262.
13. Kerns J.G., Cohen J.D., MacDonald A.W., Cho R.Y., Stenger V.A., Carter C.S. Anterior cingulate conflict monitoring and adjustments in control // *Science*. 2004. V. 303. No. 5660. P. 1023-1026. EDN: GRCJOL.
14. van Veen V., Carter C.S. The timing of action-monitoring processes in the anterior cingulate cortex // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2002. V. 14. No. 4. P. 593-602.
15. Carter C.S., Braver T.S., Barch D.M., Botvinick M.M., Noll D., Cohen J.D. Anterior cingulate cortex, error detection, and the online monitoring of performance // *Science*. 1998. V. 280. No. 5364. P. 747-749. EDN: ENLGJ.
16. Milham M.P., Banich M.T., Claus E.D., Cohen N.J. Practice-related effects demonstrate complementary roles of anterior cingulate and prefrontal cortices in attentional control // *NeuroImage*. 2003. V. 18. No. 2. P. 483-493.
17. Leung H.C., Skudlarski P., Gatenby C., Peterson B.S., Gore J.C. An event-related functional MRI study of the Stroop color word interference task // *Cognitive Brain Research*. 2000. V. 12. No. 2. P. 327-340.
18. Larson M.J., Clayson P.E., Clawson A. Making sense of all the conflict: A theoretical review and critique of conflict-related ERPs // *International Journal of Psychophysiology*. 2014. V. 93. No. 3. P. 283-297.
19. Banich M.T. Executive function: The search for an integrated account // *Current Directions in Psychological Science*. 2009. V. 18. No. 2. P. 89-94.
20. Gratton G., Cooper P., Fabiani M., Carter C.S., Karayanidis F. Dynamics of cognitive control: Theoretical bases, paradigms, and a view for the future // *Psychophysiology*. 2017. V. 54. No. 1. P. 6-35.

A comparative analysis of personal characteristics of people who have experienced and not experienced a transcendental experience

Zhukava Aliaksandra

Clinical psychologist
Cognitive Behavioral Psychologist

4 Wilhelma Peak St., Moscow, 129226, Russia

✉ 9876677@mail.ru

Abstract. Modern research on transcendental experience has shown its potential impact on personal development. However, the empirical foundation for understanding changes in the

system of personal traits remains insufficient. Therefore, it is essential to determine the characteristics of individuals who have undergone a transcendental experience. The article presents the findings of a study on the personal traits of those who have had a transcendental encounter. The study involved a sample of 600 individuals, 300 of whom had experienced a transcendent experience and 300 who had not. The ages ranged from 18 to 78, with an average age of 37. Results indicate that individuals who have had transcendental encounters exhibit certain personality characteristics, including responsibility, openness to novelty, and a desire for self-fulfillment. These individuals also tend to have an internal locus of control and high self-efficacy, as well as the harmonious development of their personal qualities. The study also supports the hypothesis that transcendental experiences have a significant impact on personal growth, leading to positive changes in self-worth and life values. The integrated approach and large sample size used in this research make it a significant contribution to understanding the mechanisms of adaptation and self-realization in relation to transcendental experiences. The results obtained make a significant contribution to the understanding of the relationship between transcendent experience and changes in personality traits. The revealed trends suggest that transcendental experience can act as a factor contributing to the adaptive restructuring of personality, changing both cognitive and emotional aspects and the system of life values. This opens prospects for further study of the role of such experiences in the processes of self-regulation and personal growth.

Keywords: empirical research, personal values, locus of control, change in self-efficacy, life satisfaction, personality traits, personal characteristics, personality, transcendent experience, values

References (transliterated)

1. Bodaleev A.A. Praktikum po psikhodiagnostike. Psikhodiagnosticheskie materialy / redkol.: A.A. Bodalev [i dr.]. M.: MGU, 1988. 446 s.
2. Gerasimova I.A., Ivanov A.V., Fotieva I.V. Transtsendentnyi opyt: vozmozhnost' peresecheniya teologicheskogo, filosofskogo i nauchnogo podkhodov // Kul'tura i iskusstvo. 2023. № 3. S. 9-24. DOI: 10.7256/2454-0625.2023.3.38068 EDN: COERDD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38068
3. Zhukova A.A., Kashirskii D.V. Strategii sovladaniya v svyazi s perezhitym transtsendentnym opytom: issledovanie koping-povedeniya i lichnostnykh osobennostei // Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta. 2024. T. 23. № 2 (171). S. 24-32. DOI: 10.17922/2071-5323-2024-23-24-32. EDN: OZYRKO.
4. Zhukova A.A. Metodologicheskie osobennosti issledovaniya transtsendentnogo opyta // Sbornik statei LIX mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moskva: Nauchno-izdatel'skii tsentr "Aktual'nost'.RF", 2024. S. 119-122. EDN: IHZKMW.
5. Zhukova A.A. Aktual'nost' i problemy issledovaniya transtsendentnogo opyta // Aktual'nye problemy nauchnykh issledovaniy. 2024. S. 61-64. EDN: SYGVJJ.
6. Kashirskii D.V. Psikhologiya lichnostnykh tsennostei: diss. ... doktora psikhol. nauk. M., 2014. 551 s. EDN: SHLLMZ.
7. Osin E.N., Leont'ev D.A. Kratkie russkoyazychnye shkaly diagnostiki sub'ektivnogo blagopoluchiya: psikhometricheskie kharakteristiki i sravnitel'nyi analiz // Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2020. № 1 (155). S. 117-142. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06. EDN: FLYPFH.
8. Remezova I.I. Transtsendentsiya v prostranstve kul'tury: o paradoksakh

chelovecheskoi prirody // Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty. 2017. № 3-4 (30-31). S. 84-97. EDN: YODWVU.

9. Romek V.G., Shvartser R., Erusalem M. Russkaya versiya shkaly obshchei samoeffektivnosti R. Shvartsera i M. Erusalema // Inostrannaya psikhologiya. 1996. № 7. S. 71-77. EDN: VLYGQL.
10. Mishkevich A.M. i dr. Aprobatsiya kratkoi i sverkhkratkoi versii voprosnika Big Five Inventory-2: BFI-2-S i BFI-2-XS // Psikhologicheskii zhurnal. 2022. № 1. S. 95-108. DOI: 10.31857/S020595920017744-4. EDN: XVJIEK.

Psychological characteristics of a volunteer's personality maturity

Shutkina Zhanna Aleksandrovna

PhD in Pedagogy

Associate Professor; Department of Age and Clinical Psychology, National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

7 Universitetskiy str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603000, Russia

✉ zhannashutkina@mail.ru

Mikhaylova Natalya Vladimirovna

PhD in Pedagogy

Associate Professor; Faculty of Social Sciences; N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

Ankudinovskoe shosse, 3, Nizhny Novgorod, 603029, Russia

✉ sorokanv@yandex.ru

Abstract. The problem of studying the psychological characteristics of the maturity of a volunteer's personality lies in the fact that there are contradictions between maturity as a value of global importance, focused on universal human views and determining the direction of human activity, and insufficient information about the social behavior of groups engaged in volunteer activities.

Subject of the study: psychological characteristics of the maturity of a volunteer's personality: social responsibility, self-actualization, altruism and empathy. Research hypotheses: 1) There are differences in the psychological characteristics of the maturity of the personality of volunteers and persons not involved in volunteer activities, which are expressed in higher values for volunteers:

- an indicator of social responsibility; - a general indicator of self-actualization, with a predominance of scales of orientation in time, value, the need for knowledge, the desire for creativity; - the level of altruism; - the total indicator of empathy, with a pronounced emotional channel of empathy. 2) The structure of interrelations of social responsibility, altruism, self-actualization and empathy differs between volunteers and people who are not involved in volunteer activities. The following methods were used in the study: the "Scale of social responsibility" by L. Berkowitz and K. Lutterman (according to K. Muzdybaev). Diagnosis of self-actualization of personality A.V. Lazukin's method in adaptation by N.F. Kalin. Diagnosis of the "altruism-egoism" personality attitude Fetikina N.P., Kozlova V.V. and Manuylova G.M.

Methodology for diagnosing the level of empathic abilities of V. V. Boyko. The article provides a comparative analysis of the psychological characteristics of the maturity of the personality of volunteers and persons not involved in volunteer activities. Among the psychological

characteristics are highlighted: social responsibility, self-actualization, altruism and empathy. As a result of the conducted research, it was revealed that participants in volunteer activities show a high level of altruism and self-actualization compared to people who do not volunteer. There were also differences in the structure of the relationships between these indicators. According to the results of the study, it was concluded that participation in volunteer activities contributes to the development of altruism and self-actualization, and conclusions were drawn about the level of maturity of the volunteers' personality. It can also be concluded that one of the conditions for the psychological development of maturity as a value is the organization of volunteer practices in the educational process.

Keywords: spiritual development, value orientations, voluntary activities, spirituality, self-actualization, altruism, empathy, social responsibility, volunteering, maturity of personality

References (transliterated)

1. Petrovskii V.A. Psikhologiya neadaptivnoi aktivnosti. M.: TOO Gorbunok, 1992.
2. Ackermann K. Predisposed to volunteer? Personality traits and different forms of volunteering // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2019. T. 48. № 6. P. 1119-1142.
3. Benevene P. et al. Ethical leadership as antecedent of job satisfaction, affective organizational commitment and intention to stay among volunteers of non-profit organizations // Frontiers in Psychology. 2018. T. 9. S. 2069.
4. Cox J. et al. Doing good online: The changing relationships between motivations, activity, and retention among online volunteers // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2018. T. 47. № 5. S. 1031-1056.
5. Gray D., Stevenson C. How can 'we' help? Exploring the role of shared social identity in the experiences and benefits of volunteering // Journal of Community & Applied Social Psychology. 2020. T. 30. № 4. S. 341-353.
6. Haski-Leventhal D. et al. The multidimensional benefits of university student volunteering: Psychological contract, expectations, and outcomes // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2020. T. 49. № 1. S. 113-133.
7. Lau Y. et al. Volunteer motivation, social problem solving, self-efficacy, and mental health: a structural equation model approach // Educational Psychology. 2019. T. 39. № 1. S. 112-132.
8. Pevnaya M.V. Volonterstvo kak sotsial'nyi fenomen: upravlencheskii podkhod. Avtoref. dis. ... d-ra sotsiologich. nauk. 2016.
9. Kretova U.P. Model' volonterskoi deyatel'nosti // Vestnik KRAUNTs. Gumanitarnye nauki. 2014. № 2 (24).
10. Balyk A.S., Tsybulenko O.P. Psikhologicheskaya zrelost' lichnosti: teoreticheskie kontseptsii i podkhody // Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika. 2016. № 12. S. 63-67.
11. Zabelina A.V. Problema samoaktualizatsii lichnosti // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo. 2013. № 3 (7).
12. Golovei L.A. Psikhologicheskaya zrelost' lichnosti / Pod obshch. red. L.A. Golovei. SPb.: Skifiya-print, SPbGU, 2014. 240 s.
13. Shutenko A.I. Tsennostnye izmereniya volonterskoi deyatel'nosti kak sfery nraivstvennogo rosta i grazhdanskogo uchastiya studencheskoi molodezhi // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2024. № 1(67). S. 537-554.

Psychodiagnostics of employees' hardiness and related personality parameters

Penzina Nella

PhD in Economics

Associate Professor, Department of Psychology, Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

129090, Russia, Moscow, Meshchanskaya str., 9/14 p. 1

✉ nella@list.ru

Semakova Elena Vladimirovna

PhD in Medicine

Associate Professor, Department of Psychology, Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

129090, Russia, Moscow, Meshchansky district, 9/14 Meshchanskaya St., building 1

✉ semaksmol@yandex.ru

Abstract. The subject of the research is the relationship between the level of resilience and personal characteristics of the employees of the organization. The object of the research is the resilience of the personality and personal characteristics of the company's employees. The article discusses issues such as the resilience of a personality, how relevant it is now and which personality traits, according to the authors, are most interrelated with the level of resilience of a personality. The article describes how to choose the right psychodiagnostic techniques, what difficulties may arise during the research process, and how to interpret the results correctly. This study was conducted in the private company for 1 year. The total sample size is 200 people. The data were interpreted, systematized, and general conclusions were drawn after the study. Methods of analysis, synthesis and classification were used in the research. The authors of the article used the psychodiagnostic tools of the working employees of the organization. Next, statistical data processing was carried out and conclusions were drawn. The study was conducted in a private company with 200 employees for 1 year. This article reviewed the practice of using the S.Muddy resilience test (adapted by D.A.Leontiev), the Oxford Happiness Inventory, the Volitional Self-Control Questionnaire by A. G. Zverkov and E. V. Eidman, the Uncertainty Tolerance Questionnaire by T.V. Kornilova, the Religiosity Test by Yu.V. Shcherbatykh and the author's questionnaire in the context of studying the resilience and personal characteristics of employees, which are interrelated with resilience. The authors proposed a set of selected psychodiagnostic techniques and a new questionnaire for the diagnosis of resilience and personality traits related to resilience. The data from the correlation analysis were presented in Table 4. This article expands the knowledge base on the study of resilience. The prospect of further research is to develop questions about the relationship between religion and resilience in a more diverse and numerous sample.

Keywords: interpersonal intolerance, author's profile, the test of religiosity, Religion and resilience, tolerance to uncertainty, employee psychodiagnostics, strong-willed self-control, the level of happiness, psychodiagnostics, hardiness

References (transliterated)

1. Penzina N.I. Effektivnaya kompleksnaya psikhodiagnostika dlya uspeshnogo funktsionirovaniya i razvitiya personala organizatsii // International Journal of Medicine and Psychology "Mezhdunarodnyi zhurnal meditsiny i psikhologii". – 2024. – T. 7. – №

5. – S. 231-238.
2. Garanina M.M. Fenomen zhiznестоikosti: podkhody k rassmotreniyu, perspektivy izucheniya // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. – 2023. – № 12 (138). – URL: <https://research-journal.org/archive/12-138-2023-december/10.23670/IRJ.2023.138.184> (data obrashcheniya: 25.02.2025). – DOI: 10.23670/IRJ.2023.138.184.
3. Galiev R.R. Obzor issledovaniy zhiznестоikosti lichnosti // Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika. – 2022. – № 1. – S. 129-133. – DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2022.1.16>.
4. Muratshina G.M. Smyslozhiznennyye orientatsii kak korrelyaty zhiznестоikosti kursantov voennogo vuza // Alleya nauki. – 2021. – T. 1, № 3 (54). – S. 54-57.
5. Nalivaiko T.V. K voprosu osmysleniya kontseptsii zhiznестоikosti S. Maddi // Vestnik integrativnoi psikhologii. – 2006. – № 4. – S. 127-130.
6. Chertykov I.N. Zhiznестоikost' kak psikhologo-pedagogicheskoe ponyatie // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2015. – № 6 (55). – S. 220-222.
7. Evdokimov A.A., Sharukhin A.P. Pedagogicheskie usloviya razvitiya samokontrolya u kursantov vuzov vnutrennikh voisk MVD Rossii pri primenenii intensifitsiruyushchikh protsess obucheniya tekhnologii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2013. – № 4 (60). – S. 161-167.
8. Volobueva N.M., Serezhko T.A. Zhiznестоikost' i religioznost' kak resursy sovremennogo cheloveka v trudnykh zhiznennykh situatsiyakh // Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Gumanitarnye nauki. – 2015. – № 24 (221), vyp. 28. – S. 151-158.
9. Maddi S.R. Hardiness: The courage to grow from stresses // The Journal of Positive Psychology. – 2006. – T. 1. – S. 160-168.
10. Maddi S.R., Khoshaba D.M. Hardiness and Mental Health // Journal of Personality Assessment. – 1994. – Vol. 63, Issue 2. – S. 265-274.
11. Bogomaz S.A., Balanov D.Yu. Zhiznестоikost' kak komponent innovatsionnogo potentsiala cheloveka // Sibirskii psikhologicheskii zhurnal. – 2009. – № 32. – S. 23-27.
12. Betanova S.S., Pozina M.B., Semakova E.V., Sigunov V.N. Emotsional'nyi otklik kak lichnostnaya determinanta professional'nogo utomleniya sotrudnikov transportno-logisticheskikh organizatsii // Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika. – 2023. – № 9 (67). – S. 39-45.

The use of ChatGPT in the development of critical thinking

Konkov Kirill Alekseevich

Postgraduate student; Institute of Foreign Languages; Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ kiryan_k@mail.ru

Abstract. Technological progress creates new opportunities for the development of users' cognitive skills. At the same time, the number of questions and problems for most researchers in the field of cognitive psychology is increasing. Innovations, including achievements in neural networks, and their impact on psychological aspects of personality annually attract many scientists and become one of the main subjects of studies. The subject of this paper are texts generated by ChatGPT. Given the rapidly increasing pace of technological innovations, it is important to understand how they affect cognitive processes. Thus, this article aims to

reveal the relationship between the use of ChatGPT and critical thinking development. The experiment and content-analysis research methods were chosen, in which questions were asked to the artificial intelligence and the received responses were examined to find correlations between messages and their potential impact on the critical thinking development. The scientific novelty of the study lies in the consideration of a new approach to artificial intelligence as a tool that facilitates the development of the ability to think critically. The study revealed that improving the skill of thinking critically is possible through a group discussion or self-studies, however, in both cases there are disadvantages that make it difficult to achieve this goal and slow down the process: lack of motivation, time, sufficient quantity and quality of examples and arguments, information overload, incompetence or stereotypical thinking. In this regard, being built on large corpuses of text and capable of generating a wide variety of responses, ChatGPT is a tool that stimulates the improvement of analytical and thinking abilities. The virtual assistant's capabilities include composing responses in such a way as to encourage users to evaluate the received data, pose clarifying questions, and analyze different points of view, thereby developing the ability to think critically.

Keywords: Personal development, Artificial intelligence, Technological innovations, ChatGPT, Cognitive psychology, Critical thinking, Personality psychology, Personality, Psychology of thinking, Psychology

References (transliterated)

1. Zhurakovskaya V.M. i drugie. Razvitie kriticheskogo myshleniya obuchayushchikhsya v obrazovatel'nom protsesse / V.M. Zhurakovskaya, A.L. Morozova, T.P. Simakova, S.L. Rykov, T.V. Avgusmanova, E.V. Antonova / Pod red. S.V. Ivanovoi. – M.: FGBNU «Institut strategii razvitiya obrazovaniya RAO», 2019. – S. 992-1012.
2. The Importance of Critical Thinking Development in Higher Education: [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://blog.uol.ac.cy/post/the-importance-of-critical-thinking-development-in-higher-education> (data obrashcheniya: 09.04.2024).
3. Dunn D.S. and others. Teaching critical thinking in psychology: a handbook of best practices. – UK: Blackwell Publishing Ltd, 2008. – 298 p.
4. Picciano A.G. Theories and frameworks for online education: seeking an integrated model // Online Learning. – 2017. – No. 21(3). – P. 166-190.
5. Tselikova V.V. Psikhologicheskie mekhanizmy vliyaniya na lichnost' v kul'te // Zhurnal prakticheskogo psikhologa. – 1996. – № 5. – S. 71-75.
6. Gokhberg L.M. i drugie. Obrazovanie v tsifrakh: 2022 : kratkii statisticheskii sbornik / Pod obshch. red. L.M. Gokhberg, L.B. Kuz'micheva, O.K. Ozerova i dr. – M.: NIU VShE, 2022. – 132 s.
7. Ponkratova Yu.G. Razvitie kriticheskogo myshleniya kak sotsial'no i lichnostno znachimoi sposobnosti sovremennogo shkol'nika // Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik. – 2008. – № 3. – S. 52-56.
8. Bogdanova S.Yu., Kaverina O.A. Samostoyatel'noe obuchenie v kontekste razvitiya kriticheskogo myshleniya // Prepodavatel' KhKhI vek. – 2019. – №1. – S. 112-120.
9. Pawlak M. and others. Autonomy in Second Language Learning: Managing the Resources. – Springer International Publishing Switzerland, 2017. – 213 p.
10. Musina-Maznova G.Kh., Skolota Z.N. Tekhnologiya razvitiya kriticheskogo myshleniya v formirovanii professional'nykh kompetentsii studentov // Internet-zhurnal «Mir nauki». – 2018. – № 6. – C. 1-8.

11. Zair-Bek S.I., Mushtavinskaya I.V. Razvitie kriticheskogo myshleniya na uroke: posobie dlya uchitelei obshcheobrazovat. uchrezhdenii. – 2-e izd., dorab. – M.: Prosveshchenie, 2011. – 223 s.
12. Tkacheva L.L. Tekhnologii razvitiya kriticheskogo myshleniya // Vestnik YuUrGU. Seriya: Lingvistika. – 2008. – № 16(116). – S. 95-98.
13. Paul R.W. Critical thinking: what every person needs to survive in a rapidly changing world. Rohnert Park, CA: Center for Critical Thinking and Moral Critique, Sonoma State Univ., 1990. – 575 p.
14. Nepryakhin N., Pashchenko T. Kriticheskoe myshlenie: zheleznaya logika na vse sluchai zhizni. M.: Al'pina.Deti, 2023. – 192 s.
15. Agoos S. 5 tips to improve your critical thinking: [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://ed.ted.com/lessons/5-tips-to-improve-your-critical-thinking-samantha-agoos/watch> (data obrashcheniya: 11.04.2024).
16. Nepryakhin N. Chto takoe kriticheskoe myshlenie?: [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5e0608ea9a7947fa3c1bcf34> (data obrashcheniya: 11.04.2024).
17. Van den Berg D., du Plessis E. ChatGPT and generative AI: possibilities for its contribution to lesson planning, critical thinking and openness in teacher education // Education Sciences. – 2023. – No. 13(10). – P. 1-12.
18. OpenAI. ChatGPT (versiya ot 1 maya 2024) [bol'shaya yazykovaya model']. URL: <https://chat.openai.com/share/ca700358-4adf-4487-a132-921a4c13b85e>.
19. Ray P.P. ChatGPT: a comprehensive review on background, applications, key challenges, bias, ethics, limitations and future scope // Internet of Things and Cyber-Physical Systems. – 2023. – No. 3. – P. 121-154.
20. Walter Y. Embracing the future of artificial intelligence in the classroom: the relevance of AI literacy, prompt engineering, and critical thinking in modern education // International Journal of Educational Technology in Higher Education. – 2024. – No. 21(15). – P. 1-29.
21. Foot P. The problem of abortion and the doctrine of the double Effect // Oxford Review. – 1967. – No 5. – P. 1-5.
22. Thomson J.J. Killing, letting die, and the trolley problem // Philosophical Problems of Death. – 1976. – Vol. 59, No. 2. – P. 204-217.
23. OpenAI. ChatGPT (versiya ot 1 maya 2024) [bol'shaya yazykovaya model']. URL: <https://chat.openai.com/share/45881d68-b7db-489a-9edc-ebcdc387859e>.